

КРАСНАЯ ДЮЖИНА

КРАХ СССР: ОНИ БЫЛИ ПРОТИВ

ГКЧП

Бакланов О.Д.

Крычков В.А.

Павлов В.С.

Пуго Б.К.

Стародубцев В.А.

Тизяков А.И.

Язов Д.Т.

Янаев Г.И.

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

КРАСНАЯ ДЮЖИНА

КРАХ СССР: ОНИ БЫЛИ ПРОТИВ

УДК 323.22
ББК 66

Дизайн обложки - Денис Барковский

Д60

Евгений Ю. Додолев
КРАСНАЯ ДЮЖИНА. КРАХ СССР: ОНИ БЫЛИ ПРОТИВ —
М.: Зеленая лампа, 2012. — 256 с.

Книга основана на серии эксклюзивных интервью с ньюсмейкерами 1991 года. Полковник Виктор Алкснис, министр-гэкачепист Олег Бакланов, основатель общества «Память» Дмитрий Васильев, генерал КГБ Олег Калугин, главред перестроечного «Огонька» Виталий Коротич, хард-лайнер Егор Лигачев, генерал-антисемит Альберт Макашов, первый & последний премьер-министр Советского Союза Валентин Павлов, «блондинка-чеченка» Сажи Умалатова, председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков, третье лицо партии (после Горбачёва и Ивашко) Олег Шенин, вице-президент СССР Геннадий Янаев. Дюжина политических деятелей, от чьих замыслов + выступлений зависела судьба Союза ССР. Все персонажи, представленные в этом сборнике, были повелителями дум, вождями (пусть и разномасштабными), лидерами, ньюсмейкерами 1991 года, теми, кто был в фокусе общественного внимания в момент распада СССР. На словах они все, занимая разные (порой полярные) позиции, были против распада страны, но по факту вели державу к неминуемому краху.

Автор книги Евгений Ю. Додолев в то время был известен как репортер-первопроходец & ведущий легендарной программы «Взгляд», и некоторые из героев «Красной дюжины» стали всеобщими известны именно после додолевских ТВ-сюжетов.

© Евгений Ю. Додолев, 2012 г.

© Издательство «Зеленая лампа», 2012 г.

© ООО «Издательство «Зебра Е», 2012 г.

ISBN: 978-5-470-00173-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВА

«Кадры решают все», — заметил один очень серьезный государственный деятель. Эта книга — ярчайшая иллюстрация того, насколько он был прав. Собранные здесь интервью — кадровая, «человеческая» составляющая события века — падения сверхдержавы, которая, по совместительству, была нашей Родиной. Это интервью с людьми, которые вроде как хотели предотвратить катастрофу. То есть вроде как, в отличие от многих, понимали, что происходит.

Самое показательное — контраст между масштабом события и масштабом личностей. «Пойми мой характер, если хоть один погибнет — я жить не смогу» — это «первое лицо», номинальный глава путчистов Янаев Крючкову во время путча.

Характер поняли — спасибо автору книги. Янаев милейший, в общем, мужик, потративший большую часть жизни на безобидно-бесполезную комсомольскую карьеру. Человек совершенно случайной биографии, которого все время несло как окурочек в канализации, чтобы на несколько часов прибить, приклеить к точке исторического поворота. И слить в отстойник. Вместе со всей сверхдержавой, укомплектовавшей свою элиту такими

окурками, за редкими исключениями. И предателями. Мораль сей басни: с такими окурками и предатели не нужны. Вот нет в книге, например, Горбачева, и не надо. И так все понятно.

Впечатление усиливается авторской интонацией, чем-то напоминающей дежурного в приемном покое маленького сумасшедшего домика. Такого — санаторного типа. То есть не для буйных.

ОТ АВТОРА

Прогуливая знакомого британского продюсера по Воробьевым горам, столкнулся с Егор Кузьмичем Лигачевым. Глазам своим не поверил.

— Колин, представляешь, это второй человек был в СССР, после Горби, когда...

— Да, да, конечно, я помню, — перебила меня англичанка.

Удивительно, что блондинка из BBC-One на раз вспомнила могущественного хард-лайнера (так его величали в западной прессе того времени), а равнодушные соотечественники явно не узнавали грозного политика, от замыслов коего четверть века назад зависела не только их жизнь, но и судьба всего человечества. Притом что внешне Лигачев образца 2011-го не отличался, по мне, от того Егор Кузьмича, с которым записано было двадцать лет назад, в год развала державы (1991), интервью для проекта «Новый Взгляд». Это был еженедельник самой влиятельной телекомпании той поры — «ВИД», который я возглавил с подачи Вани Демидова и по приглашению Саши Любимова (обоим признателен по сей день). «Новый Взгляд» (изначально зарегистрирован как «ВИД/Взгляд») публиковал полосные беседы с персонажами, которые были как бы персонами нон

грата в демократической (читай: мейнстримовской) печати. Это было такой игривой фишкой. Плюрализм типа. Собственно, и сама программа «Взгляд» давала слово политическим оппонентам, которым была, как казалось, заказана дорога на Гостелерадио СССР. Например, лигачевской креатуре — Нине Андреевой. О ней я тоже расскажу.

Мне кажется, все эти беседы, записанные в первые месяцы после крушения СССР, представляют собой любопытный документ. Который демонстрирует характеристики так называемого человеческого материала. Все персонажи, представленные в этом сборнике, были повелителями дум, вождями (пусть и разномасштабными), лидерами, ньюсмейкерами 1991 года, теми, кто был в фокусе общественного внимания в момент распада СССР.

Некоторых из них уже нет в живых, другие забыты публикой. А когда-то, повторю, они были фигурами абсолютно знаковыми. Знаковыми во всесоюзном масштабе. Именно они персонифицировали постсоветский истеблишмент. Их речам внимали, их решения воплощали в жизнь, их портреты числили иконами (и антииконами). Иных уж нет, а те далече.

Полковник Виктор Алкснис (о котором современная российская блогосфера узнала после медиасрача с блоггером-историком Тимофеем Шевяковым).

Министр-гэкачепист Олег Бакланов (оставшийся в космическом бизнесе).

Основатель общества «Память» Дмитрий Васильев (из-за интервью которого эмигрировал в Израиль ведущий рубрики в «МК»).

Генерал КГБ Олег Калугин (обвиненный Владимиром Путиным в предательстве).

Главред перестроечного «Огонька» Виталий Коротич (не ставший медиамагнатом).

Вождь правого крыла Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев (сказавший Ельцину «Ты не прав, Борис!»).

Генерал-антисемит Альберт Макашов (не самым политкорректным образом рассказавший о своем отношении к гомосексуалистам в Советской армии, отметив, что сталкивался с «представителями южных республик, где даже законом запрещено скотоложство»).

Единственный (первый & последний) премьер-министр Советского Союза Валентин Павлов (прославившийся обменом денег).

«Блондинка-чеченка» Сажид Умалатова (не причисляющая себя к племени «сбитых летчиков»).

Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков (старейший из нынешних сенаторов России).

Третье лицо партии (после Горбачева и Ивашко) Олег Шенин (рассказавший, как в «Матросской тишине» пытались устранить шефа КГБ Крючкова).

Вице-президент СССР Геннадий Янаев (второй человек страны, номинально возглавлявший Советский Союз в течение трех дней/ночей ГКЧП; его жена Роза утверждает, что в квартиру, от которой она отказалась из скромности, въехал тогда Гарри Каспаров).

Дюжина политических деятелей, от чьих замыслов + выступлений зависела судьба Союза ССР. На словах они все, занимая разные (порой полярные) позиции, были против распада страны, но по факту вели державу к неминуемому краху. То, что они говорили тогда, не все могут повторить. Не потому, что скорректировали свою точку зрения. Просто, еще раз напомню, иных уж нет (Васильев, Ивашко, Павлов, Шенин, Янаев). А те далеко (Калугин эмигрировал в Штаты, Коротич вернулся в Киев). Другие предпочитают ныне присказку «по comments». И это правильно. «Слово не воробей». И эти птицы жиреют, матерекуют и могут порой склевать вовсе.

Но сейчас уместно вспомнить, какие тезисы считали нужным озвучивать ньюсмейкеры 1991 года. И какие тайны при этом скрывали. С тем же Коротичем я сразу после путча 91-го записал несколько интервью (не только

для «Нового Взгляда», но и для «МК») и счел возможным влегкую смикшировать наши разговоры. Все же остальные беседы воспроизведены точно в том виде, в котором были представлены на тех газетных полосах. Мне кажется, что ценность высказываний героев того времени именно в их аутентичности. Однако сам я от послесловий «Двадцать лет спустя» не посчитал нужным воздерживаться.

ГЛАВА 1.

ПОРТРЕТ МАКАШОВА НА СЛУЧАЙНОМ ФОНЕ

Специально место для съемки мы с фотокорреспондентом Алексеем Азаровым не выбирали. Все получилось само собой. Альберт Макашов, которого я долго «пас» в Самаре, наконец выбрался по делам в Москву. Встречу назначил почему-то перед памятником Циолковскому возле метро «ВДНХ». На беду, пошел дождь. В поисках укрытия мы набрали на кинотеатр «Космос», где и демонстрировался криминальный боевик «Волкодав». То, что афиша оказалась за спиной, совпадение. Проявив пленку, мы хотели заретушировать надпись, но потом, прослушав начало диалога с генералом, решили, что этого делать не надо.

ЛЖЕДМИТРИЙ

— Небось какого-нибудь монстра из меня лепить будете? Мне ничего не страшно. Меня ведь даже как-то с Пиночетом сравнили. Кстати, вы знаете, что рейтинг этого человека в Чили настолько высок, что простой люд до сих пор не дает освободить Пиночета с поста главнокомандующего

сухопутными войсками? Выясняется, между прочим, что Пиночет на стадионы не только социалистов кидал, но и во-ришек, проституток; журналистов.

— *Короче, сравнение с Пиночетом вы считаете чуть ли не лестным для себя?*

— Я этого не говорил. И вообще я ни в каких сравнениях не нуждаюсь. Я — Макашов.

— *Имя у вас какое-то не совсем обычное.*

— 1938 год. Мода на все германское. Земский врач Наталья Васильевна, воспитывавшая мою мать, прочитала роман Жорж Санд «Консуэло», одного из персонажей которого и звали Альбертом. Как потом рассказывала мне сама Наталья Васильевна, она и порекомендовала маме это имя. Тогда вообще в чести были Роберты, Альфреды. Спасибо, что Адольфом не назвали. Пришлось бы менять.

— *И все-таки: как вас в детстве величали — Аликом или Бертиком?*

— Я с раннего возраста был серьезным, поэтому ко мне обращались строго как к Альберту Макашову. Правда, когда меня крестили, то нарекли Дмитрием. Мать у меня из староверов, а 12 июня — это день Дмитрия Салунского. В честь этого святого меня и назвали. Поэтому жена, когда хочет меня поддразнить или рассердить, говорит: «Ты не Альберт, ты у меня Митя». И на родине матери в селе Красный Лох старые люди по-прежнему зовут меня Дмитрием Макашовым.

— *Получается, вы Лжедмитрий?*

— Ну, стариков, которые помнят мое христианское имя, остается все меньше и меньше.

— *А дома — мать, отец?*

— Я очень рано ушел из дома, в 12 лет поступил в суворовское училище, там уже называли тем именем, которое значится в документах. Да разве столь уж существенно, как меня звать? Главное, что Мамлюком я не стал. Тот готов был воевать за всякого, кто ему платит, я же, несмотря на

нищенское генеральское жалованье, продолжаю оставаться верен и присяге, и Родине. Это относится, кстати, к большинству офицеров и генералов.

— *Давайте о верности присяге поговорим чуть позже, а пока вернемся в 49-й год, когда вы покинули дом.*

— Вообще-то я мечтал стать военным моряком, но начальник Ленинградского нахимовского училища, куда я обратился, ответил, что иногородних на учебу не берет. В итоге я подал документы в Воронежское суворовское. Позже, уже генералом, изучая в академии Генштаба 30-й проект подводных лодок, увидел, что там почти постоянно приходится перемещаться на карачках, и порадовался. Как в анекдоте: у подводника спрашивают, что это за шкаф, а он отвечает, что это не шкаф, а каюта командира. Слава богу, что я не попал в подводники!

— *В вашей семье есть профессиональные военные?*

— Оба моих родителя из казачьего рода, отец начинал службу в кавалерии, потом перешел в механизированные войска. Вместе с отцом мотались и мы по гарнизонам. Войну отец закончил старшим лейтенантом, такая вот карьера. Воевал, как и все, имеет, в частности, медаль «За оборону Москвы». Был сверхсрочником. Отец и сейчас жив, а мать умерла.

— *Вы находитесь в запасе?*

— Я считаю себя мобилизованным. Поэтому и не бросаю свою деятельность, что вижу ее необходимость для страны, для армии. Не в запасе я, а в опале. Я очередной генерал, не угодивший властям, такое в России не раз уже случилось. Когда политики ведут борьбу за власть, страдают в первую очередь честные люди, те, кто работает не на себя, а на государство, защищает его.

— *Словом, вы не считаете свою карьеру законченной?*

— Конечно, нет. Мне еще до официальной пенсии семь лет.

Да, я знаю, что не угодил трем президентам — Горбачеву, Ельцину и Бушу, вероятно, еще и папе римскому. Для меня

не новость, что все делается согласованно, по указке из-за океана.

— *Вы это серьезно?*

— А что, разве я похож на шутника? Безусловно, все назначения в нашем командовании согласовываются и утверждаются в Белом доме, Лэнгли и Пентагоне. Мною невозможно манипулировать и управлять, поэтому решили просто убрать, чтобы не мешал осуществлению планов по развалу нашей страны. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

— *Как-то все-таки с трудом верится.*

— А я повторяю: кандидатуры высшего командования и генералитета проходят проверку в ЦРУ, там дают добро Москве.

— *В натуре?*

— Господи, я серьезный человек! Мне приходилось слышать, как людей снимали с должностей, оперируя информацией, полученной из ЦРУ.

— *Шапошников, получается, удобен американцам?*

— Абсолютно точно. Человек, изменивший присяге и своему знамени и не стесняющийся вслух об этом заявлять, является предателем. Он уже потенциально готов к получению своих тридцати сребреников.

— *И Лебеда тоже назначили по указке ЦРУ?*

— А вы знаете, что генерал Лебедь публично отрекся от звания защитника Белого дома? Это примерно такая же сплетня, как распушенная 20 августа 1991 года радиостанцией «Эхо Москвы» информация о том, что генерал Макашов вместе с двумя дивизиями перешел на сторону Ельцина. Так и из Лебеда хотели сделать защитника Белого дома. Понимаете, и на старуху бывает проруха. И у ЦРУ случаются проколы. Поэтому наличие честных, независимых генералов для них как кость в горле, вот и тужатся нас скомпрометировать любыми способами. Когда не получается, сильно бесятся. Ничего-ничего, им даже полезно.

— *Как бы там ни было, но сейчас вы вне армии и вынуждены существовать на пенсию. Вам ее хватает на жизнь?*

— Покажите мне человека, которому хватало бы денег, которые он получает. На мою пенсию не разгуляешься. Из-за этого я в Москве бываю реже, чем хотелось бы, и с командировками приходится себя ограничивать.

— *Значит, командировки кто-то все-таки оплачивает?*

— Моя собственная жена. Из моей собственной пенсии спонсирует.

— *Кто ваша супруга по профессии?*

— Офицерская жена. В свое время я сорвал ее с институтской скамьи, мы немало с ней попутешествовали, в основном по заграницам — Азербайджан, Армения, Грузия, Украина. Правда, дважды служил в Германии. В Восточной. Жена работала медсестрой, но сейчас у нас пятеро внуков, за детворой надо следить.

— *Раз ваш спонсор — жена, следовательно, финансами в доме распоряжается она?*

— Говорят, я идеальный муж: приношу всю получку. И всю уношу. Шутка.

А вообще, конечно, в нашей семье все хозяйство на жене. Я слышал, что некоторые мужья пытаются сами все контролировать и всем заниматься, но мне неясно, когда же они делают свое основное дело. Мужчина должен быть в авангарде, а семья — это тыл. Пока он у меня крепкий.

— *Свою первую любовь вы помните?*

— Естественно, помню. Извольте, если это вам интересно. С прошествием времени я понимаю, что идеализировал свою первую девушку. Мы с ней познакомились, когда я был уже курсантом военного училища в Воронеже. Вероятно, моя первая любовь позволила мне иметь крепкое здоровье, поскольку я не гулял на стороне, а посвящал себя избраннице и спорту.

— *Не понял, любовь вы сравниваете с физической закалкой?*

— Конечно, это ведь требовало силы. Но потом Никита Хрущев постарался, и началось шельмование армии, моя пассия, очевидно, посчитала профессию офицера

непрестижной и бесперспективной, потому что резко переметнулась от меня к гражданским ухажерам. Когда же узнала, что мой диплом ничем не хуже любого вузовского, снова стала строить мне глазки, но было поздно. Я уже стал ученый.

— *А в суворовском училище, значит, вы не влюблились?*

— Нет, там я знал только два места — стадион и библиотека.

«ГОЛУБАЯ ТЕМА»

— *С неуставными отношениями в армейской среде вам часто сталкиваться приходилось?*

— Когда я начинал службу, никакой дедовщины и в помине не было. Это все возникло в 70-е годы. Стали брать в армию бывших осужденных. Такова одна причина. Вторая заключается в том, что произошло расслоение нашего общества на бедных и богатых. Представители последних и в армии пытались претендовать на какие-то исключительные условия. Впрочем, сказанное не означает, что я ратую за профессиональную армию. Приведу пример. Когда я служил в Германии, то командовал 20-й армией, расквартированной вокруг Берлина. Каждое утро мне на стол клали разведсводку о происшествиях в американской, английской и французской зонах. Поверьте, там творилось такое, что нашим отечественным «дедам» даже и не снилось. А ведь это были профи. Так что причина не в этом.

Кстати, сегодня о дедовщине и пишут-то мало. Еще бы: армия у нас теперь демократическая и пресса демократическая. Знамена, где написано «За нашу Советскую Родину!», правда, пока заменить не успели. Ну да ничего.

— *Вопрос о неуставных взаимоотношениях я ведь вам умышленно задал. Речь-то не только о мордобое в казармах, но и о гомосексуализме в среде военнослужащих. Как вы смотрите на эту проблему?*

— Слушайте, дурацкий вопрос для мужчины. Если ваше издание имеет к этому склонность... Или вы лично... Когда о таком спрашивают, сразу начинаешь нехорошо думать о том, кого подобные вещи интересуют. Любопытный поворот — начинали с рассказов о моей первой любви... Впрочем, вы меня в тупик не загоните, я прямо скажу: мне 54 года и я — мужчина. Мне достаточно женского пола, конкретно моей жены, чтобы я такую чушь не слушал или не отвечал на подобный вопрос.

— *Я не хотел обидеть или усомниться в вас, Альберт Михайлович. Собственно, меня интересовал всего лишь ваш взгляд на сию проблему.*

— Это ненормальность, чушь собачья! Я начинал командиром взвода и дослужился до командующего войсками округа и не вижу в гомосексуализме проблемы. В армию специально берут с 18 лет и держат два года — в это время дается по-настоящему большая нагрузка на организм и, поверьте, в тех войсках, где по-настоящему служат, занимаются боевой подготовкой, не до этого, не до глупостей.

— *Словом, вам ни с чем подобным сталкиваться не приходилось?*

— Бывало. С представителями южных республик, где даже законом запрещено скотоложство. Но это единичные случаи. И как бы ни пытались сегодня сказать, что Макашов плохо командовал, мой округ по основным показателям оставался в золотой середине, даже когда я попал в опалу. Если бы не тенденциозность, то мы бы шли в числе лучших. Так что гомосексуалисты картины нам не могли испортить.

— *Но как вы поступали, прослышав о «голубых» в ваших частях?*

— Я никак не поступал. Для этого есть прокуратура. А у меня существует правило: держись подальше от военторга, женсовета и прокуратуры, если хочешь спать спокойно. Поэтому я и стал генералом. Я всегда служил, а не прислуживал и не занимался сплетнями и интригами.

— *И все же выскажите свое отношение еще и к адюльтерам.*

— Наверное, ничто человеческое мне не чуждо. Но я за домострой. Если же семья не создается, лучше сразу развестись. Я всегда так говорил своим офицерам. В прежние времена парторганизация пыталась вмешиваться в чужую личную жизнь. Но я решительно пресекал эти поползновения. То, что касается двоих, не предназначено для посторонних глаз и ушей. Бред был, когда мужа или жену пытались удержать с помощью партвзысканий.

— *Но в вашей семье такой проблемы не возникало?*

— Иначе я бы не имел сегодня жену, троих детей и пятерых внуков. С Людмилой Максимовной мы женаты 27 лет. Старший сын — капитан, одна дочь замужем тоже за капитаном, начальником штаба арtdивизиона, младшая дочь вышла за лейтенанта.

— *Крепнет династия?*

— Закономерный исход. Дети выросли в военных городках, понятно, что их знакомства, сферы интересов простираются в этой плоскости.

— *Вы в выбор не вмешивались?*

— Попытки повлиять, конечно, были.

ОДИН ГЕНЕРАЛ ЛУЧШЕ ДВУХ

— *Когда вы отправлялись в поход за президентским званием, вы чудили или же по-настоящему рассчитывали на победу?*

— Неужели я напоминаю чудака? Да, меня все прочили в диктаторы и приписывали мне то, что сегодня проявилось у нынешних властей. Это отмена выборов, назначение своих заместников, запрет вольнодумия... Я предвидел все это раньше многих, поэтому и вступил в президентскую борьбу, сказав себе: если не я, то кто же? Я пронес свой крест, хотя на меня и навесили всех собак, каких только можно. Но даром мои выступления не прошли. Сегодня ко мне все чаще

подходят совершенно незнакомые люди и говорят: генерал, ты был прав.

— *Вы утверждаете, что не нуждаетесь в славе, популярности, но разве ваша поездка в воюющее Приднестровье не была продиктована желанием напомнить о себе?*

— Да что вы! Это была работа. У меня оперативно-стратегическое образование, если бы туда не поехали генералы, которым это положено по должности и присяге, русским людям пришлось бы плохо. Там ведь и земля, кстати, российская, за нее еще Суворов воевал. Так что в Приднестровье я добросовестно тянул свою лямку, как и предыдущие 35 лет. Пробыл в окопах, в штабах, занимался военным делом — не политикой.

— *Это была ваша личная инициатива либо вас кто-то туда командировал?*

— Я человек, трудно поддающийся чужому влиянию, всегда делаю то, что решил самостоятельно. Даже прежний министр обороны Язов это признавал. Я уж не говорю про политиков типа Горбачева, которые на меня абсолютно не имели воздействия.

— *В каком же качестве вы находились в Приднестровье? Наблюдателя, консультанта?*

— Мне все время говорили «советник», а я поправлял — «советчик». Я работал по всем вопросам, включая оперативно-тактические, инженерные. Считаю, что моя поездка заставила руководство России повернуться лицом к патристическому движению. Там, кажется, понимали, что нельзя бросать русских, проживающих за пределами России, в беде. Народ этого не простит. И если уж так говорить, я уверен, что, имея эти люди возможность участвовать в выборах нового президента, они бы все проголосовали за Макашова.

— *Генерал Лебедь никаких постов в 14-й армии вам не давал?*

— Я командовал округом — это фронт, а 14-я армия — это одна пятьдесят седьмая мотострелковой дивизии. Но

дело даже не в этом. Просто один генерал лучше, чем два. Лебедь на своем месте.

— А иностранным армиям вы свои заслуги не предлагали? Скажем, Саддаму, Фиделю Кастро?

— Нет. У меня есть свое государство — Советский Союз, ему я присягал.

— Значит, вы инициативы не проявляли, но, может, вас звали за рубеж?

— Я понимаю ваш вопрос. Вы хотите услышать, не воевал ли генерал Макашов у Саддама Хусейна. Предупреждаю: я уже выиграл один судебный процесс, когда придурок из местных самарских демократов пытался обвинить меня в том, что я захватывал Кувейт. Пришлось ему всенародно извиняться.

— Пока вас опять не призвали под ружье, вряд ли вы сидите без дела?

— Я глава Думы Всенародного вече, член Думы Русского национального собора, член ЦК Российской коммунистической рабочей партии, ну есть еще десятка два различных должностей и званий.

— У вас офис или же работаете дома?

— Двери моей квартиры в Самаре не закрываются.

— Площадь позволяет принимать гостей?

— 76 квадратных метров на пять человек. Квартира командующего войсками округа.

— Видел на фотографии вашу дачу, скромненько выглядит.

— Конечно, скромненько. Подземных гаражей у нас не было и нет. Как и бриллиантов. Хотя я не буду говорить, что живу бедно. Я дважды служил в Германии и, как большинство наших офицеров, самое ценное привез из-за границы.

— Но эта дача построена вами как командующим округом?

— Я в своей жизни не построил ни одной дачи. Та, в которой я сейчас живу, построена в 1938 году — моя ровесница. Ко мне приезжала в свое время комиссия от бывшего министра

финансов Валентина Павлова проверять, что же там за дача у этого неугомонного генерала. Инспектор-ревизор был разочарован: где второй этаж, где бассейн? Командующие округом, говорит, так не живут. Но я же живу, отвечаю. У меня три папки документов об этой даче, не подкапаетесь.

— Да разве я копаюсь? Так, интересуюсь. Вы, скажем, дачу приватизировали?

— Неправильно. Не приватизировал, а выкупил на основании приказа министра. На это есть согласие офицерского собрания. Я и другим дал садовые участки. На бывшем стрельбище.

— И во сколько же стала вам эта дача?

— Около 19 тысяч. Старыми деньгами, павловками. Вас, наверное, и машина интересует? Да, моя жена ездит в белой «Волге» на рынок. Но это не служебный транспорт, а тот автомобиль, который я купил, когда служил еще в Германии.

Я и сам за рулем сижу. Недавно на родине жены в Полтавской области был: 1700 км в один конец через пять областей. Генерал-полковник за рулем. И ничего. У меня ведь стаж большой, я начинал ездить в 1956 году, на американском «додже». Сегодня вожу практически все типы боевых машин, могу стрелять из всех видов оружия.

— Новые власти в Самаре вас никак притеснить не пытаются?

— Это трудно сделать. Я не езжу на красный свет — ни в политике, ни в жизни. Не пью, курить бросил после ранения, когда был еще капитаном.

ПО КЛИЧКЕ СУХОВИНОВ

— Что за ранение?

— Обычная армейская история. Случай. И пуля бывает случайной, и взрыв случайным...

— Вы совсем не пьете?

— По праздникам могу. Но я знаю и силу, и слабость спиртного, поэтому контроль над собой никогда не теряю.

По крайней мере, с моста меня после этого не сбрасывают.

— *Какие напитки предпочитаете?*

— С возрастом перешел на русскую водку. На коньяк денег не хватает, а хорошие вина из продажи исчезли. Хотя в двух академиях — Фрунзе и Генштаба — у меня даже была кличка Суховинов. Любил вино. Прекрасная вещь.

— *Вы небрежно прошлись насчет моста. У вас есть основания так говорить?*

— Вы же знаете, что нашего президента в свое время сбрасывали с моста.

— *Да, но там речь не шла о выпивке.*

— По-вашему, не шла? Об этом весь народ знает, все тогда говорили. Одни вы, журналисты, не знаете, хотите от меня услышать? Спросите у своего соседа по квартире: если он рабочий, то прямо скажет, что Борис Николаевич был в стельку пьян. В таком состоянии его и измузузили. С человеком трезвым так обращаться не станут.

— *Когда вы впервые встретились с Ельциным?*

— На пленумах ЦК. Командующим округами отводили места на галерке, и оттуда мы взирали на зал. И после приходилось общаться. Но я слишком много знаю по свердловским делам Ельцина, чтобы говорить сейчас.

— *Отчего же?*

— Это будет пересказ с чужих слов. Таких вещей я не люблю. Коль вам нужны факты, поезжайте в Свердловск, я подскажу, к кому обратиться.

Если же говорить о своем ощущении от этого человека, то для меня очевидно: это диктатор. Он не принесет счастья России. На смену его антинародной власти придут люди, болеющие за державу.

— *В чем же, по-вашему, проявляется диктат Ельцина?*

— Пожалуйста. Выборы отменены, даже выбывших народных депутатов России не переизбирают. Конституция попирается. Этого недостаточно? Не сомневайтесь. Этот человек себя еще покажет.

...А теперь можно я вам вопрос задам? Меня это просто интересует. Вы всем idiotские вопросы про гомиков задаете?

— Нет, не всем. По ситуации.

— За что же мне такая честь? Это возмутительно! Каждый уважающий себя мужчина может подумать черт знает что! Все вы что-то пытаетесь выкопать. Один яркий представитель демократической прессы с явно выраженными национальными чертами и произношением как-то спросил меня: «Генерал Эйзенхауэр сказал, что из горящего дома он вынес бы устав пехоты армии США. А какую книгу спасали бы вы?» Я ответил, что вынес бы «Историю государства Российского». А журналист стал допытываться, какой том и прочее. Мне это надоело, и я врезал: «Вы, наверное, спасали бы Талмуд с пояснениями». После этого писака заткнулся.

— Разве неестественно ожидать от генерала любви к уставу караульно-постовой службы?

— Я много занимался военной историей, поэтому выше всего ставлю романы Валентина Пикуля. Из классики генерал обожает, как ни странно, Шекспира. Слог нравится, актуальность. Повторяю: я получил классическое образование. Нас учили не чему-нибудь и как-нибудь. С тройками даже не пускали в увольнения.

— А почему вы говорите о себе в третьем лице: «генерал обожает»?

— Армейская привычка.

— Возвращаясь к Талмуду и писаке. Надо понимать, вы не питаете глубокой симпатии к представителям этой ярко выраженной национальности?

— Горбачев русский, но он хуже любого сиониста. Людей я оцениваю не по форме носа, а по пользе или вреду, приносимым моему Отечеству. А среди евреев у меня даже есть друзья. Однако хочу сказать, никакие постановления ООН понятия «сионизм» не отменяют. Сионизм существует. Это несет вред нашему государству. Если вы меня спросите, верю

ли я в «Протоколы сионских мудрецов», я отвечу вам вопросом: а почему все происходит именно так, как там описано?

— *Альберт Михайлович, напоследок скажите: вы спите нормально, дурные видения не мучают?*

— Вы же видите, я даже не похудел. Пусть мои враги худеют.

МАКАШОВ. POST SCRIPTUM

4 октября 1993 года Макашов был арестован за участие в событиях 1993 года на стороне Съезда народных депутатов & Верховного Совета РФ. В 1994 году освобожден по амнистии.

В 1995–1999 и 2003–2007 годах — депутат Госдумы от Промышленного одномандатного избирательного округа Самарской области (на выборах в 1999 году был фаворитом, но его сняли с избирательной кампании за нарушения).

В октябре 1998 года Министерство юстиции РФ обратилось в Генеральную прокуратуру РФ с просьбой возбудить уголовное дело против Макашова в связи с его высказываниями на митингах 4 октября в Москве и 7 октября в Самаре. После осуждения высказываний Макашова многими политическими лидерами Макашов выступил в программе «Акулы политпера», где объяснил, что, говоря о «жидах» 4 и 7 октября, имел в виду просто «плохих людей» всех национальностей. Тем не менее он 1 ноября 1998 года предложил ввести квоту для евреев в органах власти. 13 ноября 1998-го Государственная дума РФ приняла заявление, осуждающее антисемитизм, не упоминая, впрочем, при этом имени Макашова, а Московская городская прокуратура по факту выступлений генерала на митингах возбудила уголовное дело. Генеральная прокуратура РФ направила в Государственную думу запрос с требованием лишить Макашова депутатской неприкосновенности. 29 декабря 1998 года уголовное дело, однако, было прекращено, потом снова возбуждено и окончательно прекращено за отсутствием состава преступления 24 июня 1999 года.

В феврале 1999 года на съезде казаков в Новочеркасске предложил переименовать «Движение в поддержку армии, флота и оборонной промышленности» в «Движение против жидов», а также заявил: «Мы будем антисемитами и должны победить». Среди других высказываний Макашова на съезде: «Евреи так нахальны потому — позвольте я по-своему, по-солдатски скажу, — потому что из нас еще никто к ним в дверь не постучал, еще никто окошко не обоссал. Потому они так, гады, и смелы!» Тем не менее в марте 1999 года прокуратура Ростовской области отказала в привлечении Макашова к ответственности за разжигание межнациональной розни. Все уголовные дела, заведенные против Макашова по поводу его провокационных высказываний, уже в сентябре были прекращены.

Тогда же с подачи Бориса Березовского на антисемитствующего генерала очень резко и остроумно наехал Сергей Доренко в своей авторской программе на Первом канале, что вызвало ярость & уныние в рядах макашовских поклонников. Сам ведущий вспоминал об этом эпизоде в одной из своих радиобесед: «Я критиковал генерала Макашова, готов повторить свою критику при встрече. В тот день, когда он предложил квоты, национальные квоты в органах государственного управления, мы сделали обширнейшее исследование, мы, наша съемочная группа. Мы ездили в патологоанатомический центр, в морг, знаете, мы объездили все, институт антропологии, где подняли работы, кстати, нацистов гитлеровских, все, как все-таки выявить, кто, понятно, если квоты, мы сделали, мы сработали, как инженеру, как будто мы наивные. Макашов сказал — давайте делать. А мы думаем — хорошо, вдруг я скажусь бурятом, вдруг на бурята есть квота, а как меня, подлеца, изобличить, что я не бурят? Мы поднимали нацистские документы, нет объективного критерия. Поскольку это невозможно, мы это все таким образом высмеяли и категорически критиковали. Сегодня я также категорически критикую эту позицию, другие позиции генерала мне что-то на память не приходят. Вы знаете, я считаю, что

Россия — империя, и в отличие от генерала Макашова я считаю, что Россия — великая империя, а в великих империях высшая честь — быть солдатом империи, высшая доблесть — быть солдатом империи. У солдата империи никто не спрашивает его национальность, право погибнуть за родину — высшая награда империи, дается каждому.

Взгляды Макашова дикие. Я не знаю, в какой степени серьезно к этому надо относиться. Я сейчас объясню почему. Потому что такие взгляды Макашова и Крутова сознательно пропагандируются сейчас Кремлем, потому что Кремль пытается выставить население России таким 145-миллионным конгломератом идиотов, которым правят европейцы, понятно, единственные европейцы в России — правительство. И это то же самое, что у Каримова. Каримов говорит — все, кто противостоит мне, фундаменталисты. То же самое у Путина. Путин говорит — все, кто противостоит мне, это жидомасоны и, наоборот, антисемиты и, наоборот, сталинисты и т. д., то есть все опасные люди противостоят мне, поэтому помогайте мне, говорит Путин. Не надо ему подыгрывать. Если мы будем каждый день говорить о Макашове, мы будем подыгрывать».

В феврале 2002 года Макашов подписал открытое письмо президенту Путину «Кто ответит за развал?».

В сентябре 2003 года был включен в общенациональный список избирательного объединения КПРФ под №6 в Приволжскую группу списка для участия в выборах в Государственную думу четвертого созыва. Также выдвинут от КПРФ кандидатом в депутаты Государственной думы по Промышленному одномандатному избирательному округу № 152 (Самарская область). Как кандидат-одномандатник выборы 7 декабря 2003 года выиграл, за него проголосовали 80 тысяч 402 избирателя (33.09%). Вошел во фракцию КПРФ. Член Комитета по обороне. Над телефоном в его думском кабинете висела табличка: «Вас прослушивает ЦРУ».

Про олигархов говорит: «Кого-то посадили, кого-то выслали, но если раньше олигархов был десяток, то

теперь — 25. Делением они размножаются, что ли? Когда-то древние египтяне выгнали целое племя только за то, что оно захватило всю скупку хлеба в Египте, всю торговлю. Это, я понимаю, борьба с олигархами! А Путин только пощекотал Ходорковского. Конечно, Ходорковскому непривычно: в армии он не служил, на гауптвахте не сидел. Когда я отдыхал в санатории Лефортово, там света не было. Вставал на койку — лампочка под потолком была крошечная — и читал. Погубил зрение. Жена принесет хлеб и сало, прошу прапорщика порезать. Он все уносит с концами... Нельсон Мандела просидел 25 лет и стал президентом. Если Ходорковский хочет стать президентом, пусть сидит».

В 2005 году, наряду с другими российскими деятелями, подписался под так называемым «Письмом 5000». Это было открытое обращение к Генеральному прокурору России с критикой некоторых еврейских сообществ, а также ряда иудейских деятелей и содержало предложение провести жесткое расследование на предмет нарушения книгой «Малый Накрытый Стол» («Кицур Шульхан Арух») статей Уголовного кодекса РФ (в книге такие пассажи, как «Еврейке не следует помогать нееврейке при родах, кроме как в случае, чтобы не вызывать вражды к нам... но только за плату» и т.п.).

Короче, горбатого могила исправит, так, кажется, говорят. Есть такое в английском (вернее, в американском) понятие: быть pushy, что зачастую переводится как «нагнеть», «проявлять нахальство». О нет, отнюдь. Язык действительно постулирует ментальность. «Быть пуши» = добиваться своего, стоять на своем или, процитирую БГ, брать свое там, где ты видишь свое.

На излете своего пути Уинстон Черчилль (Winston Leonard Spencer Churchill) выступил. Выступил во всех смыслах. Его попросили впечатлить речью студентов & поклонников. Адепты знаменитого политика съехались со всего Соединенного Королевства, дабы внять мудрости великого человека. А человек взошел на трибуну и сказал:

— Никогда, никогда, никогда не сдавайтесь.

Все. Только это. Лаконичный завет. Каким он, собственно, и должен быть. Аудитория была разочарована. Но речь вошла в историю. Как и сам оратор. Не отступать. Верить в себя. Стать той самой упрямой лягушкой, которая триумфально сбила мускулистыми лапками в масло все молоко кувшина-западни. Если ты красивая и умная рептилия, твоя пупырчатость и перепончатость конечностей твоих суть адекватны параметрам публики, ты победил(а). Ну а коли ты лягушка неформатная, то естественный отбор рыночных (и не только) отношений швырнет тебя со скалы подобно селекционным жрецам тупой и недалёковидной Спарты. Макашов оказался рептилией неформатной, очевидно.

ГЛАВА 2.

КАЛИФ ЯНАЕВ

У этой беседы была предыстория. Пока вице-президент СССР Янаев сидел в тюрьме, «Новый Взгляд» опубликовал интервью с его супругой:

«Если шеф КГБ Крючков за три с половиной года в своей квартире две ночи провел, маршал Язов в просторном особняке на улице Косыгина вообще не ночевал, то и Геннадий Иванович, небось, не баловал дом в Плотниковом переулке своими визитами. Вот сейчас спросим у Розы Янаевой и узнаем.

— Я вам больше скажу: выпусти сейчас Гену из тюрьмы, он не найдет, где живет. Вот вы смеетесь, а ведь на самом деле так совпало. У нас была четырехкомнатная квартира в Кунцеве, где, кроме нас с Геной, еще жили бабушка, двое наших детей. Потом дочери вышли замуж, и мы решили разъехаться. Нам так долго искали две двухкомнатные квартиры! Предлагали в основном четырехкомнатные, а я говорю: «Гена, ты с ума сошел. Что мы там будем делать вдвоем?» В те квартиры, от которых я отказалась, сейчас Андрей Козырев, Гарри Каспаров въехали. Здесь же, в этом доме. Ну, вы у Шениных видели — большая, огромная площадь, холлы, прекрасные комнаты, куда нам столько? Вы знаете, я представить себе не могла, что в Москве

такая проблема с двухкомнатными квартирами. Просто беда! Гена даже сердился на меня: «Ну, нет свободных двухкомнатных квартир в столице!» А я в ответ: «Даже для вице-президента?» Пришлось аппарат президентского совета подключать. Спасибо предусмотрительности Шеварднадзе, который к своим четырем комнатам пристроил пятую, а эти две оставил для прислуги. Вместо подданных Эдуарда Амвросиевича сюда въехали мы.

Собственно, переезжала я одна. Гена в семейные дела не лез, ему государственных забот хватало. Последний год он в основном жил на даче и тоже, кстати, не из-за каких-то там удобств, а из-за охраны. На даче у них свой домик был, а в городе приходилось всю ночь тесниться на неудобном топчане. Гене неловко было ребят стеснять, и он ездил на дачу. Вот... Рассказываю дальше. В этой квартире нас прописали в начале июня 1991 года, но въехала я в нее 16 августа. Ремонт делали. Квартира-то шесть лет с момента постройки дома без хозяев стояла. Ремонт, кстати, за наш счет. Когда Гену арестовали, на меня сразу все накинулись: за покраску две тысячи, за побелку — три... А у меня и доходов-то никаких. Я прямо в ужасе. Гена должен был приехать в первый раз сюда 19 августа. Я старалась, вещи расставляла, порядок наводила. Помню, так расстроилась, что накануне, 18-го, он мне не позвонил ни с дачи, ни с работы. Но ничего дурного не подумала. Закрутился, наверное, завтра приедет. А утром включаю радио и ушам своим не верю: ГКЧП, и.о. президента Янаев... Когда услышала, заплакала. До сих пор не пойму, от чего — то ли от восторга, то ли от страха за мужа.

— *Первой леди успели себя ощутить?*

— Ни первой, ни последней. Это не для меня. Я ведь никогда с Геной нигде не появлялась — ни в поездках, ни на приемах. Меня так все это раздражало, так не хотелось в этом болоте мараться. К своему счастью, я даже не успела с Раисой Максимовной познакомиться, хотя и пришлось выслушать от Гены, сердившегося, что я нарушаю протокол.

Мое поведение усложняло мужу жизнь, но по-другому я не могла. Однажды позвонил генерал... фамилию не помню, начальник личной охраны Горбачевой, и передал приглашение от Раисы Максимовны, намекнувшей, что мне необходимо показаться, поскольку мое отсутствие становится неприличным. А я все же отказалась. Повесила трубку и подумала: надо было спросить, на каком троллейбусе к вам добираться. Я ведь никогда служебным транспортом не пользовалась, к Гениному «членовозу» близко не подходила, понятия не имею, как он выглядит внутри. Из-за отсутствия машины я с дочерьми и на дачу к мужу редко ездила — электричка, а потом еще сорок минут пешком. Нет уж, лучше в городе.

— Неужели жене вице-президента не положена машина?

— Не знаю, может, и положена, но я ею не пользовалась, говорю еще раз. Я и Гене как-то сказала: я знаю, как в народе смотрят на Мишу с Раей, ты хочешь, чтобы мы еще одну пару создали? Никогда, костями лягу! Я же поняла, что они — там, наверху, — из моего мужа марионетку надеялись сделать, человека, которого можно подставить, все на него свалить. Я в этом участвовать не желала. Брешь, амбразуру Геной закрывали. Лидеров не так уж много. Даже демократы, как ни стараются, а не могут воспитать никого, кроме Ельцина. И у Миши колода тоненькая была. Но Горбачев с Геной просчитался, чему я страшно рада.

Гена работал, не думая о наградах и должностях. Вот он объехал почти весь мир — сначала по линии Комитета молодежных организаций, потом обществ дружбы с зарубежными странами. Где только Гена не бывал. А много у нас импортных вещей в квартире? Он и меня никогда с собой не брал, хотя мог. Гена другой, он не заботился о личном благе. Не то что, к примеру, наш сосед Шеварднадзе, который успел перед отъездом в Тбилиси приватизировать московскую квартиру.

Да, Гену и его товарищей по «Матросской тишине» обвели вокруг пальца. Что ж... Во время последнего

свидания муж показал мне свои бицепсы. Он в камере постоянно зарядку делает. Говорит: выйду отсюда и обязательно кое-кому морду набью. И добавляет: тогда меня опять посадят. Я смеюсь — пусть, ради такого дела можно и посидеть. А вообще, я считаю, страдать за Родину — это великая честь».

Добавлю, что этот материал в «Новом Взгляде» озаглавлен был «Янаев обещает кое-кому набить морду». А вот, собственно, и «нововзглядовская» беседа с самим главой ГКЧП:

«Не будем попусту терять время ради морализаторства на тему о причудах и превратностях судьбы. И без лишних слов все понятно: принцип качелей — то вознесет, то оземь шмякнет.

Стремительный взлет, а затем и безудержное падение Геннадия Янаева происходило на наших глазах. Правда, головокружительная карьера первого и последнего вице-президента Советского Союза была сколь крута, столь и непродолжительна. Поэтому многие, пожалуй, так и не успели толком рассмотреть, что же за человек Геннадий Иванович.

КОМСОМОЛ — НЕ ПРОСТО ВОЗРАСТ

— Как говорится, лучше позже, чем... Расскажите немного о себе — откуда вы, какого роду-племени?

— Родился я в печально знаменитом 37-м. Жила наша семья в Горьковской области. Мать работала по сельскому хозяйству, агрономом. Она фактически одна воспитывала троих детей. Это была железная женщина, жизненную закалку я получил именно от нее. Я очень тяжело переживал кончину матери, хотя она и умерла в преклонном возрасте...

Я закончил Горьковский сельхозинститут по специальности инженер-механик. Тогда была модной песня «Здесь, на далеком Алтае, голос мне слышится твой», и я,

исполненный комсомольской романтики, выбил себе направление в Алтайский край — с превеликим, кстати, трудом. Направление-то я себе выбил, только меня там никто не ждал. Помыкался я в одном колхозе, в другом и... вернулся в Горьковскую область. Долго не мог найти себе работу, пока не устроился начальником торфомелиоративного отряда, лазал по болотам, торф заготавливал. К 63-му году дослужился до начальника «Райсельхозтехники». Потом меня совершенно неожиданно избирают вторым секретарем обкома комсомола. Вскоре я стал первым.

А в 68-м году на секретариате и Политбюро ЦК КПСС меня утверждают председателем Комитета молодежных организаций СССР. КМО всю жизнь занимался международными связями комсомола, и то, что назначили меня, было на первый взгляд весьма удивительно, если иметь в виду, что в ту пору Горький оставался городом закрытым, куда иностранцев ни под каким соусом не допускали. Словом, опыт общения с этой публикой у меня был практически нулевой. Думаю, это обстоятельство и сыграло решающую роль. Тогда в ЦК ВЛКСМ и КМО разгорелся скандал, связанный с какими-то взятками, воровством. Очевидно, потребовался новый человек — со стороны, незапятнанный. Вот меня, как комиссара в кожанке, и бросили на комитет.

Пришлось начинать с азов, приехал-то я из Горького лопух лопухом. Пахал, как негр, во все вникал, во все дырки лез. Ничего, потихоньку освоился, мир объездил, даже кандидатскую диссертацию написал.

— *Поди, из загранкомандировок не вылезали?*

— Пришлось помотаться, хотя к этим вояжам я всегда относился без восторга. В Москве чувствовал себя комфортнее.

— *Долго вы просидели в КМО?*

— Двенадцать лет. До 1980 года.

— *Погодите, Геннадий Иванович, дайте соображу: это до какого же возраста вы задрав штаны бежали за комсомолом?*

— Стыдно сказать, дорогой мой. Из ЦК ВЛКСМ я ушел, когда мне уже стукнуло 43 года. Я к тому моменту успел стать подпольным дедом, внуку исполнилось два года... С некоторых пор я заметил, что в КМО под меня начали активно подкапываться. С одной стороны, мой возраст, а с другой — старательно двигали наверх Игоря Щелокова, сына министра внутренних дел. Подготавливали местечко для любимого дитяти, ну и мне всякие предложения делали.

— *Например?*

— Сватали на генеральские должности в МВД, потом хотели направить секретарем парткома в посольство в Чехословакии. Я отказался. Я не военный, поэтому погоны мне ни к чему. И за границей я больше трех дней находиться не могу, домой тянет. Характер такой!

Короче, в 80-м году я оказался в кресле зампреда Союза советских обществ дружбы. Отвечал за связи с Японией, США, Канадой, странами Юго-Восточной Азии. Интересный регион.

В 86-м году тогдашний председатель ВЦСПС Шалаев позвал меня к себе. Все было нормально, пока до секретариата ЦК КПСС дело не дошло. Там Егору Кузьмичу Лигачеву чем-то моя анкета не понравилась, комсомольское прошлое его смутило. Только со второго раза попал я в профсоюзы. Так тогда ни с одним из живых портретов — членов ПБ — мне и не удалось пообщаться.

К XXVIII съезду КПСС я уже был председателем ВЦСПС. Накануне съезда вызывает меня к себе Горбачев и говорит: «Мы посоветовались и решили, что пора тебе попробовать себя в Политбюро. Выбирай, какие вопросы вести будешь». Меня еще тогда подобный подход удивил: как это «выбери»? А Горбачев продолжает: «За идеологию возьмешься?» Я наотрез отказался. И за социальные вопросы братья не стал. Я всю жизнь занимался международной проблематикой, если уж переходить в ЦК, то для того, чтобы делать свое дело.

Михаил Сергеевич поразительно легко согласился с моим предложением. Тогда специально для меня и придумали вариант с двумя кураторами международной тематики, что, на мой взгляд, являлось совершенно излишним. Из всего этого я сделал вывод, что меня просто обкатывают.

«МИШКА, МИШКА, ГДЕ ТВОЯ УЛЫБКА?»

— *А с Горбачевым когда вы познакомились?*

— Только в марте 89-го, накануне I съезда народных депутатов СССР. Была встреча московской делегации с Михаилом Сергеевичем. Часть агрессивно настроенных депутатов-демократов решила дать тогда Горбачеву первый бой. Выступали очень жестко — и Сахаров, и Гдлян, и Афанасьев, и другие. Михаил Сергеевич занервничал, возбудился и бросил в запальчивости в зал: «Выходит, все собравшиеся здесь против меня настроены? Другим возразить нечего?» Сказано это было в запальчивости, но в аудитории повисла недобрая тишина. У меня же натура такая: не могу подобно Премудрому пискарю отсиживаться и молчать, если что-то не по мне. Короче, я полез за Горбачева драться.

— *Михал Сергеевич вас и заметил?*

— Надо думать. В тот раз у него других защитников не было.

Затем и на съездах депутатских я лез из-за Горбачева несколько раз на трибуну, высказывал ему свою поддержку. Не потому, что мне хотелось верноподданнические чувства продемонстрировать или баллы в расчете на будущее заработать. Тогда я верил этому человеку, считал своим долгом помочь ему, поскольку видел, как он одинок. Никто ему не протягивал руку помощи, боялись подставиться. Мне же терять было не хрена.

— *То есть как? Терять всегда есть что...*

— Я с детства не привык ловчить. Помню, в школе воспитывал характер тем, что подмечал ошибки учителей, а потом

обязательно при всех поправлял их. Доказывал себе и другим, что не струшу... Еще я питал особое пристрастие к умным словам, мог отвечать на какой-нибудь пустяковый вопрос на уроке и засандалить в конце фразу: «Резюмируя вышеизложенное...».

Я такой. Я всегда во все лез. Помните стихотворную строчку, которую я цитировал в нашем предыдущем интервью? «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Это обо мне. Просто я по-другому не могу.

Наверняка найдутся такие, кто заподозрит меня в тайной корысти, в том, что я сознательно лизал Горбачеву, рассчитывая на вознаграждение в будущем. Поверьте, мною руководили элементарные человеческие порядочность и жалость. Мне было больно смотреть, как клевали тогда Горбачева. Я думал: вы, гады, претесь сейчас на трибуну, чтобы облить М.С. грязью, но ведь языки развязал вам именно он. Именно он начал перестройку, а вы теперь его же и молотите!

— *Словом, М.С. увидел в вас преданного товарища и возвел вас на олимп, сделав членом ПБ?*

— Какой олимп? Я пришел в ЦК, когда все уже бежали с тонущего корабля. Горбачев не пользовался поддержкой даже в родном Центральном комитете. Многие были склонны требовать его отставки с поста генсека. В принципе, с большинством аргументов оппонентов Михаила Сергеевича я готов был согласиться, но тем не менее использовал все свои связи, знакомства с секретарями обкомов и крайкомов партии, чтобы отвести удар от Горбачева. Пуще всего я опасался раскола в КПСС. Кроме того, для меня было абсолютно очевидно, что если М.С. потеряет партию, то через пару месяцев он останется и без президентского кресла.

— *Горбачев ценил вашу преданность?*

— Я долго не мог разобраться в его отношении ко мне. Скажем, в один из дней он огорошил меня предложением стать председателем... Гостелерадио СССР, сменить в этой

должности Михаила Ненашева. У меня прямо челюсть отвисла. Я тогда заявил, что, если кого-то не устраивает моя работа в Политбюро, пусть мне об этом открыто скажут, я готов уйти. Но соваться на телевидение... Я же прекрасно понимал, что буду там чужим, что меня не примут, и в результате придется меня из «Останкино» на бронетранспортере эвакуировать. Про БТР я в шутку загнул...

Горбачев мои возражения не принимал, твердил: «Это самый важный участок, ты там нужен». Я убеждал, что с таким же успехом можно направить меня руководить Центром подготовки космонавтов. Нельзя человека в кожанке посылать туда, где необходим классный специалист.

В общем, наш разговор закончился ничем, каждый при своем остался. Договорились еще подумать. Я очень расстроился, вернулся в свой кабинет, хожу из угла в угол, психую. Вечером — звонок от Горбачева: «Не нервничай. Вопрос снимается».

Я продолжаю работать в Политбюро. Но вскоре следует очередной заход. Второй этап съезда Российской компартии. Михаил Сергеевич вызывает меня к себе и заявляет: «Будешь первым секретарем ЦК КП России вместо Ивана Полозкова». Ничего себе шараханья! Одно из двух: или у человека совершенно не осталось под рукой кадров, или же ему нужно срочно избавиться от меня.

Больше было похоже, что верна первая причина — от Горбачева к тому моменту переметнулись на сторону Ельцина или просто отошли Шеварднадзе, Яковлев, Бакатин. Но в любом случае дергаться я не люблю. Если уж взялся тянуть ляжку, то... Кроме того, я считал, что момент для смены Ивана Кузьмича выбран не самый лучший. Бедного Полозкова исполосовали вдоль и поперек. Если бы мы его заменили, то фактически признали бы свое поражение перед теми силами, которые давно уже требовали отставки первого секретаря. Надо было выждать хотя бы месяц, а потом уж менять Полозкова. В этом случае инициатива как бы оставалась на нашей стороне.

Я привел Горбачеву все эти доводы. Он даже рассердился: «Не капризничай, как принцесса на горошине! Это задание партии, будь любезен подчиниться». Я не уступаю: «Нет, Михаил Сергеевич, собирай Политбюро, будем советоваться». А мы уже все обсудили, следует ответ. Ни хрена себе! Меня женят и даже в известность об этом не ставят! Тут уж я не сдержался и свой норов проявил, поступив, возможно, даже не очень хорошо по отношению к генсеку, ибо субординацию нарушил. Словом, я решил апеллировать непосредственно к первым секретарям обкомов, им объяснить свою позицию. Во время перерыва между заседаниями съезда мне удалось со многими переговорить, поэтому, когда началось совещание руководителей делегаций по кандидатуре первого секретаря, никто предложение Горбачева об отставке Полозкова не поддержал. Обо мне просто речь не шла.

НАС ВЫБИРАЮТ, МЫ ВЫБИРАЕМ

— *В очередной раз Горбачев попытался выдвинуть вас в декабре 90-го — теперь уже в вице-президенты, ведь так? И здесь вы согласились...*

— А вы знаете, что он даже не предупредил меня заранее? У меня не было времени обдумать все, платформу сформулировать.

— *Инициатива Михаила Сергеевича стала для вас полным сюрпризом?*

— Именно так. Свою фамилию я услышал, сидя в зале съезда. В этой ситуации как-то неудобно было отказываться, отнекиваться. Ничего не оставалось, как подниматься на трибуну и что-то говорить.

— *Ну а позже вы спрашивали, почему вам было отдано предпочтение?*

— Спрашивал, но Михаил Сергеевич не стал распространяться на эту тему, ограничившись фразой: «Не твое дело. Ты нужен мне здесь. Работай».

— Это вся аргументация?

— Произносились еще слова о моем опыте, универсальных связях, высоком международном авторитете.

— Тогда на съезде нардепов голосование пришлось проводить дважды. В первом туре вы не набрали необходимого количества голосов депутатов. После второго ходили упорные слухи о подтасовке результатов выборов. Вы ведь знаете об этом?

— О чем, о подтасовке? Признаться, я совершенно подобным не интересовался ни тогда, ни теперь. Я вообще на те выборы прореагировал очень индифферентно.

Мне жена сразу сказала: ты совершаешь глупость с этим вице-президентством. Меня многие уговаривали не привязывать себя к человеку, политическая карьера которого катилась к закату. Характер не позволил мне отказаться, хотя я уже тогда все понимал, и от этого настроение было неважнецкое. Я видел, что своим отказом поставлю Горбачева в очень трудное положение, поскольку второй кандидатуры у него не имелось. Я вынужден был согласиться.

— Какие слова сказал вам президент после вашего избрания?

— Несколько раз повторил, что впереди огромная работа, что страна рухнет и необходимо остановить падение в пропасть.

Горбачев почти сразу переложил на меня межнациональные проблемы, социальные вопросы. Первая же моя командировка в ранге вице-президента была в Кузбасс, к шахтерам. Постоянно в зоне моего внимания находились Нагорный Карабах, Южная Осетия... Я добывал медикаменты, продукты питания для городов и регионов, подобно диспетчеру, следил за прохождением составов с народнохозяйственными грузами, просил Назарбаева подкинуть зерно в Кемерово, а кемеровчан — отправить уголек в Казахстан...

— Насколько доверительные отношения у вас сложились с Михаилом Сергеевичем?

— Вроде бы вполне. Я старался за его спиной никогда не играть ни в оппозиционера, ни во фрондера. Он называл меня Геннадием, я же обращался только по имени-отчеству, хотя за глаза и звал его порой Мишелем или Майклом.

«САМАЯ НЕЛЕПАЯ ОШИБКА, МИШКА...»

— *Самое время вспомнить об августе 91-го... Тогда вы своему Мишелю такую фигу в кармане скрутили!*

— Это еще надо разобраться, кто кому скрутил.

Горбачев улетел в Форос, а меня оставил на хозяйстве, настоятельно попросив быть бдительным, поскольку обстановка в обществе очень нестабильна и произойти может всякое. Я занимался текущими вопросами, проблем, как обычно, было более чем. О ГКЧП же я ни слухом ни духом. Только значительно позже из материалов дела мне стало известно, что какая-то подготовительная работа в тот период уже велась.

Но до 18 августа ничего о ГКЧП я не знал. Если помните, было воскресенье. С утра я работал, а потом поехал навестить приятеля, которого давно не видел. Посидели, немного выпили, как нормальные два мужика. Если бы я предполагал участвовать в заговоре, наверное, воздержался бы от спиртного, как-нибудь обошелся бы, правда?

Словом, позвонили мне из Кремля и попросили срочно приехать. В половине девятого вечера 18-го я попал на первое заседание ГКЧП. Тут меня и проинформировали о результатах полета к Горбачеву в Форос. Поскольку Михаил Сергеевич сам струсил вводить чрезвычайное положение в стране, решили предложить это сделать мне.

— *А кто именно высказал идею назвать Горбачева больным?*

— Думаю, это не столь важно.

— *Отчего же, деталь весьма существенная.*

— Павлов в своих показаниях говорит, что Янаев поначалу вообще не хотел подписывать указ об отстранении

Горбачева в связи с болезнью. Действительно, я исходил из того, что ни к чему народ дурачить. Если уж мы решили Михаила Сергеевича временно отключить, то давайте так и скажем: вице-президент вводит ЧП и несет ответственность за все последующие действия. К сожалению, мне не удалось убедить товарищей и пришлось подписывать указ о болезни Горбачева.

— *Кем был подготовлен проект указа?*

— Все документы шли из ведомства Крючкова. Знаю, что КГБ помогали и армейские чины, в частности, в разработке рекомендаций для ГКЧП активно участвовал Грачев, нынешний министр обороны России.

— *Ну а Ельцин? Что знал он?*

— Уже в шесть тридцать утра 19 августа он был поставлен в известность: никакие ВДВ штурмовать Белый дом — храм русской демократии — не станут. Все тот же Грачев, до последнего момента сотрудничавший с ГКЧП, на всякий случай подготовил себе отходные позиции, заручившись гарантией Бориса Николаевича, что против него никаких репрессий не будет. Меня информировали, что Грачев по нескольку раз в день докладывает по телефону Ельцину обо всех действиях и планах ГКЧП. Генерал Лебедь по личному распоряжению Грачева взял под охрану Белый дом.

— *Но если так любовно оберегали штаб-квартиру Ельцина, почему не побеспокоились о Кремле?*

— С чего вы взяли, что не позаботились? И в Кремле стояли танки. Другое дело, что там никто не призывал ложиться под гусеницы. Мы ведь армию в город вводили не для запугивания или устрашения. Это была элементарная перестраховка: черт его знает, что может случиться в экстремальной обстановке. Понимаете, порой бывает достаточно искры, чтобы все взлетело на воздух. Хотя сегодня, конечно, я понимаю, что ввод войск в Москву был нашей ошибкой. Но это только дурак думкою богатеет: что толку мучиться, если все равно уже ничего не изменишь?

— И тем не менее 20 августа по городу ходили упорные разговоры о готовящемся штурме Белого дома. Если слухи не соответствовали действительности, почему вы сразу же публично не заявили об этом?

— Представьте себе ситуацию, когда перед Белым домом беснуется многотысячная толпа и надо сделать все, чтобы процесс не вышел из-под контроля. Там, на баррикадах, ведь находились разные люди — и искренне верившие, что грядет фашизм и надо спасать страну, и биржевики, и брокеры, прибежавшие защищать свои миллионы. Но все же большинство составляли зеваки. Они первыми и пострадали бы при любом эксцессе. Призывы тогда на площади звучали самые резкие, вплоть до физического уничтожения хунты, как нас хлестко величали. Мы объявили в Москве комендантский час, но где гарантия, что не произошло бы непоправимое, кровь человеческая не пролилась бы? Ведь определенным силам нужна же была кровь, причем не случайная кровь тех парнишек, которые пали жертвами политических интриг, а настоящее кровопролитие. В наши планы подобное не входило, поэтому Крючков, Язов и Пуго получили от ГКЧП категорический приказ обеспечить в городе спокойствие и порядок. Я сам трое суток практически только этим и занимался да еще тем, что пытался пробить через Совмин указ о снижении цен на отдельные виды товаров.

Когда тем не менее поползли разговоры о вероятном штурме, я на заседании ГКЧП вечером 20 августа предложил выступить по телевидению и успокоить население. Однако товарищи меня не поддержали, возразив, что нечего из-за каждого слуха бегать оправдываться.

— Но ведь позже, ночью 20-го, у Крюčkова все же собирались некоторые члены комитета, и тема штурма опять возникала.

— Да, но я об этом ничего не знал. Хотя в любом случае в КГБ тогда никакого решения о взятии Белого дома так и не было принято. Я Крючкову прямо сказал: «Владимир

Александрович, пойми мой характер: если хоть один человек погибнет, я жить не смогу». Разыскал я в ту ночь и Лукьянова, попросил его тоже позвонить Крючкову и Язову о благоразумии напомнить.

В час ночи 21-го впервые за трое суток я позволил себе на минутку прилечь, как звонок: на Калининском проспекте стрельба! Утром 21-го мы начали вывод войск из Москвы.

«КОЕ-КОМУ ПОРТРЕТ Я ВСЕ-ТАКИ ПОПОРЧУ»

— А что за история произошла с повторным полетом гэкачепистов в Форос? Господин Степанков в своей книжке изображает все как бег наперегонки ради замаливания грехов перед Михаилом Сергеевичем.

— Домыслы писателя Степанкова оставлю на его совести. Что же касается самого факта полета, то, действительно, план этой поездки со мной не согласовывался. Единственное мое ЦУ товарищам было такое: привезите в Москву президента.

— Но ведь вы могли и по телефону поговорить с Михаилом Сергеевичем, потребовать восстановить связь.

— На тот момент я продолжал работать в связке с другими. Те, кто летел в Форос, не знали, что их ожидает: возможно, даже смерть. Разве я позволил бы себе за их спиной вступить в переговоры с президентом, разве это было бы этично? Подобное ниже моего достоинства. Лишь когда я узнал, что Горбачев отказался принять прилетевших к нему гэкачепистов, что их все равно ждет арест, только тогда я подписал указ, объявивший все решения ГКЧП незаконными. Было это 21 августа во второй половине дня.

— После вы сидели и ждали ареста?

— Я понимал, что это неизбежно. Не поверите, в ночь на 22 августа я впервые за много суток нормально отдохнул. Все разговоры о том, что меня брали пьяным, что я в штанину попасть ногой не мог, — чушь! Меня ведь лично Степанков арестовывал, поэтому я потребовал, чтобы он

весь этот бред опроверг. С видимой неохотой господин генпрокурор вынужден был это сделать.

— Но вы же не станете утверждать, что ведете трезвый образ жизни? Не спрашиваю, употребляете ли вы, вопрос в том, не злоупотребляете ли?

— Я, конечно, не трезвенник, но и не алкоголик. По праздникам, само собой, позволяю себе. Ну, иногда еще поводы бывают. Однако ведь и вы, журналисты, не самые святые, верно?

Я алкоголь воспринимаю нормально. Причем мой организм был всегда таков, что я мог уложить всех товарищей, а сам остаться при памяти. Поэтому глупо говорить, что Янаев заявился пьяным на заседание ГКЧП. У меня после пары рюмок лишь лицо краснеет — и все, но тут уж ничего не поделаешь.

Я, безусловно, не такой трезвенник, как Борис Ельцин, но любой мой знакомый, если, конечно, это не тварь какая-нибудь, подтвердит, что Янаев — нормальный мужик. Я об этом и с трибуны съезда, когда меня вице-президентом выбирали, сказать хотел, но меня неправильно поняли. Ваши братья журналисты как вцепились, так до сих пор отмыться не могу.

— Но на той первой пресс-конференции руки у вас дрожали от мандража или с похмелья?

— Мы же все люди, все человеки. Я перед этим ночь пропсиховал, ибо понимал, что делаю, во что ввязываюсь. Естественно, мандраж прошибал. Я ведь сжигал себя в любом случае. Президентом даже при победе ГКЧП я не стал бы, это мною было оговорено сразу. Максимум — исполняющий обязанности сроком до недели.

— Калиф на час по имени Янаев?

— Абсолютно, абсолютно! Можно сказать еще — камикадзе. Наверное, я мог бы отсидеться, как некоторые другие, но не стал. Я все делал сознательно, руководствуясь пониманием долга государственного деятеля. Так что на ту пресс-конференцию я шел, как на голгофу. Плюс

к нервному напрягу еще и простуда, у меня температура была под 39, я платок от носа не отнимал.

— А с кем вы по-мужски разобраться предполагаете, против кого в «Матросской тишине» бицепсы качали? В предыдущем интервью вы так и не ответили на этот мой вопрос.

— Но это же шутка. Не стану же я драться.

Я психологически крепко закален. За все время в СИЗО мною не написано ни одной просьбы о медицинском освидетельствовании, о послаблении режима, не отправлено ни одного письма — ни хамского, ни слезного — ни Горбачеву, ни Ельцину. Если уж за решеткой не сломался...

Конечно, можно вести речь о предательстве многих. Люди, которым доверял, верил, в трудную минуту дали слабину. Наверное, часть испугалась, часть что-то недопоняла. Надо ведь было разобраться, что мы не руководствовались логикой путча. У нас и в мыслях, скажем, не было отстранять Горбачева от власти. Мы ему просто предложили: не хочешь делать грязную работу — отдохни недельку, не мешай.

Но Горбачев — тут все понятно. Были и такие, кто постоянно играл на два фронта.

Поэтому и морду я бить никому не хочу. Слишком многим бы пришлось физиономию попортить.

— И все-таки с кого бы вы предпочли начать?

— С некоторых военачальников, которые сверкают большими звездами на погонах. Фамилии? Шапошников и Грачев. Пока достаточно этих двоих.

— Почему-то думал, что первым непременно окажется Горбачев.

— Нет, об него я даже руки марать не стану. Противно».

ЯНАЕВ. POST SCRIPTUM

В начале сентября 2010 года Янаев выпустил книгу «ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР». В том же месяце слег с тяжелым заболеванием легких и был

КРАСНАЯ ДЮЖИНА

госпитализирован в Центральную клиническую больницу. Врачи поставили диагноз: рак. Им не удалось спасти жизнь главы ГКЧП, и 24 сентября 2010 года экс-вице умер.

В последние годы занимал должность заведующего кафедрой отечественной истории и международных отношений Российской международной академии туризма.

ГЛАВА 3.

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА

ГЕНЕРАЛА КАЛУГИНА

В начале 1992 года на кагэбэшного бунтаря Калугина обвалилась новая деза. По телевидению обмолвились о том, что Олег Данилович возглавил якобы некое перспективное СП. Сообщение продублировали в газетах. И уже нет отбоя от бывших сослуживцев, оставшихся без работы: просят, умоляют пристроить их в (несуществующую!) калугинскую фирму. Давний друг (подводник с Дальнего Востока) так и вовсе без звонка нагрянул в гости к Калугиным: «Хочу сотрудничать с новым СП!» Неужели опять провокация? Или просто журналистская оплошность?

О ГЕНЕРАЛЬСКИХ ВКУСАХ

— *А вам лично доводилось работать в этом направлении? Я имею в виду дезинформацию.*

— Я рекомендую взять слушания в Конгрессе США о советской дезинформации. Соединенные Штаты тоже занимались дезинформацией, это естественно. У меня есть книга, которую я в свое время писал как диссертацию, там приводится несколько примеров. Она не

опубликована, поскольку засекречена. Я ее закончил еще в 1984 году.

Из интервью 1991 года: «Я учился в институте иностранных языков, потом два года провел в разведшколе. Оттуда меня направили в США на факультет журналистики Колумбийского университета. А чтобы биография была подходящей — выдали диплом филфака ЛГУ. Так я стал «гражданским лицом». Потом я снова приехал в Штаты в качестве корреспондента Московского радио в Нью-Йорке. В течение четырех лет приходилось вести репортажи из страны. А иначе и быть не могло — лопнула бы «крыша».

Из досье газеты «Новый Взгляд»: «Позднее, работая скромным пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне, разведчик Калугин имел размашистую возможность (на средства нашего дальнебойного ведомства) давать более шикарные приемы, нежели сам посол. С тех заокеанских пор Олег Данилович очень хорошо разбирается во французских сухих винах (про калифорнийские сорта как-то, давая «Взгляду» интервью, заметил: «Впрочем, лоза там все равно французская»). Знает, как выяснилось, генерал толк и в еде. Любит рыбу. Предпочитает лососевые сорта. И форель. Причем сам — опытный рыбак. И умелый охотник, кстати. Между прочим, «кстати» — его любимое словечко. И — кстати же! — именно в Америке родилась одна из его дочерей. Их у него с Людмилой Викторовной двое. Светлана и Юлия (старшая Юлия родилась в 1963 году в Нью-Йорке, но в свидетельстве о рождении указана Москва, как водится в семьях чекистов). У каждой — по сыну. Старшего из внуков (11 лет) назвали в честь деда. Мальчик очень хорошо и нестандартно рисует. В школе немногие знают, что он внук того самого Калугина. Всему свое время. Зятя у Олега Даниловича, как он сам говорит, разные. Когда генерал нехотя рассказывал про них в своем ТВ-интервью и сказал мне, что, мол, муж одной из дочерей — токарь, то я подумал,

что про второго вдруг проронит: «Пекарь». Нет, однако я ошибся. Другой, как оказалось, офицер милиции».

ПОКУШЕНИЯ

— *Что вы можете сказать о деле Антонова?*

— Кстати, хотя это американцы и отрицают, но я отношу это к классической ситуации (я не утверждаю, потому что у меня нет документального подтверждения), которой умело воспользовалось ЦРУ, чтобы обвинить СССР в заговоре, в попытке убийства Папы. Хотя сама эта идея абсурдна. Покушаться на Папу — все равно что на английскую королеву.

— *Почему вы считаете, что для гэбистов абсурдно покушаться на коронованных особ?*

— Потому, что у нас политика в отношении Ватикана была совершенно противоположная. Мы стремились привлечь Ватикан к нашей миротворческой деятельности (имею в виду нашу пропагандистскую миротворческую деятельность). И мы все время заигрывали с Папой. Мы никогда, даже в сталинских условиях, не мыслили покушения на руководителей государства (а Ватикан ведь государство, причем не просто государство, а духовная империя).

— *То есть вы хотите сказать, что болгарская разведка здесь ни при чем и «дело Антонова» лишь успешная контрпропаганда американцев?*

— Да, могло быть наоборот: сказали бы, что ЦРУ пыталось убить Папу.

Из стенограммы выступления 16 июня 1990 года в Москве: «В 1979 году, когда я был начальником внешней контрразведки в КГБ, я заступился за одного арестованного гражданина ученого, который по сфабрикованному обвинению был осужден на семь лет и томился в наших лагерях (и за которого, как я считал, я нес моральную ответственность, ибо его нахождение в Советском Союзе было связано с моей предыдущей деятельностью). Этим же

вопросом из благородных целей занялся тогда и Евгений Примаков, но вовремя остановился. Этот гражданин был обвинен в спекуляции антиквариатом».

СВАДЬБА РОМАНОВОЙ

В помянутом Калугиным 79-м Ленинград стал точкой приложения усилий спецслужб, ориентированных на глобальную «дезу». Бывшие сослуживцы Олега Даниловича организовывали свадьбу дочери хозяина города Г. В. Романова. Заодно организовали и ее последствия. Тогдашнему шефу КГБ Ю. В. Андропову надо было нейтрализовать политические амбиции ленинградского конкурента. Поскольку Романов жил один (жена его бросила), то устройство свадебного мероприятия взяла на себя секретарская охрана.

Когда сам городничий приехал на банкет, мина под него была уже заложена. На столах был расставлен фарфоровый сервиз Екатерины II. Где-то в начале десятого полковник ГБ Савельев, с криком «Горько!», хрякнул об пол музейную рюмку. Удатому гусарскому обычаю последовали — как по команде — и другие кагэбэшники. Со следующего тоста фарфор летел на паркет уже со всех столов.

Романов получил нагоняй от Сулова. По каналам КГБ «свадебная история» проникла на страницы самых респектабельных западных изданий. К своему юбилею директор Эрмитажа Б. А. Пиотровский получил звание Героя Соцтруда. Как и кто из бывших соратников Калугина был награжден за операцию «Свадьба», можно разузнать, лишь подняв питерские архивы...

КАК ФРАНЦУЗСКАЯ МАФИЯ НАШИМ ПОМОГАЛА

— *Насчет архивов. Могут быть опубликованы документы, касающиеся южнокорейского боинга?*

— Когда Бакатин при мне давал команду передать бумаги японцам, ему сказали, что по просьбе Министерства

обороны все передано туда, все теперь там. КГБ к этому имел отношение только в плане сохранения секретов, это же военные операции.

— *Кстати, по поводу военных секретов. Что известно о похищении французских документов? Кто провернул эту грандиозную операцию?*

— Воры украли обыкновенные. Похитили несколько ящиков из военного ведомства. И нам передали. Целый грузовик документов. Но я ни разу не слышал, чтобы во Франции по этому поводу кто-нибудь возмущался. По-моему, им неудобно было признать, что их обворовали.

— *Откуда именно французские уголовники похитили эти бумаги?*

— Это была организация, работавшая на министерство обороны, но представлявшая крупную французскую военную фирму.

ТОТ САМЫЙ КАРЛОС

— *Как сейчас работают службы бывшего КГБ? Они уменьшили свой штат заграничных агентов?*

— Еще не уменьшили. Хотя МИД категорически против засилья КГБ в структурах министерства. Впрочем, там тоже «наших» хватает.

Из речи перед избирателями 28 сентября 1990 года:
«Шевченко был агентом ЦРУ. В свое время попросил у американцев политическое убежище. Ему пообещали, но сначала попросили поработать. У нас имелась информация о том, что он, возможно, завербован. Разумеется, знал об этом и Андропов. Докладывали Громыко. Но тот не реагировал. Когда же Шевченко сбежал, Громыко сказал: «Шевченко? Кто такой, что-то не припомню...» Тогда мы отыскивали фотографию, где были запечатлены Громыко и Шевченко со своими женами на пикнике у костра. Этакая идиллия, ну прямо-таки одна семья. Объяснялось все очень просто. Шевченко поставлял семье Громыко много заграничного барахла».

Ремарка. По сведениям самого придирчивого чекиста-веда Е. Альбац, из 3900 дипломатов союзного МИДа 2200 представляли КГБ и ГРУ.

— *В течение будущих месяцев — по вашим прогнозам — станет ли известно, что в высших эшелонах иностранных правительств были агенты КГБ?*

— Практически все самые крупные агенты либо уже умерли, либо давно на пенсии. Более интересно другое: из КГБ сбежало (или работали как агенты ЦРУ, французской разведки, других спецслужб) почти тридцать человек. Разложение полнейшее. Какой нормальный человек будет после этого сотрудничать с советской разведкой? Какие агенты могли остаться на Западе? Они все были либо арестованы, либо сбежали.

— *Так ведь эти люди хорошо оплачивались. Соблазн был велик. Но, видимо, у экс-Комитета ныне должны быть серьезные финансовые проблемы?*

— Да. Нечем платить не только агентам, но и своим собственным офицерам.

— *До какого приблизительно года советские секретные службы поддерживали рабочие отношения с арабскими террористическими группировками?*

— Никогда мы их не поддерживали! Это тоже форма дезинформации. Но со стороны западных спецслужб. Мы поддерживали национально-освободительное движение во всем мире, да, это правда. Мы обучали представителей этого движения здесь для борьбы с колониальными режимами, в том числе и владению оружием, это правильно. Но мы, естественно, не могли контролировать всех людей, которые, отойдя от национально-освободительных целей, перешли на позиции крайнего правого или левого экстремизма. И могли использовать полученный в Советском Союзе опыт и знание, чтобы осуществлять террористические акции. Так что в этом случае косвенно, конечно, мы как-то могли влиять. Но никогда мы не готовили террористов.

— А знаменитый Карлос? Тот хрестоматийный воспитанник ГБ, про которого на Западе снято столько игровых и учебных фильмов, написано столько захватывающих книг и засекреченных диссертаций?

— Он учился в Университете имени Патриса Лумумбы, потом уехал на Запад. Когда он у нас был в 70–80-х годах в Москве (несколько раз), его держали под контролем. Приглашали на беседу, спрашивали, что он хочет здесь. Он сказал, что просто приехал увидеть своих знакомых. Но его постоянно держали под наблюдением, все его связи. Под колпаком, как у нас говорят. Ведь Германия не несет ответственности за советский эксперимент марксизма оттого, что Маркс родился в Германии? Так и мы не отвечаем за Карлоса, который учился в Университете Дружбы народов, а потом стал супертеррористом.

Из интервью 1991 года: «КГБ всегда помогал партии в решении финансовых вопросов. Начнем с того, что многие компартии мира финансировались именно по нашим каналам. Почти в каждой зарубежной резидентуре был сотрудник КГБ, осуществлявший контакты с руководством местной компартии, передавал им деньги, инструкции. Скажем, Гэсс Холл, будучи генсеком компартии США, жил на содержании Старой площади».

Из исследования Е.Альбац: «Документ №1 П 164/15 от 10.01.89. Компартии США передано 2.000.000 3 января (буква «П» перед номером документа означает «Политбюро»). Документ №2 п. 6 157/251 от 3.02.87 ОП 0330 от 4.02.87 Г. Холлу сообщено о выделении 500.000 долларов».

— Самое подробное «бытовое» описание методов нашей разведки — книга Баррона «КГБ». Это некий псевдоним группы авторов? Что такое или кто такой этот Баррон?

— Это реальный человек. Мне предлагали с ним встретиться. Его книга очень неточная, много фантазий. Самая (на сегодня) хорошая книга (с точки зрения фактического материала) — это работа Гордиевского. Там практически

нет ошибок. За счет аналитической работы, основанной на показаниях многих беженцев из КГБ, которая сделана соавтором Гордиевского англичанином Кристофером Эндрю.

КГБ В КРЕМЛЕ

— *Работает ли госбезопасность в Кремле? Говоря о Кремле, я имею в виду не структуры власти, а лишь архитектурные рамки символа отечественного олимпа.*

— *Есть комендатура Кремля для этого. «Девятка». «Наружка» туда не проходит, она работает только за пределами. Все, что там, внутри, — это служба охраны (бывшее 9 Управление).*

— *Как проходит подбор сотрудников Кремля? Они все проходят проверку?*

— *Абсолютно! Это как военный объект высшего назначения. Так было заведено с незапамятных времен.*

— *Вам самому доводилось бывать в Кремле? Как сотруднику ГБ? Или — как депутату?*

— *С 1965 года бывал в Кремле многократно. Как сотрудник МИД СССР. Я бывал на приемах у Брежнева, туда приезжали президенты, короли. Был я и в числе чекистов, награжденных за участие в антихрущевском перевороте. Я тоже получил орден, хотя никакого участия в путче не принимал (я в то время был в Америке). Наградили группу чекистов: официально — за успехи в работе. Но фактически их награждали за переворот. В октябре — путч. А их награждали в декабре.*

— *На приемах вы сразу видите людей из управления охраны?*

— *Да. Там много народа работает. Не только охрана. Но и те, которые пытаются кое-что подслушать. Особенно когда на приемах много иностранцев. Не секрет, что приемы всегда использовались для передачи информации. Любые приемы: посольские, кремлевские. Поэтому там ходят люди, которые пытаются незаметно подойти к группам*

беседующих. И посмотреть. Нет ли у них передач из рук в руки. Работа идет. Я никогда не интересовался системой охраны Кремля. Но то, что там охрана лучше, чем где-либо, это несомненно. Подбирают лучших людей и лучшие технические средства.

— *Есть ли в Кремле завуалированные офисы КГБ?*

— Есть. Там везде офисы КГБ, но им не надо прятаться. Они там сидят, стоят. Практически эта организация полностью находится в руках КГБ.

— *Расскажите подробнее: как вас награждали. Кто? Микоян?*

— Да, он вручал нам ордена, а потом председательствовал на обеде. Меня наградили орденом «Знак Почета». Обед был сидячий, банкет.

— *Все понимали, что это как бы выдается вексель?*

— Да, этим как бы оплачивалась лояльность при осуществлении антихрущевского переворота. В это время, повторюсь, я только вернулся из Америки, поэтому я участия в этой акции не принимал. Из разведки там было 5–10 человек, остальные все были из внутренней тайной полиции. После этого мы сфотографировались.

— *А обед был, как говорят в Одессе, подробный?*

— Настоящий обед, с водкой, вином и всем остальным.

— *В таких случаях приглашают с женами или без?*

— Нет, как на Востоке, жены должны сидеть дома.

— *Наверное, подобного рода охрана (как кремлевская) существует во всех резиденциях?*

— В принципе, конечно. У них, однако, размах ни в какое сравнение с нашим не идет. Вся охрана вашингтонского Белого дома (включая полицию в форме) — 700 человек.

— *А у нас?*

— У нас в 9 Управлении только 1-й отдел (а там их было около десятка) — полторы тысячи человек. Только один отдел! (Мне в свое время предлагали его возглавлять, поэтому я знаю.) Нигде такого отдела не найдешь. Обычно 20–30 человек.

В свое время Калугину много чего предлагали. Злые языки говорят, что недостаточно. Оттого, мол, генерал и подался в «демократы». Не знаю, не знаю. Как бы то ни было, Олег Калугин одна из самых заметных фигур на нынешнем политическом небосклоне. И, на мой взгляд, один из самых благодарных объектов интервью. Опять же, повторюсь — суперконсультант. Думаю, что выбор дался ему не просто. И был — правилен.

Из досье газеты «Новый Взгляд»: «Со своей супругой генерал познакомился еще в школьные годы. Они вместе катались на велосипедах по родным дворам. Возможно, что именно благодаря мягкому обаянию и удивительно женственному такту Людмилы Калугиной (в девичестве — Ивановой, женаты с 25 сентября 1954 года) знаменитому ныне разведчику удалось сделать весьма симпатичную дипкарьеру. Супруга генерал-майора несколько недоверчиво относится к журналистам, невзирая на то что именно пресса сделала Олега Даниловича известным и, стало быть, отчасти неуязвимым для своих недругов. Ее кредо: чем меньше знает страна о каких-то личных аспектах биографии ее энергичного мужа, тем спокойнее в семье. Не подозревая, что сама являет самый обезоруживающий аспект в жизни генерала-депутата. Прошу прощения, это моя точка зрения. И еще одно. Насчет «аспекта». Людмила Викторовна плавно, но решительно настояла на том, чтобы я весьма серьезно купировал семейное интервью с Калугиным, которое в начале года готовил для «ВИДа». Убеждала: «Никому это не интересно... Разговоры про личное. Тем более в такое трудное время». Уверен, что она ошибалась. Уверен, что еще получу согласие Калугиных на эфир (запись того «домашнего» интервью я еще не размагнитил). Уверен, что, несмотря на хитрые инсинуации и удачные порой происки завистников, Олегу Калугину удастся сохранить подлинную репутацию мудрого и неподкупного политика. Политика, единственной виной коего (в

выплаканных глазах оголодавшей СНГ-общественности, конечно) остается лишь усмешливая привязанность экс-разведчика к легким французским винам. Похоже, выбор этот останется первой и последней «ошибкой» знаменитого американиста. Во всяком случае, разборки последних лет доказали, что он за свои слова тщательно отвечает. И ошибок в политической карьере — не допускает. Стало быть, кремлевский олимп все так же близок».

КАЛУГИН. POST SCRIPTUM

Непонятная вышла история с моей книжкой о Калугине «Вещий генерал, или Исповедь генерала Калугина». Мы с Андреем Ванденко тогда выпускали брошюры страниц на 112 совместно с ИПК «Московская правда». Эту напечатали очень скромным по тогдашним меркам тиражом в 10 тысяч экземпляров (предыдущий сборник интервью «Их Кремль», куда, кстати, была включена одна из моих бесед с генералом, вышел тиражом ровно в десять раз больше).

Я уехал на многолетнюю стажировку в New York Times Company, интернетов тогда не было, равно как и мобильных телефонов, из-за разницы во времени общался с редакцией посредством факса. Я знаю, что тираж «Вещего Олега» был скуплен каким-то кооперативом полностью. Порадовались мы тогда. Но выяснилось, напрасно: не для реализации вывезли тираж. Потом грянули события 1993 года, и как-то подзабылась вся эта история. Вспомнил я о ней лишь сейчас, разбирая архивы.

Что касается Калугина, то он в 1995 году выехал на работу в США якобы без намерения обосноваться там на постоянное жительство.

Напомню: с 1980-го по 1987 год Калугин служил на специально созданной для него второй должности первого заместителя начальника Управления КГБ по городу Ленинграду и Ленинградской области, под началом генерал-полковника Даниила Носырева. Вопреки расхожему ложному мнению,

это не означало понижение Калугина в должности. Генерал Калугин даже стал там депутатом областного Совета народных депутатов и кандидатом в члены Ленинградского обкома КПСС. Более того, руководители территориальных органов КГБ СССР обладали реальной властью на местах, которой генералы ПГУ были начисто лишены. Потеря для Калугина была скорее в престиже. Хотя Ленинградское УКГБ и было вторым по важности областным управлением в системе КГБ СССР, большим по размеру, чем многие комитеты союзных республик, однако по сравнению со столичным ПГУ все же считалось «захолустьем», «периферией», «провинцией». Перевод в Ленинград являлся почетной ссылкой. Калугин курировал все районные и городские аппараты КГБ в области, информационно-аналитическую службу, ряд пограничных районов и отдел внутренней безопасности, представлял КГБ на комиссии обкома по выездам за границу. В Ленинградском УКГБ с генерал-майором Калугиным мог случайно встречаться Владимир Путин — один из трех тысяч оперуполномоченных КГБ, служивших тогда в этом крупном провинциальном территориальном органе КГБ СССР. Как куратор отдела внутренней безопасности, Калугин мог иметь доступ к личному делу Путина, только если на того поступали «сигналы» о нечистоплотности или должностных проступках, а также в связи с его оформлением на годичную учебу в Краснознаменном институте КГБ СССР и в 1985 году перед выездом в долгосрочную заграничную командировку в ГДР.

В начале 2000 года Путин публично назвал Калугина предателем, на что тот ответил из США открытым письмом, в котором обвинил Владим Владимыча в нарушении презумпции невиновности.

В том же году генерал стал US-экскурсоводом, совместно с контрразведчиком Дэйвом Мэйджером (который работал в ЦРУ 24 года и раскрыл многих советских резидентов) разработал автобусный маршрут по шпионским местам Вашингтона.

В марте 2001 года Главная военная прокуратура РФ сообщила, что против Калугина может быть возбуждено уголовное дело по факту разглашения государственной тайны. Комментируя для одной из американских газет ситуацию с раскрытием Роберта Ханссена, Олег Калугин назвал разведчиками Торопова и Третьякова, дипломатов, оставшихся соответственно в Канаде и в США.

В 2002 году по заочному приговору Московского городского суда Олег Калугин был лишен воинского звания генерал-майора КГБ СССР и всех государственных наград СССР. Мосгорсуд признал Калугина виновным в государственной измене и приговорил его к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

АННАЛЫ ЖЖ

Раньше инфа была подобно прекрасной нимфе, волею судеб оказавшейся на заброшенном острове, где, кроме солдатской казармы, ничего нет. И никого. Кроме голодных воинов. То есть макси-востребованность для носящей мини-юбку. А сейчас информация, увы, подобна ослепительно-яркому супермаркету, в котором у досужего посетителя в очах рябит от вызывающего изобилия.

Как-то на пресловутых «Одноклассниках» нашел Сашу Шевчука, который в середине 80-х был заместителем главреда «МК». Он написал: «Честно, Жень, то, что мы тогда вытворяли, уже никто не повторит! И это — наш капитал!.. Вел номер, когда выходили твои «Ночные бабочки», все уехали, Паша Гусев все звонил: ну что, сдали? Я подписал номер, и мы поехали развозить дежурную бригаду. На следующий день ты проснулся знаменитым! А с утра все трезвонили из МК, ЦК и проч. А мы оттягивались...»

И ведь действительно, четверть века назад на советском агитпроповском безрыбье легко было прославиться, мимоходом вытащив золотую рыбку безбашенной & хмельной удачи. Заголовки материалов моментально пополняли

лексикон родного языка. В ночь с пятницы на субботу выходишь в двухсотмиллионный эфир «Взгляда» с трехминутным сюжетом об отставном генерал-майоре КГБ, а в понедельник утром редакционные телефоны раскалены до цвета кумача: все аккредитованные в Белокаменной «журналиги» (© А. Б. Градский) желают обзавестись координатами куратора Питерского рок-клуба Олега Калугина (а самому генералу, замечу, выслана ковровая дорожка в парламент). Одна нескромная заметка в «Неделе» о детях партийной элиты с цитатой из БГ («Их дети сходят с ума, потому что им нечего больше хотеть») и тут же по распоряжению отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС учреждают комиссию по этике при Союзе журналистов для того, чтобы в программе «Время» заклеить меня, «клеветника», и тем самым, кстати, всей мощью сакраментальной АКС (административно-командной системы) внести лепту в массивированную мифологизацию репортерской профессии. Я оказываюсь под тотальным запретом и только с решительной подачи мужественного «взглядовца» Саши Любимова возвращаюсь в строй.

На могучей инерции советской агитпроповской машины выстроены были политические карьеры разнокалиберных прорабов перестройки. И воспламенены звезды переходного периода, ставшие таковыми после пары ударных публикаций & эфиров программы «Взгляд», ведущих которой «Огонек» звал не иначе как «народными героями, олицетворявшими перемены внутри страны, так же как символом перестройки за границей был Горбачев. Потому что вместе с ними, смелея от пятницы к пятнице, мы учились говорить не кухонным шепотом, а вслух: у капитализма тоже бывает человеческое лицо, рок-н-ролл жив, Чернобыль не авария, а трагедия». Все так просто. Как пешкой ход на е4.

Хитрый Сергей Станкевич произнес «клятву на верность демократии». Честный Тельман Гдлян выпустил книгу «Пирамида-1» про чурбановскую коррупцию и обещал «Пирамиду-2» — о коррупции кремлевской. Чеченская блондинка из Казахстана Сажи Умалатова стала председателем

Постоянного президиума Съезда народных депутатов СССР. Священник Глеб Якунин поразил воображение митингующих анафемой. Воинственный Альберт Макашов призвал сажать гомосексуалистов в тюрьмы. Сын юриста Владимир Жириновский самовыдвинулся в президенты. Один медиаповод приравнивался не к ступеньке карьерной, а соразмерен был со всей лестницей. Не все на олимпе кремлевском прижились.

А ныне такого рода прорывы в политэлиту просто невозможны. Мелькнув в прайм-тайм, не станешь депутатом. С одной единственной обложкой, пусть самой разглянцевой, не получишь штатную должность на телеканале. Да и современный шоу-бизнес = закрытое акционерное общество. И эмитировать новые бумаги никто не спешит. В медийное поле (равно как и в публичную политику) уже нельзя ворваться. Можно лишь вползти.

Да. Конгениально политсоставляющей изменился и расклад в медийке: прославиться одной-двумя публикациями и стать кумиром электората после одного ударного бесконтрольного эфира — ныне невозможно. Во-первых, контроль (пусть и хрестоматийного западного образца, со ставкой на рефлекторную самоцензуру). А во-вторых, ничем не удастся изумить пресыщенную сенсациями аудиторию. Вот опубликовала дочь президента Ельцина свои как бы мемуары в гламурном мужском издании, принадлежащем ее падчерице Полине Дерипаске. И вроде бы все для воспламенения медиаскандала там было. Рассказ про эротическое женское счастье, в зрелом возрасте обретенное в объятиях журналиста & главы президентской администрации Валентина Юмашева. И про то, как Анатолий Чубайс «убедил папу» создать неформальный штаб, «который назвали аналитической группой». И реплика, что, например, Дмитрий Медведев «никогда не будет привлечен к уголовной ответственности за решение ввести российские войска в Южную Осетию». Ну и? Электорат читательский не заметил.

И тогда Татьяна Борисовна двинула в блогосферу. Бог весть зачем. Вряд ли вслед за Гарантом, обозначившим тренд: это скорее мотивация для Анатолия Чубайса и прочих чиновников, дружно ломанувшихся в ЖЖ «по проложенной в пустыне лыжне». Что-то здесь другое, предчувствием перемен отмеченное. Так зачем скромная Таня Дьяченко пошла в народ? Гипотеза директора Института политической экспертизы Евгения Минченко: дочь жаждет взойти на трон отца в 2012 году. Движуха, как он предполагает, строится по образцу «президентских дочерей» Беназир Бхутто и Индиры Ганди с целью «реабилитации либерализма в России и придания ему нового лица». Сомневаюсь, что подруга Романа Абрамовича, рассказывающая, как ловко будущий мегаолигарх выкраивал начальный капитал в рядах Советской армии, и одним абзацем отвечающая на вопрос, почему он стал миллиардером, обозначит альтернативу потерпевшим фиаско «правым» лидерам. Привыкший к дебатам у «барьера» Владимир Соловьев сердится:

— Читал и не мог поверить, кого г-жа Юмашева считает идиотами — своих читателей, или она и вправду не осознает, что пишет? С такой простотой описывается схема финансирования политической жизни в России — предлагается де-факто считать это нормальным и естественным.

Даже в своей целевой группе жена бывшего журналиста Валентина Юмашева вовсе не популярна. Тогда зачем? Возможно, чтобы протестировать настрой публики. Или апробировать главы будущей книги (что мелковато, хотя первым на ее явление народу откликнулся блоггер-конкурент & НТВ-ведущий Сергей Минаев, сделавший писательскую карьеру именно на ЖЖ). А может просто подарок себе к юбилею сделать (17 января 2010 года ей исполнилось 50)?

Причем каждая запись в ее дневнике вполне сенсациональна, казалось бы. И подписалось на нее за пару-тройку первых же недель больше, чем в этот же срок на блог Президента РФ. Но всё равно — не сенсация всесоюзного масштаба. Хотя я считаю, что сведения, широко известные

в узких медийных кругах, приобретают в устах сдержанной дочери харизматичного президента особое звучание даже в контексте ее очевидных попыток гламуризировать эпоху ЕБН. Ну допустим, про то, что личное поздравление Бориса Ельцина ветеранам Отечественной сочинил Александр Минкин, которого «Борис Абрамович привел в штаб». И что тот же Минкин обнародовал сделанную Березовским запись беседы с Валентином Юмашевым и Татьяной тогда еще Дьяченко, о конфликте с Александром Коржаковым.

Тем не менее страна не вздрогнула, как бывало 20 лет назад после полосных репортажей «МК» или очередных разоблачений в «Московских новостях» Егора Яковлева (куда менее сенсационных, кстати, чем нынешние откровения Татьяны Борисовны). Так что фундаментальные сдвиги в восприятии печатного слова не имеют отношения к нивелированию журналистского ремесла, как полагают некоторые эксперты: все же дочь Ельцина ни разу не репортер.

Замечу при этом, что излагает она грамотно. Высказывались предположения, что за нее, как и за многих именитых блоггеров (типа Бориса Немцова или того же Анатолия Чубайса), строчат специально обученные щелкоперы. Или муж помогает. Знаю точно, что Юмашева, так же как и Мария Гайдар, ведет онлайн-дневник самостоятельно.

И в качестве коды заверю, что профессия репортерская изрядно самими пишущими скомпрометирована. И олигархи, развратившие нас во время войны компроматов шальными деньгами, повинны в этой беде лишь отчасти.

Нет, не люблю я журиков. И не потому, что журналист в принципе профессия сомнительная, позволяющая (как и наука) удовлетворять собственное любопытство за казенный счет, а потому... Но вот пример из практики. Будучи издателем влиятельного делового еженедельника «Профиль», вычитывал в редакционной системе содержание номеров накануне сдачи. Натыкаюсь на фразу в материале об Александре Вайнштейне — «вошел в анал истории». Так и написано. С одним «н». Ну, звоню опытному

заместителю главреда, курировавшему «культурный» раздел издания (сейчас, между прочим, уже главному редактору), и обращаю должностное внимание на прелестное словосочетание. Ээээ... и что же я слышу от умиротворенного подчиненного в ответ? «Так ведь еще корректура не читала». Так вот, автор двусмысленного перла, заведомом этого журнала получает втрое больше, чем главред провинциальной газеты вместе с директором провинциальной школы (вместе взятыми с участковым врачом). Ну и я хочу понимать, за что я пла́чу, как читатель и потребитель перлов, прежде всего. Потому что, когда я натыкаюсь на подобные шедевры — я пла́чу. Так себе каламбур, конечно: в анал истории не протиснется.

ГЛАВА 4.

ЧТО-ТО С «ПАМЯТЬЮ» МОЕЙ СТАЛО

Мысленно перебрал имена всех сколь-нибудь заметных фигур из числа тех, что известны экстравагантностью политических взглядов и эксцентричностью поступков, граничащих порой с выходками. Владимир Жириновский, Валерия Новодворская, Нина Андреева, Виктор Анпилов, Александр Невзоров... Нет, Дмитрий Васильев, пожалуй, покруче будет. Крайний в шеренге. Дальше — кто?

Не знаю, как у вас, но у меня первая ассоциация — бравые плечистые ребята, задрапированные в черное, на рукавах рубах не то крестики, не то свастики. От всего этого необъяснимое словами ощущение чего-то тяжелого и давящего, вызывающее единственное желание — отскочить скорехонько на обочину и переждать: не приведи господи на дороге попасться, мокрое место останется.

...Я дал волю воображению. Рисовал, как же должно выглядеть жилище Дмитрия Васильева. Не может быть, чтобы ТАКОЙ человек жил в обычной квартире. Действительность, как это частенько случается, не сочла нужным считаться с фантазиями.

Единственная жилплощадь в подъезде старого, дореволюционной постройки трехэтажного дома, где внизу булочная, а на втором этаже — ирония судьбы — пункт охраны

общественного порядка. «Память» охранять или от «Памяти»? Ну, а третий этаж... Нет, логова с вооруженной до зубов охраной я не увидел. Это напоминало нечто среднее между классической коммуналкой и полулегальным штабом конспираторов. В комнатах толпился народ — преимущественно молодой, где-то в глубине квартиры плакал ребенок, лаяла собака, что-то аппетитное жарили на кухне. На обшарпанных, давно не видевших ремонта стенах висели лозунги. «Памяти», политическая карта мира почему-то была утыкана черными флажками. В коридоре на огромных размеров сундуке пылились два мегафона, в углу стояли бело-желто-черные знамена, надетые на металлические прутья с палец толщиной. Почему-то сразу подумалось, что эти прутья, заменяющие древко, при желании можно использовать совсем в иных целях...

Хозяин приглашает в гостиную, где много икон, старинных фотографий и портреты Николая II и самого Дмитрия Дмитриевича. Кроме нас, к столу присаживается молодой человек, назвавшийся адъютантом Его Превосходительства (честное слово, так и сказал, видно, фильмов о Кольцове насмотрелся). За моей спиной располагаются еще четверо парней, которые на протяжении всего разговора будут создавать соответствующий фон, дружно посмеиваясь над резкими репликами Васильева и недовольно гудя после моих, по их мнению, бестактных вопросов.

ЕВРЕИ, ЕВРЕИ, КРУГОМ ОДНИ ЕВРЕИ

— Дмитрий Дмитриевич, пока я договаривался об этой встрече, ваши помощники столь подробно расспрашивали меня о газете, ее тираже, учредителях и т.д., что невольно возникло ощущение: прежде чем быть допущенным к «телу», надо доказать свою лояльность по отношению к вам. Вы действительно фильтруете журналистов и газеты?

— Нет, нас не ваши политические взгляды волнуют, а то, насколько издание авторитетно и популярно. Размениваться на беседы для никому не известных листков я не могу.

Обычно я журналистам не отказываю. Кажется, только от эскимосов из Гренландии не приезжали, а так отовсюду были, в том числе и из Израиля.

— Ну и как?

— А никак! Я не каннибал, человечинной не питаюсь. Это некоторые ваши коллеги тряслись так, что подбородки веревочкой приходилось привязывать. Шли сюда, словно на заклятие. Иные напарников с радиотелефоном под домом оставляли. Я им говорил: «Микрофончик-то выключи, фонит». У меня единственный принцип: журналист — совесть нации, поэтому должен писать чистую правду.

— Вы действительно такого высокого мнения о предназначении нашего брата?

— Я описываю идеальную ситуацию, говорю о сути. Не моя вина, что этот идеал извращается. Если бы журналисты честно выполняли свой долг и служили Отечеству, а не тем, кто им платит, то, наверное, в мире было бы меньше бед. Люди вашей профессии иногда могут сделать больше вреда, чем танки.

Приезжала, например, из Израиля одна такая Дора и давай орать, что всех евреев надо отправить в кибуцы. На это я сказал: вы антисемитка. У нас даже фонограмма того разговора осталась.

— Вы все разговоры записываете?

— Нет, но это не важно.

— Ладно, давайте тогда другое проясним: если бы я назвался евреем и попросил аудиенцию...

— Почему сразу евреем? Далась они вам! Я же о евреях ничего плохого пока вам не говорил.

— Но вы первым завели речь об Израиле и антисемитизм упомянули.

— К слову, уточню: я антисемитом себя не считаю. Я люблю арабов, у меня масса друзей среди них, вон видите, они прислали мне свой платок. Арабы — основная семитская группа, как же я могу быть антисемитом?

— Значит, антисионист?

— Да, антисионист я крутой. Причем с детства, с младых ногтей. Сионизм — это идеология, а не национальный признак. Носителями этой идеологии являются не одни евреи. Но все вместе они выполняют миссию сионистских центров по разрушению цивилизации. Когда говорят, что сионизм — это патриотизм еврейского народа, не верьте. Чушь для безграмотных и серых. Я достаточно серьезно изучал сионизм и могу сказать, что это самая человеконенавистническая идеология в мире. Следствием сионизма явился — да, да, может, это и абсурдно звучит — третий рейх. Поскольку в христианском народе теории богоизбраннической концепции расового превосходства родиться не могло.

— *Вы обмолвились, что ненависть к сионизму у вас с рождения. С чего бы это вдруг?*

— С чего? Когда, например, слышишь историю своего государства и видишь его трагедию, как не проникнуться ненавистью к тому, что служит причиной всех бед? Я-то знаю, откуда у нас появился этот коммунистический монстр.

— *Погодите-погодите, вы меня окончательно запутали: мы о сионизме или о коммунизме?*

— Коммунизм — это сектантство иудаизма.

— *Дмитрий Дмитриевич, вы шпарите готовыми формулами, а я прошу поконкретней: чем маленькому Диме Васильеву не угодили евреи?*

— Я хочу почитать сказку, а мне не дают.

— *Почему?*

— Потому что ее нет. Зато меня заставляют петь «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой» или «Мы за партией идем, славя Родину делами».

Не забывайте, носителями коммунистической идеологии были евреи. Это не я придумал. Только не надо делать из меня самого большого еврейского врага. Карл Маркс, кажется, в первом томе собрания сочинений написал: евреи — это лобковые вши, которые распространяются на теле больного общества. А Ленин, будучи полукровкой, в своих трудах вообще не считал евреев ни народом, ни нацией.

Почему классиков не судили? Нет, созданную ими идеологию внедряли в сознание масс. Так было выгодно.

Сегодня все воют, ноют, сопли распускают о репрессированных при Сталине. А кто руководил архипелагом ГУЛАГ, строительством Беломорканала? Кто был идеологом разрушения наших национальных святынь? Емельян Ярославский, он же Губельман. Или, скажем, сын раввина Руфимов, он же Дзержинский, который убивал моих предков. Или Лейба Бронштейн — Троцкий, посеявший теорию военного коммунизма и изобретший концлагерь, где погибла моя родня. Понимаете, их на штыки комиссары поднимали!

— Кого — их?

— Например, моего деда, казацкого атамана, большевики только за то, что он был предан царю, штыками, штыками! А почему дед должен был служить дьяволу или поганой концепции заезжих политгастролеров, желающих подмять под себя весь мир? Обломится! Какой-то период можно продержаться на крови и насилии, но потом дубина начнет отмерять путь обратно. Русский мужик так устроен: он долго терпит, а потом берет дубину и начинает мерить глубину. Это будет. И очень скоро.

— *Дмитрий Дмитриевич, давайте все же попробуем говорить не о человечестве, а о вашей семье. Кроме деда, еще были пострадавшие от советской власти?*

— Вся родня по отцовской линии. Фамилию называть не буду.

— Почему?

— Не хочу. Пока.

ТАЙНА, ПОКРЫТАЯ МРАКОМ

— *Но это славянская фамилия?*

— Из того, что я скрываю фамилию отца, вовсе не следует, что я еврей. Конечно, славянская фамилия. Я не еврей.

— *Тогда что вас останавливает?*

— У меня достаточно серьезное отношение к истории рода, к основам государства. Я не хочу давать дополнительную пищу своим врагам. Меня мать не для того берегла, чтобы я погиб.

— Неужели вы полагаете, что фамилию вашего отца установить так сложно?

— Попробуйте, проведите журналистское расследование.

— Спасибо, я оставлю это вашим биографам.

— Фамилия не самое главное, важнее дух, которым я живу. Это дух моих предков. По материнской линии у меня казаки из станицы Романовской.

— Васильев — псевдоним?

— Фамилия отчима, офицера, в первые годы войны погибшего на фронте.

— Вы состояли когда-нибудь в советских общественных организациях?

— Пионерия, комсомол? Да, повязали мне у памятника вождю хомут на шею, но почти всегда эту удавку я носил в кармане, за что получал двойки и нелюбовь учителей. В комсомол меня записали в армии. Я служил в Венгрии, на передовых рубежах Отечества, как же можно не быть комсомольцем? Моего согласия не спрашивали. Забирали, негодяи, по две копейки из солдатской зарплаты.

— Хорошо, а в «Память» вы как пришли?

— Я всегда был в памяти, дело в том, что никогда не являлся кандидатом в дурдом, поэтому память всегда была со мной.

— Вы же понимаете, о чем я — о вашем национально-патриотическом фронте.

— Мне в жизни повезло. Меня воспитывали Курбатовы, очень известный дворянский род. Они, очевидно, знали историю моего происхождения, дали мне прекрасное образование, поэтому я получил больше, чем человек, окончивший, скажем, три советских вуза. Меня учили чести, вере, любви к Родине, а не преданности компартии. Конечно, какое-то время, как любой советский человек, я был

шалопаем, а потом увидел, что творится вокруг. Мой приход в «Память» был закономерен. Это случилось в конце 70-х. К несчастью для себя, обнаружил, что во фронт внедрено много стукачей, провокаторов. Более того, увидел, что этот организм специально создан для дискредитации патриотического движения. Пришлось потратить очень много сил для возрождения и очищения «Памяти».

— Когда вы встали во главе фронта?

— В конце 86-го.

— С правоохранительными органами у вас были проблемы?

— Нет, если не считать того, что они превратили мою жизнь в ад. Конечно, меня некоторые величают полковником КГБ. Я всегда обижаюсь: почему не генералом?

У меня убили мать, жену. Это шашни с органами?

Маму медицинским путем убрали. У меня есть доказательства. Спровоцировали инсульт. Появился врач, который никогда не работал в нашей поликлинике, и сам, без вызова, предложил провести обследование. А я был в командировке. Маме выписали то количество лекарств, которое вызвало излом сосудов.

Жену же просто по голове ударили, она восемь дней в квартире пролежала. И ничего, заметьте, не украли, хотя было что. Могут подсунуть всякие версии, сказки, но я знаю, что произошло. Я просто не могу пока многого сказать.

— Что вас останавливает?

— Коммунисты.

— Какие, где?

— Те, которые сидят в высоких кабинетах.

— Вы их боитесь?

— Нет, но я осторожный человек. С коммунизмом я борюсь. Открыто. Однако что проку рассказывать о моих бедах, давайте лучше поговорим о трагедии народа. Я никого и ничего не боюсь, верующего человека не испугать. Да, я все теряю, ничего не приобретаю. Служить Родине — это терять, сгорать, отдавать. Никто не хочет этого понять, все стремятся хапать.

— Служить можно по-разному. И Жириновский служит, и Новодворская.

— Они имеют определенный национальный уклон, в соответствии с которым и строят идеологию. Но это далеко от проблем русских людей. А я русский человек и, естественно, борюсь за свой народ. Было бы странно, если бы я воевал за евреев или там узбеков, таджиков. Я бьюсь за россиян, за это и страдаю.

— Лично против вас были провокации?

— Можно к таковым отнести поджог квартиры? Кто-то скажет: проводка загорелась, а я знаю, что подложили термическое вещество.

Меня подкарауливали у подъезда с ножом, пытались воткнуть в горло. Уголовщина? Все сложности у меня начались после вызова в КГБ и предупреждения о моем якобы антиобщественном образе жизни. Сделано это было по указанию Александра Яковлева. Он вел непримиримую борьбу со мной. А я с ним. Я сказал, что Яковлев не будет членом Политбюро, и сделал так.

— Да он сам ушел.

— Не-е-ет! Общественное мнение поднялось, канадские связи его стали нащупывать. Не надо играть в тайные игры и одновременно якобы служить интересам народа. Это русофоб, чудовищный русофоб, каких мало на свете.

— Но Яковлев ведь русский.

— Боюсь, что нет. В наше время все покупается, в том числе и биография.

— Вы по профессии актер?

— Да, а что? После окончания театральной студии я ушел в армию. Тогда служили по три года, из них полтора был актером. Вернувшись на гражданку, понял, что не смогу играть ни сталеваров, ни секретарей обкомов, тошно. На меня возлагал большие надежды Борис Ливанов, но он вскоре умер. Во МХАТ пришел Ефремов. Начался вульгарный бытовизм, и мне не захотелось. Я никогда не любил начальников над собой, всегда выбирал, где их поменьше.

Поэтому стал фотохудожником. Имею персональные выставки, лауреатские дипломы. У меня более семидесяти публикаций.

— В этой квартире вы живете и работаете?

— Да, когда-то все эти семь комнат принадлежали Курбатовым. А затем советская власть устроила здесь коммуналку на 30 человек. Спина к спине. Жуть что творилось. Потом постепенно жильцы стали выезжать в новые квартиры, а я не захотел. Ностальгия у меня по этому дому. Тут прошла вся моя жизнь. Когда-то мы в восьмером ютились в угловой комнатке на 17 метрах. Спали на полу, на столе.

Сам я и сейчас живу в 14-метровой комнате, остальное — общественное помещение фронта. Здесь и штаб, и редакция нашей газеты, и радиостанция.

— Спонсоры помогают?

— Да. Вот три автомашины подарили. Старенькие, правда, но и за это спасибо.

Газету стараемся делать сами, корячимся, тужимся. Выпустили два номера по 100 тысяч экземпляров. Радиостанция обходится в 70 тысяч ежемесячно. Дорого. Приходится крутиться, создавать свои коммерческие структуры, чтобы ни от кого не зависеть — ни от коммунистов, ни от демократов, ни от МВД, ни от КГБ.

«Я — ФАШИСТ»

— Репутация черных патриотов вас не пугает?

— Если вы имеете в виду международную организацию «Черный Интернационал», то пугает. Это масоны. Раньше я по неведению был очарован «Черным Интернационалом», но мне помогли разобраться. По сути, это национал-коммунисты. Однако я люблю черное движение, поскольку это движение народа. Только безграмотный человек боится слова «черносотенцы», думая, что это какие-то погромщики. Нет, черная сотня — народное ополчение, возглавляемое воинами, монахами-чернецами. Когда княжья дружина не

справлялась с врагом, то в бой вступала черная сотня и побеждала. Поэтому для меня это самое почетное название. Как и слово «фашист». Я люблю это слово — связка, единство, пучок. Я — фашист, русский фашист, ничего страшного в этом нет. Если хотите, я монархофашист, соединение нации во имя монархии — это прекрасно. Но не нацист, не национал-социалист, это уже сфера коммунистической идеологии.

— Однако согласитесь, слово «фашист» воспринимается нашими людьми однозначно.

— Это журналисты специально дискредитировали слово, чтобы нация никогда не соединилась. Чуть что, сразу националист, шовинист, а почему евреи живут кагалом в мире? Почему они не впускают в свой мир никого, сделав его привилегированным, избранным? Почему им все можно?

— Прямо какой-то больной вопрос. Опять мы о евреях. Может, вы все-таки скажете, что лично вам они сделали плохого?

— Сионисты уничтожают мою Родину, считаю, этого достаточно. Это делалось прежде, продолжается и сегодня.

— То есть вы утверждаете, что во главе России стоят сионисты?

— Конечно. Подчиняя нас Международному валютному фонду и транснациональному капиталу, который на 80 процентов в руках евреев, они хотят поставить великую Россию на колени. Успех у них временный, а падение будет страшнее исхода из Египта.

— Давайте по персоналиям. По-вашему, Ельцин сионист?

— Федор Михайлович Достоевский дал точное определение: самый страшный жид — это жидовствующий русский. Точнее не скажешь.

Кстати, упреждая вопрос, слово «жид» никогда не было ругательным. Это принадлежность к нации.

Я не выступаю против еврейской культуры, всего народа. Я против тех, кто губит Россию. Сюда я причисляю и сволочей русских, которые предали и продали Родину. Они

должны в первую очередь получить по морде. Недаром говорят: бей своих, чтобы чужие боялись.

— По морде — это вы в фигуральном смысле?

— Смотря под какую руку попадет.

— Если под вашу?

— Можно и мечом от головы до задницы, чтобы сразу разделить на белых и красных.

— Приходилось лично руки прикладывать?

— Пусть это и прозвучит нескромно, я считаю себя сильным и умным. Поэтому стараюсь убивать словом и разумом. Вот если попрут с оружием...

— Однако вдруг кто-то из ваших последователей окажется нечувствительным к словам и сразу потянется к мечу?

— Такие люди вылетают от нас пулей, мы их вышибаем ногами. Нам дураки не нужны. Пусть они чешут кулаки где угодно.

— Для вас не секрет, что для многих «Память» — это нечто вроде пугала?

— Это продажная пресса пытается изобразить фронт бог весть в каком виде. Но почему мы должны страдать от их тупоумия? Враки, будто нас сторонятся. Когда мы работали на восстановлении Туровского монастыря, простые люди в ноги кланялись. Одна вельможная дура нас фашистами назвала, так местные жители на нее чуть с кулаками не пошли.

— Ладно, простой люд вас уважает, но почему интеллигенция сторонится? Или ей чужда идея спасения России?

— Русская интеллигенция всегда продавала и предавала. Ей нужны гонорары, имидж, вся эта местная мишура.

Я мог бы назвать имена и фамилии настоящих патриотов, но не стану этого делать. Достаточно одному было публично признаться в принадлежности «Памяти», как его убили. Это Игорь Тальков.

— Полагаете, убили его из-за этого?

— Я не полагаю, а знаю. Убил-то Шляфман. И убил ритуально.

— *То есть?*

— Евреи никогда не убивают своими руками, а этот сделал. За веру Игоря, за правду. Тальков не вписывался в музыкальную банду, у него была гражданская позиция, он пел не о первичных половых признаках и не о сношении на скамейке в саду, а о России — измученной, растерзанной, расстрелянной.

— *Но ведь Тальков в последнем телеинтервью привселюдно отрекся от «Памяти».*

— Ровно за две недели до этого интервью Игорь был здесь, в этой комнате, и мы имели с ним долгую беседу. Сионистская мафия из мира шоу-бизнеса перекрыла Игорю все клапаны. Поэтому я ему сказал: бортани нас публично, если сочтешь это нужным. Я-то ничего не потеряю, был, есть и буду твоим другом. То, что Игорь в интервью сказал, ровным счетом ничего не значит. Значит мое отношение к нему и его ко мне. В борьбе приходится иногда чем-то жертвовать. Мы не об именах своих печемся, а о конечной победе.

— *Будем считать, версию о Талькове услышали. Но ведь и Конгресс патриотических сил вас не больно-то привечал, к микрофону не пускал.*

— Это мы к ним неблагосклонно отнеслись. Надо еще разобраться, что это за конгресс и кто им дал право называться патриотическими силами. Мы хотели сорвать конгресс и добились этого. Мы разоблачили Аксючица, который в свое время был секретарем парторганизации и исключал людей из КПСС, мы вывели на чистую воду этого двурушника, состоящего на службе у западного, возможно, капитала. Оговариваюсь: возможно, ибо его совместные предприятия имеют корни в Панаме, а оттуда ниточки тянутся к Муну. О, мы многое можем наковырять о каждом! У нас достаточно правых сил во всех странах мира, чтобы узнать, как ведут себя так называемые народные избранники за рубежом.

— *Черные флаги на карте в коридоре об этом свидетельствуют?*

— Какая разница, стоят себе и стоят.

— Скажите, по-вашему, кроме «Памяти», есть истинные патриоты в России?

— Откуда я знаю? У них спрашивайте.

— Просто создается впечатление, что все идут не в ногу, а вы в ногу.

— Наверное, так. Попробуйте мне доказать обратное.

— В мои функции не входит доказывать что-либо. Я вас слушаю.

«НА МЕСТЕ ГОЛОВ У НИХ БУДУТ ЗАДНИЦЫ»

— Со Станиславом Говорухиным вы знакомы?

— Ни разу не виделись. Но после того, как журнал «Столица» опубликовал фотоколлаж (голова Говорухина с моим телом) мне захотелось встретиться со Станиславом Сергеевичем. Нас журналисты искусственно соединили, но они не подумали, что от такого союза получают такой удар в ухо, что до конца жизни будут клеить вместо головы задницу, но уже свою. Мы им поможем.

— Грозите?

— Это как получится. Найдутся силы, которые объяснят, какой предмет куда надо ставить.

— У «Памяти» есть боевики?

— На фронте нужны по-боевому настроенные люди. Мы все — боевики. Многое зависит от степени наглости тех, кто поперет на нас. Мы готовы защищаться.

— С оружием?

— В армии всегда существовал принцип: отнимать оружие у противника.

— Ответьте, а что вы с «Апрелем» не поделили?

— Каким апрелем? Может, с маем или июнем? Ах, литературным? Нас там не было. Осташвили никогда не имел отношения к «Памяти». Он самозванец. Позже я понял, откуда он появился — из МГК КПСС. Типичный провокатор, один из примазавшихся.

— Сколько же истинных «памятников»?

— Этот вопрос мне всегда задавали в органах — адреса, явки, пароли.

— *Последнее необязательно, достаточно цифры.*

— Если скажу: сто миллионов, вы не поверите.

— *Я и в 10 не поверю.*

— Давайте придумаем число, которое и вас устроило бы, чтобы не пугать могуществом «Памяти», и нас, чтобы не стыдиться. Истинную цифру все равно не скажу.

— *Что ж так? К чему весь этот туман и загадочность?*

— Мы живем за колючей проволокой в оккупированной зоне, и я не собираюсь раздеваться перед захватчиками, которые нарисуют на моей спине магендоеид и будут в него стрелять...

— *Что-что нарисуют?*

— Магендоеид! Звезда Давида израильская. Не хочу я поэтому раздеваться, раскрываться. Не испытываю я эйфории от всей этой демократии и псевдосвободы. Ложь все! Бантики на колючей проволоке! Лагерная администрация осталась та же и задача прежняя — уничтожить русский народ. Я готов доказать это в суде в присутствии экспертов, докторов наук, профессоров. Тогда мы объявим Нюрнбергский процесс, а не тот фарс, который разыгрывается в Конституционном суде. Мы прищемим хвост мерзости, что пришла нас поработить. Нами уже подготовлена такая волна, что, даже если первые цепи падут, десять встанут. Десять падут — сто встанут! Будет стерт всякий, кто окажется на нашем пути. Мы бьемся за свою Родину и победим.

Я ведь не еду в Израиль учить евреев жить, так и нас не учите. Я не позволю никому здесь командовать. Я дворянин и никого над собой не потерплю! Если суждено умереть во имя победы, я умру.

— *Но вы все-таки надеетесь дожить до светлого часа?*

— Доживу, милый мой, доживу. А если нет — дело продолжат дети и внуки. Они отомстят за меня. Не приведи господь разбудить гнев моих внуков. Если мои ученики поднимутся,

тогда берегитесь. Я воспитал столько, что вам и не приснится. Поэтому дело сегодня уже не во мне. Зерна посеяны.

— *Давайте чуть умерим пафос.*

— Даже медуза, аморфная и слизистая, попадая на берег, проявляет пафос, она дергает своими мышцами. А я не медуза.

— *Именно. Я о пафосе заговорил потому, что вопрос серьезный. На какие средства лично вы живете?*

— Я председатель сельхозкооператива, есть другие возможности зарабатывать деньги. Занимаюсь коммерцией. Добровольные пожертвования на себя не трачу, если вы это имеете в виду.

— *А три авто не многовато будет?*

— Вы сперва посмотрите, в каком они состоянии, а потом спрашивайте.

— *Вы много ездите?*

— Да. Стремлюсь словом пробудить Россию.

— *И тогда — на площади, на штурм?*

— Мы без площадей и митингов сделаем так, что перед нами откроются кремлевские ворота.

— *И что вы предпримете, войдя туда?*

— Это оскверненное место. Кремль надо освящать. Неделями производить молебны, чтобы всю скверну вычистить. И конечно, надо сбросить с башен эти пентаграммы, эти звезды антихриста по всем учебникам кабалистики. А Мавзолей? Капище сатаны с мерзкими отходами. Кладбище от стены надо убирать, там лежат убийцы.

— *А госучреждения в Кремле, резиденция президента?*

— Какого президента? Там будет ставка государя. Как было.

— *Ваш лозунг «Патриоты всего мира, объединяйтесь!» ничего вам не напоминает?*

— Я смотрю не на форму, а на содержание. Если имеете в виду пролетариев, то давайте взглянем: «про» переводится как «для», «летарий» — от слова «летальный». Человек, созданный для смерти, рабства. Смертники, объединяйтесь!

А патриот от слова «родина». Что плохого в призыве к любящим Отечество собраться воедино? Хороший лозунг. Его не понимают только темные люди. Их и цвет нашей одежды шокирует. Ах, у вас эсэсовская форма! Но мы не виноваты, что эсэсовцы взяли форму русской армии.

— Однако признайтесь, вам нравится эпатировать публику.

— Не признаюсь. Если бы так, я провел бы пару акций, и вся публика стала бы заикаться до конца жизни или разом обделалась бы от страха. Но я ведь до этого не довожу.

— А что вы испытывали 19 августа 1991 года?

— Да ничего. Я сидел за штурвалом комбайна, хлеб убирал. А когда все узнал, подумал: скорпионы в банке грызутся. Для меня был очевиден фарс происходящего. Одну фракцию, более жидкую, сменила более твердая. Слово «фракция» я воспринимаю как медицинский термин, синоним слова «анализ». Зажимайте нос и представляйте эти фракции.

Или выражение «команда президента». Когда это на Руси так говорили о правительстве? Если министры — команда, то народ — футбольный мяч, что ли? Серое невежество и безграмотность.

Пусть дерутся между собой, мы дождемся своего часа.

...Я щелкнул кнопкой диктофона. Хватит, хорошего понемножку.

— Вы слишком интеллигентно себя вели, — сказал Дмитрий Дмитриевич, словно о чем-то сожалея, и добавил: — Мне не удалось как следует на вас разозлиться, а то бы я себя показал.

Слово «интеллигентно» прозвучало в устах Васильева почти ругательно, и мне жутко захотелось извиниться, пообещать, что исправлюсь и больше так не буду. Ей-ей, с трудом удержался.

Потом Дмитрий Дмитриевич долго искал фото для газеты. Разговор почему-то зашел о работе над телефильмом

об Илье Глазунове, с которым Васильев одно время был тесно связан. Я сидел и слушал о съемках в Питере, об уникальных кадрах, имеющихся в картине, о разное, устроенном после просмотра в кабинете тогдашнего руководителя ЦТ Лапина. Телебосс называл Васильева главарем молодежных террористических групп, махровым националистом, а Илья Сергеевич — «этот непотопляемый авианосец!» — молчал. Дмитрий Дмитриевич не выдержал и через весь стол Лапина послал Глазунову записку: «Иуда!». Естественно, после этого ни о какой душевности в отношениях двух патриотов России и речи быть не могло.

...Наконец фотографии отобраны, но уйти по-прежнему невозможно. Мне предлагают отведать мороженого: «На улице такая жара!» — «Действительно, жарко. Спасибо. Больше мороженого не надо».

Уже в дверях мне дарят настенный календарь «Памяти», где почти на всех снимках государь император. Тепло прощаемся. Листая в метро календарь, вспоминаю, о чем забыл спросить: интересно, изъяви я желание, записали бы меня в национально-патриотический фронт или хотя бы в его союзники?

ВАСИЛЬЕВ. POST SCRIPTUM

После того как я напечатал, не редактируя, эту беседу, записанную Андреем Ванденко, ко мне в кабинет зашел старинный знакомый — Володя Краченко. Я помнил его как сотрудника спортотдела «МК». А начиная с 1988 года Володя вел в этой газете рубрику «Хроника происшествий». Очень прикольную. Самобытный язык и добродушный нрав экс-боксера Вовы Фельдмана (Краченко он был по жене) генерировали совершенно бесподобное письмо, типа «ну зачем же резать старушку прямо рядом с детской площадкой?». Саша Хинштейн абсолютно официально называет Володю своим учителем. Ведь тот фактически стал в нашей стране

родоначальником весьма востребованного жанра криминальной хроники.

Володя долго вздыхал, прихлебывал остывший чай и то скливо смотрел мимо меня в панораму за окном («Новый Взгляд» располагался тогда в том же здании, что и «МК», но двумя этажами выше). Я никак не мог воткнуть, в чем цимис его визита. Наконец Кравченко спросил, смущенно улыбаясь:

— А ты хорошо этого Васильева знаешь?

— Два раза всего видел, один раз обедали вместе. А что?

И тут Володя меня ошеломил: он эмигрирует в Израиль из-за этого интервью. Ну, типа последняя капля. Я не решился его отговаривать, не желая брать на себя ответственность. Спросил, в курсе ли его главред Гусев. Оказалось, что пока нет. Послал секретаря за водкой. Чисто символически махнули по 50. Как бы на посошок. Запили чаем, закусывать было нечем.

Через две недели люди Васильева ворвались в наше здание и устроили бучу на третьем этаже, в редакции газеты «Московский комсомолец». Организатор наезда на Павла Гусева и его команду по фамилии Детков был привлечен к уголовной ответственности. Главный редактор нанял «личку» и охранников для редакции.

Кравченко таки уехал. Рубрика без него быстро сдулась. Такие дела. Весной 2011 года столкнулся с улыбчивым симпатягой Фельдманом-Кравченко, похожим на олимпийского Мишку, у Тишинского рынка. Вернулся он. Покинув землю обетованную, стал в новой России поэтом. В журналистику не вернулся. А зря.

ГЛАВА 5.

САЖИ УМАЛАТОВА.

БЛОНДИНКА ЗА УГЛОМ

Мы договорились встретиться у входа в столь любимую народным депутатам СССР гостиницу «Москва». Придя к назначенному времени, я Сажи не обнаружил. Покрутившись в вестибюле еще с полчаса, совсем уже было собрался уходить, как узнал в блондинке, заворачивающей за угол здания, Умалатову. Догнал ее только в метро. Сажи уверяла, что пришла вовремя, но сейчас ну никак не может больше задерживаться: неотложные дела государственной важности. О государственной важности сказано не было, это я от себя добавил — уж больно вид у Сажи был серьезный и целеустремленный. Не станет же такая женщина суетиться и спешить из-за каких-то там мелких личных забот? Словом, условились о новой аудиенции. Через день. Все у того же злосчастного входа в «Москву» и в то же время. Помните, как в старинной песенке: «Так, значит, завтра — на том же месте в тот же час?». Как в песне и получилось. Встреча не состоялась. Короче, разговор по телефону у нас получился на повышенных тонах. Я наезжал, отбивался от наездов, чувствуя, как на другом конце провода искрит Сажи.

Выговорившись и сойдясь на том, что в очередной раз друг друга неправильно поняли, решили попытаться вновь. Непреклонная Умалатова, само собой, и теперь выбрала «Москву»...

Получилось. Я приехал загодя, и Сажи не припозднилась. Поздоровавшись, она обронила: «Я еще ни к одному мужчине трижды на свидание не ездила». Рассудив, что сказанное вряд ли можно считать комплиментом в свой адрес, предпочел промолчать, гадая, где же то место, которое кажется Умалатовой наиболее удобным для интервьюирования. Мы поднялись в лифте на третий этаж и устроились в холле под удивленными взглядами дежурных, узнавших мою спутницу. Стоило ли так сюда стремиться? Не считая сделанный выбор единственно верным, я не удержался от вопроса:

— *Вы так старательно оберегаете свой дом от посторонних, что предпочитаете встречаться в гостиницах?*

— Нет, совсем не поэтому. Просто у нас сейчас гости, стоит такой бедлам, что даже здесь спокойнее и тише.

«ИЗ КВАРТИРЫ НЕ УЙДУ!»

— *А я уж грешным делом подумал, что вы забаррикадировались и никого из чужих не пускаете. Вы ведь по-прежнему живете в доме депутатов Верховного Совета СССР?*

— Да, я занимаю служебную жилплощадь в доме на Рублевском шоссе. В доме, который является собственностью всего Советского Союза. Сегодня Россия претендует на все, что принадлежало СССР, поэтому и нам постоянно намекают, что надо выселяться, но до того, чтобы забаррикадироваться в квартирах, еще не дошло. Хотя давление усиливается. Сначала хотели нас выкинуть на улицу зимой 1992 года. Не вышло. Теперь новые сроки называют. Недавно получили повестки с угрозой: если по-хорошему не освободим квартиры, то власти вынуждены будут обратиться в суд. Повестка подписана какой-то администрацией

жилого фонда. Кто стоит за этой администрацией, я наверняка не знаю, но догадаться могу. Речь не идет о том, чтобы воевать с ними за эту квартиру из-за того, что мне некуда идти. Уверяю вас, у меня столько друзей и сторонников, готовых предоставить крышу над головой, что отбоя от предложений нет. Напрасно тешат себя иллюзиями те, кто рассчитывает, отняв у нас квартиры, избавиться от нас самих.

Поэтому вопрос в ином. Надо говорить о законности. И я стану добиваться ее, пока буду дышать. Выехать из этой квартиры для меня означает признать их победу и свое поражение. Я не сдамся! Они совершают сговор, идут против Конституции, против закона, против народа, против страны. Пусть знают Ельцин, его правительство, его Верховный Совет, что союзные депутаты этот беспредел терпеть не станут и квартиры на Рублевском шоссе без боя не отдадут!

— Саж, вы сразу такую высокую ноту задали: сговор, бои и тэ дэ. А может, все прозаичнее: из Москвы уезжать ой как неохота... Да и квартирки, поди, не самые плохонькие, бывал я на Рублевке, знаю.

— У меня три комнаты. Но они не мои. Повторяю, это служебное помещение.

— Однако это не помешало некоторым вашим коллегам приватизировать это самое служебное помещение, выкупить по смехотворным ценам мебель, бытовую технику, ковры, посуду...

— Может быть. Не знаю. Я ничего подобного не делала и делать не собиралась. Это государственное и должно таковым остаться. Прописки, например, в Москве у меня никогда не было, и я не пыталась ее приобрести, зная, что придет время, и я обязана буду уступить квартиру другим.

— И когда же, по-вашему, оно придет, это время?

— Когда восстановится закон. То, что руководители трех республик объявили о похоронах Советского Союза, забыв, что недействующей Конституцию СССР может объявить

только съезд народных депутатов нашей страны, говорит об их юридическом невежестве. Но мы не обязаны подчиняться их злой воле. Советский Союз жив, съезд народных депутатов никто не распускал. Есть итоги референдума, которые однозначно свидетельствуют, что народ за сохранение Советского Союза как единого целого. Да — обновленному Союзу!

Полномочий народных депутатов никто не отменял, избиратели нас не лишали мандатов доверия. Та троица своим беловежским сговором сделала Конституцию СССР вечной, а народных депутатов Советского Союза — пожизненными.

— *Другими словами, мандат народного доверия, как вы выразились, теперь с вами до гробовой доски?*

— Конечно! Пока новые выборы не пройдут, я остаюсь народным избранником.

— *Извините, что я опять о своем, но применительно к квартире получается, что, следуя этой логике, вы теперь имеете право ею пожизненно владеть?*

— Не собираюсь я ею владеть пожизненно, я просто привела факт беззакония.

— *И все-таки...*

— Пока я буду воевать, бороться за справедливость, уступать не намерена. Из квартиры не уйду. Ни за что! Не ради себя. Мне ничего не нужно. Многие удивляются моей позиции, говорят: чего тебе в жизни не хватает? А я отвечаю: мне не хватает справедливости, честности, порядочности.

Да, я могла бы окунуться в семью, у меня хороший муж, замечательная дочка... Вы представляете, сколько я приношу им неудобств и нервных переживаний своим поведением? Они пытаются к этому привыкнуть, но это невозможно. Как и я не могу выйти из борьбы. Это моя жизнь.

— *Муж живет с вами?*

— Недавно приехал. Саид был в длительной командировке в Китае. Ездил по направлению нашего грозненского завода «Красный молот». Он у меня инженер-механик, классный специалист.

Так вот повторяю: я не ради себя стараюсь. Иногда какая-нибудь встречная старушка скажет: вся из себя, чего тебе еще надо? А я ей в ответ: мне ничего не надо, я хочу, чтобы у вас все было. Мне не приносит радость личное благополучие, когда кругом обездоленные, нищие, униженные, обманутые. Ложь ведь продолжается, но не все люди это осознают. Я не хочу жить в стране, которую стремятся превратить в сырьевой придаток или колонию, я этого не позволю, буду бороться, сколько станет сил. Пусть! Уже были попытки кого-то подсылать ко мне, что-то там делать со мной. Пусть хоть убьют, идея моя будет жить!

«МЕНЯ ХОТЕЛИ УБРАТЬ»

— *Против вас предпринималось что-то серьезное?*

— Я не могу посвятить вас во все подробности, боюсь подвести человека, который мне доверился. У него было задание убрать меня. Он этого делать не стал, но сказал: найдется другой, кто сделает.

— *Этот человек вам представился, сказал, кто ему дал задание?*

— Нет, конечно. Я и не расспрашивала. Сначала приняла все это за шутку. А потом он поминутно описал мне мой день, с кем я встречалась, о чем говорила. Это было перед съездом в Воронове, я тогда действительно вела конспиративный образ жизни, но, оказывается, каждый мой шаг контролировался.

— *Вы испугались?*

— Я смеялась. Даже тот мужчина мне сказал: «Вы страшная женщина, но вам надо бы поберечься, слишком уж вы беспечно гуляете. Если кто-то решит сделать плохое, это не составит ему труда». Я все же не удержалась и спросила, кто же его уполномочил следить за мной. Мужчина только усмехнулся: «Они напрямую не выйдут...»

— Но вы что-то предполагаете?

— Зачем вы задаете мне такой провокационный вопрос? Вы же сами знаете ответ. Кто-то в этом заинтересован. Но пока жива, я не сойду с дистанции, стану сражаться за лучшую долю для моего народа.

— Сажу, муж ваш единомышленник?

— Он всегда так говорит: я в политику не вмешиваюсь. Саид был противником того, чтобы и я этим занималась. Иногда он предлагает: давай уедем, начнем работать, все построим заново. Впрочем, Саид понимает, что никуда я от этого уже не уеду.

— Он к вам в Москву приехал погостить или навсегда?

— Мне хотелось бы, чтобы он остался. Семья — это убежище.

Но... Посмотрим. Пока никаких усилий мы не предпринимали. Ведь если оставаться, надо искать работу, а хоть муж и квалифицированный специалист, но прописки-то нет. Заколдованный круг.

— А дочь?

— Сейчас она со мной. В 1992 году закончила школу, пыталась поступить в юридический заочный институт, но срезалась на вступительных экзаменах. Пробовала и в МГУ, но и там неудачно.

— У дочери ваша фамилия? Может, в этом причина провалов на экзаменах, как вы полагаете?

— Не хочу даже думать об этом. Я всегда до последнего стараюсь верить в справедливость и честность. Да, Илона закончила школу с медалью, но за сочинение в институте получила двойку.

Что ж... Ничего страшного.

— А как у вас с учебой? Вы ведь занимаетесь в том институте, куда поступала дочь?

— Уже не занимаюсь. Меня отчислили со второго курса. За пропуски и «хвосты». Я полгода не посещала лекций.

— Восстанавливаться будете?

— Не сейчас, дел других много, не до учебы.

— *Вы где-то работаете?*

— Нет, с ноября 91-го года нигде. Я же была членом Верховного Совета СССР в ту пору, когда Горбачев под диктовку Ельцина занялся развалом Советского Союза, когда он сидел на сессии и трясся от всего как дрожащий лист. Я была этому очевидцем. Я сказала тогда: считаю унижительным для себя быть членом Верховного Совета страны, которой правит Горбачев. Я вышла из парламента, но депутатских полномочий, конечно, не сложила.

— *Столько времени вы без работы...*

— Муж от меня пока еще не отказался, кормит. Ругается иногда, но терпит. Да, я иждивенка. Безусловно, я могла бы получать какие-то деньги, будучи Председателем Президиума Съезда народных депутатов Советского Союза, но это ведь народные рубли, у меня рука не поднимается их взять. Из принципиальных соображений. Я их не беру. Мне предлагали много мест, в том числе и в иностранных фирмах, готовы были платить только за то, чтобы я числилась, но я отказывалась. Не хочу связывать себе руки. Для того чтобы действовать, человек должен быть свободен.

— *Значит, председателем президиума съезда вы являетесь на общественных началах?*

— Так проще. У нас и денег-то совсем мало. Раньше у нас была штаб-квартира, мы снимали здесь, в гостинице, номер, потом заломили такие цены, что... Но даже и за бешеные деньги нас сюда не хотели поселять, потребовалось вмешательство российских депутатов — Саенко, Бабурина, Павлова, Исакова. Арендовали офис. Сейчас мы временно без помещения, но, думаю, все наладится.

— *Сколько народных депутатов Союза объединяете вы?*

— 438 депутатов присутствовало на VI съезде в Воронове. Это, кстати, удивительная для меня цифра! Когда я вносила на IV съезде предложение об отставке Горбачева, за него проголосовало 426 человек.

Теперь повторилось почти то же число. Но сторонников наших из числа народных избранников наверняка больше.

Когда мы затевали проведение чрезвычайного съезда, звонками, телеграммами подтвердили свое намерение участвовать в работе форума 1470 депутатов. Мы вели регистрацию. Причем делали это совершенно посторонние люди, не заинтересованные в фальсификации или подтасовке.

Да, многие депутаты хотели приехать, но потом началась страшный прессинг. Наши противники увидели, что отступать я не собираюсь, съезд проведу, и решили сорвать его изнутри. Телефон мой прослушивался, фамилии тех, кто намеревался ехать на съезд, были известны, и на людей стали давить. Хасбулатов провел даже специальное заседание Президиума Верховного Совета России. Перепугались господа. И угрозы депутатам пошли прямые, говорили, что работы лишат, предлагали о семье позаботиться. Некоторые депутаты дрогнули, но я их за это не осуждаю. Разные люди есть, нельзя от всех требовать мужества и самопожертвования. Но связь мы не теряем, все решения, которые принимаем на президиуме, доводим до сведения депутатов, хоть это и очень дорого, но рассылаем материалы, документы. Союзников у нас становится все больше и больше, их число будет расти и дальше. По-другому и быть не может.

«ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА НАМИ!»

— *Вы пытаетесь второй раз войти в ту же воду?*

— Нет, прошлого не вернуть. Но мы войдем в новую реку. Обязательно! У меня нет ни малейшего сомнения в том, что последнее слово нами еще не сказано... На днях я встретила на улице женщину, она стала кричать, что ждет не дождется, когда надо мной будет трибунал. Не дождется! Последнее слово будет за нами не в суде, а если и в суде, то это станут слова не обвиняемых, а обвинителей. О, нам есть что сказать!

— *Резкие выпады против себя вы часто ощущаете?*

— Редко, крайне редко. Ко мне всю жизнь очень хорошо все относились.

— *Саж, вы ведь депутат с большим стажем?*

— Да, меня в пятый раз избирают. Когда мне было 18 лет, меня выдвинули в районный Совет, потом дважды выбирали в Верховный Совет Чечено-Ингушетии, я была членом президиума парламента нашей республики. Два раза меня выбирали в Верховный Совет СССР. Лет девятнадцать, наверное, уже депутатствую.

— *Это стало вашей второй профессией?*

— Нет. С основной работы я ушла только в мае 89-го. До того я была бригадиром комплексной бригады, у меня в подчинении было пятьдесят мужчин. Я обыкновенная электросварщица, 25 лет протрудилась на одном заводе, мне исполнилось всего 16 лет, когда я пришла туда.

— *И быстренько угодили в депутаты — комсомолка, активистка, красавица. Может, еще и спортсменка?*

— Напрасно иронизируете. Молодые и красивые тоже, наверное, надоедают. Один раз можно выбрать за то, что молодая, другой раз — за красоту. Но я ведь по пятому кругу пошла... Мне просто повезло, что я работала с прекрасными людьми, которые оказывали мне свое доверие. У меня в жизни ни с кем конфликтов, расхождений не было. Я всегда старалась объединить, сделать другим хорошее. Может, и нескромно об этом говорить, но, когда, например, мне как бригадиру выделялась какая-то премия, я отдавала ее бригаде. 40 рублей, 50... Тогда это деньги были. Начальник ругался: зачем ты свое отдаешь? А я иначе не могла. В этом месяце одним помогу, в следующем — другим. У меня даже отпетые бездельники начинали хорошо трудиться.

— *Извините, Саж, но, может, за эту вашу покладистость, умение ладить с людьми вас и выбирали в депутаты? Руководство вы устраивали: товарищ проверенный, фортель не выкинет. В последний раз вас ведь вообще выбрали депутатом от КПСС. В эту сотню избранных, как я*

понимаю, случайные люди не могли попасть. Тем удивительнее ваше антигорбачевское заявление на IV съезде. До того ведь, кажется, вы себя революционными речами не проявили?

— Я самостоятельный человек, во мне долго зрело решение, наконец я отважилась громко сказать свое мнение с трибуны.

Потом распускали слухи, что меня кто-то науськивал, подбивал выступить против Горбачева. Ничего подобного. Те, кто меня знает, подтвердят: нельзя заставить меня сделать что-то против моей воли. Я всегда говорю то, что думаю. В Горбачеве я разобралась давно. Не стану уверять, что я ясновидящая или предсказательница, но чего стоит этот человек, я поняла быстро. Мы еще с мужем спорили, Саиду очень нравился Горбачев. Но меня не проймешь демагогией, я сразу почувствовала неладное, когда увидела, что Горбачев в своих речах не говорит о дисциплине, порядке. Эге, думаю, тут дела не будет! Так и оказалось. В нем с самого начала была заложена разрушительная сила, уже в конце 85-го года я говорила, что такой курс приведет к развалу.

— *Лично вы с Михаилом Сергеевичем встречались?*

— Ни разу.

— *Даже став депутатом от КПСС, вы не проходили собеседований, консультаций у генсека?*

— Что вы! Нас только на пленумы ЦК приглашали.

— *А с Ельциным вы знакомы?*

— К нему я никогда никаких симпатий не испытывала. Даже внешний вид его меня раздражал. Эти страшные диктаторские замашки, этот человек стремился к единовластию. Ему надо всех разместить, уничтожить, чтобы воцариться самому.

Я это на расстоянии чувствовала. Когда, случалось, он шел мне навстречу, я старалась свернуть куда-нибудь, чтобы не сталкиваться. Хотя, подходя ко мне, Ельцин подавал руку, здоровался, я отвечала, но мне это было неприятно.

Бывает такая антипатия, которую и словами трудно передать.

— Саж, что вы думаете по поводу чеченской мафии, вокруг которой столько разговоров?

— Преступность не имеет национальности. Можно говорить о чеченской, русской, узбекской мафии, но уголовники не признают родства крови, для них нет ничего святого.

— Но вам соплеменники не предлагали здесь, в Москве, свои услуги — наблюдение, охрану и т.д.?

— Как правило, эти люди на меня не выходят. Однажды была какая-то попытка приставить ко мне телохранителей, это как раз после съезда в Воронове, когда сыпались угрозы, но я от охраны отказалась быстро. Я хочу чувствовать себя свободной. Я не нуждаюсь ни в чьих деньгах, ни в чьей помощи.

— Вы союзница Дудаева?

— Когда хотели ввести чрезвычайное положение в Чечне, я не Дудаева защитила, а свой народ, тех мальчиков, которых намеревались бросить в кровавую мясорубку для удовлетворения амбиций Хасбулатова, Руцкого, Ельцина. Я знала, что может быть страшная кровь, море горькой крови. Я отдавала себе отчет, что Дудаев и его власть не принесут счастья республике и ее народу, но и допустить насильственного свержения Дудаева я не могла. Как я могу быть за Дудаева или против? Они же все, словно бройлеры из инкубатора, наши правители. Похожи друг на дружку и заняты одним — развалом нашей великой страны.

Дудаев — зависимый человек, стоящие за его спиной диктуют ему линию поведения. Это беда Джохара. Я не нахожу ему оправдания.

— Саж, давайте подбросим пицци вашим недругам. Скажите, за два с половиной года последнего депутатства вы много раз ездили за границу?

— По линии Верховного Совета ни разу. Таких, как я, не пускали.

Единственный раз вместе с представителями группы «Союз» я ездила в Ирак, чтобы собственными глазами убедиться, что там происходит.

«НАМИ РУКОВОДИЛИ ПРЕДАТЕЛИ»

— *Вы ездили поддержать Саддама Хусейна?*

— Я просто знала, что в газетах пишут и по телевидению показывают ложь. Нас долго не хотели пускать, точнее, выпустать из Союза. И все же мы прорвались. Это было в марте 91-го, уже после войны. Я увидела, что американцы бомбили мирные объекты. Первое, что они сделали, это с лица земли стерли поселок, где работали советские специалисты. Наши друзья американцы, так желающие нам добра! В Багдаде разрушили красивейшие памятники архитектуры, которые, конечно, не могли иметь никакого военного значения. Цель была другая — унижить, оскорбить народ. Американцы разбомбили комбинат детского питания, крупнейший в Ираке. Это чтобы возмутились матери, когда их дети будут умирать от голода, чтобы женщины прокляли Саддама. Но этого не случилось, иракский народ оказался крепким орешком. Вернувшись в Союз, я рассказала обо всем увиденном. Поэтому, конечно, меня больше никуда не пускали. Я бы везде говорила правду, не поливала Родину помоями, не зарабатывала бы доллары у наших врагов...

Еще раз в Ираке я побывала осенью 92-го. Ужасно, когда наверху находятся трусы и предатели. Переводчик Саддама Хусейна во время первой поездки сказал нам: «Мы никогда не забудем, как после начала американской бомбардировки Багдада Горбачев позвонил Саддаму и дрожащим голосом умолял не наносить ответного удара. Саддам не стал слушать, бросил трубку». Стыдно за таких руководителей, как наши. Запад умело вычленил слабое звено, сделал ставку на людей типа Горбачева, Ельцина, Бурбулиса, доверив им развал СССР. Но пусть они за рубежом не радуются.

Государство — это надстройка, существует союз народов. Мы все равно будем вместе.

— *Вы коммунист?*

— Да, я не вышла из членов партии, не бросила партийный билет, когда это стало выгодно. У меня жизненный принцип: предавший единожды предаст вновь. Поэтому я никогда не стану предателем из-за личных выгод. Для меня сегодня очевидно, что наши руководители не были коммунистами, они были предателями. Не уподобляться же мне им, в самом деле?

— *Какие чувства вы испытываете к гэкачепистам?*

— Хорошие. Они желали блага стране, но их подвела нерешительность. О планах ГКЧП наверняка знал Горбачев, не было никакого заточения в Форосе, он в своей обычной манере хотел пересидеть трудный момент. Не исключаю, все знал и Ельцин и блестяще разыграл свою козырную карту. Впрочем, и Горбачев не остался внакладе. Сегодня он разъезжает по всему миру, собирает дань за проделанную работу.

— *Сажи, вчера вы отмечали день рождения. Много было гостей?*

— Я специально никого не зову, приходят только близкие люди. Был случайно оказавшийся в Москве заместитель генерального директора моего завода из Грозного. Как видите, старые товарищи от меня не отворачиваются. А вообще я не люблю день рождения и Новый год.

— *Почему?*

— Становишься старше, что-то уходит из жизни, а так хочется остаться молодой!

— *Какие же праздники вы любите?*

— Первое мая. Я человек труда, потому в этом нет ничего странного. Еще любила 7 ноября.

— *А как вы отдыхаете?*

— Сложный вопрос. Я с 89-го года не была в отпуске. Сколько раз порывалась уехать куда-нибудь, но обязательно находятся неотложные дела. До отдыха ли сегодня?

— Поликлиника 4-го управления, или как оно сейчас называется, вас обслуживает?

— Меня давно открепили. Заболела тут недавно, позвонила врачу, которая меня раньше наблюдала, та говорит: приходите, конечно, посмотрю. А охранник у входа в поликлинику не пустил... Пришлось заниматься самолечением, ничего, жива-здорова, хотя еще покашливаю...

— Вы пользуетесь депутатским удостоверением? По нему в Кремль ходите?

— Если уж в поликлинику не дали больному человеку зайти, то в Кремль и подавно с таким мандатом не пустят. Нам с января 92-го даже на Калинина, 27, где раньше работали комитеты и комиссии Верховного Совета, ходу нет. Они считают этот мандат недействительным, а я другого мнения. Все еще вернется на круги своя.

— Вы помните, когда впервые в Кремль попали?

— Это было на XXVI съезде КПСС, делегатом которого я была. Врезалось в память, какие дифирамбы пел Горбачев «дорогому Леониду Ильичу».

— Тогда делегатам что-то дарили?

— Дипломат, мыло, какие-то духи и набор ручек. Дипломат я отдала золовке, он такой был аккуратный, бордовый, сестра мужа с ним пять лет в институте проучилась.

— А депутатские наборы практиковались?

— По-моему, все ограничивалось папками, ручками, блокнотами, мелочовкой всякой.

— Вопрос с пропиской мы с вами уже обсуждали. Осталось выяснить с гражданством. Чечня, кажется, вводит свое. Примете?

— А почему я должна его брать? Я гражданин Советского Союза.

— Но если Дудаев поставит условие?

— Пусть он себе условия ставит! Что, он мне давал жизнь, чтобы сейчас диктовать? Пусть в своей семье командует. Это и к Ельцину относится, и ко всем остальным. Только народ может ставить условия.

— А вдруг получится как с удостоверением народного депутата СССР и паспорт Советского Союза будет иметь примерно такие же полномочия, как проездной билет за прошлый месяц?

— Ну и пусть! Свою краснокожую паспортину на дудаевскую или ельцинскую бумажку не обменяю никогда. У меня свои принципы в этой жизни. Если бы все было сделано на законных основаниях, против народа я не пошла бы. А против этой банды иду и буду идти. Они государственные преступники и ответят за содеянное.

За себя не опасаясь ни грамма, я уже вам говорила. У меня телефон с ушами, за мной, наверное, следят, что ж, они показывают свою слабость. Я не собираюсь из себя героиню строить. Это только Ельцин у нас все рассказывал, как на него покушались. Покушались, покушались, а добить не смогли. Смех!

Мне не нужно набирать политические очки, я за славой главного патриота не гонюсь. Меня дело беспокоит, я всецело занята подготовкой второго этапа чрезвычайного съезда.

— И тогда вы сложите свои полномочия председателя президиума и передадите их — кому?

— Слагать с себя я ничего не собираюсь. Состоится съезд, и там мы определимся, что дальше делать. Это будет уже не съезд ради съезда, как в Воронове, когда нам важен был политический акт. На этот раз мы изберем правительство, главу государства. Все будет по закону.

...Закончив разговор, мы спустились в вестибюль, где нас уже ожидал Саид Умалатов. Оказывается, Сажу и ему назначила здесь встречу. Господи, что же за место-то такое? От Саида я и узнал, что названа новая дата выселения с Рублевского шоссе. От новости Сажу посуровела, но проговорила: «Пусть попробуют сунуться!» Действительно, в день, когда истек срок ультиматума, у Умалатовой отключили телефон. Пришлось Сажу

обращаться за поддержкой к сочувствующим ей народным депутатам России. Телефон включили. Пока. Борьба за справедливость продолжается.

УМАЛАТОВА. POST SCRIPTUM

Во время событий осени 1993 года Умалатова выступила на стороне своего земляка Руслана Хасбулатова. После поражения сторонников Верховного Совета России на некоторое время примкнула к радикальным движениям левого толка: была одним из лидеров Фронта национального спасения, возглавляла Союз народного сопротивления. Выступает за «единую, неделимую, могучую Россию с сильной армией». В 1995 году создала блок «Наше будущее», который ЦИК не включил в избирательные бюллетени, обосновав свое решение «недействительностью подписей». На следующий год возглавила политическую партию «Мир и Единство». В 1999-м, 2003 годах Партия участвовала в выборах в Государственную думу. В 2001 году поддержала политику Путина, создав Общероссийское общественное движение в поддержку политики Президента Российской Федерации.

В октябре 2007 года ЦИК не включил партию в избирательные бюллетени, обосновав свое решение тем, что из 200-тысяч подписей граждан в поддержку партии 98 подписей недействительны.

В мае 2011 года вернулась на федеральные ТВ-каналы. Но ненадолго: лишь снялась в программе «НТВшники», посвященной Горбачеву.

Ведет дневник, в котором резко раздаёт оппонентам направо и налево. При этом ее ЖЖ в отличие, допустим, от блога Анатолия Чубайса не модерировается, то есть каждый волен оставить там комментарий. И оставляют. Порой употребляя ненормативную лексику. Будучи, по сути, политическим лузером, Сажи Зайндиновна тем не менее легко употребляет термин «сбитый летчик» в отношении

идеологических неприятелей. Вот типичная запись из ее дневника (середина 2011 года):

«Если взять Ахеджакову, Басилашвили, Рязанова, добавить к ним Алексееву, Войновича, Сатарова и им подобных, то получится адская смесь из человеконенавистничества, предательства и эпистолярного иезуитства. Стареющие сбитые летчики из так называемой творческо-политической богемы любят писать и подписывать высокоидейные письма государственного масштаба. Часто, правда, глупые и противоречащие друг другу — как говорится, куда ветер дует. Главное — поймать момент — а тут тебе и потерянное внимание, и признание, и даже какое-то понимание. Пусть маргинальное.

Когда-то они писали (или «ими» писали) в поддержку Горбачева, потом отрекались от него, затем они облизывали Ельцина, чтобы вскоре полить его грязью. И так далее... Сегодня эти «общественники» выдали своему обществу очередное гневное послание, в котором яростно сетуют на «ухудшающуюся ситуацию в сфере выборов», «вакуум и паралич власти», «имитацию политического процесса» и т.д. Сетуют и наслаждаются собой, объясняя прессе, какие они умницы».

Про агентов влияния она писала в своем ЖЖ и в начале 2011 года:

«Никогда не доверяла медийным «говорящим головам». Особенно тем, что мелькают во всех программах подряд, скачут с одного ток-шоу на другое и то и дело учат нас, как правильно смотреть на вещи. В этой среде наиболее ярким персонажем является некий писатель Веллер. Кто это и почему его так много? Не берусь судить о литературных талантах Веллера — проза его по большей части ординарна и скучна, как писатель он невыразителен, простоват и даже пошловат. Как говорится, «не Тургенев». Он неинтересен. Но отчего он так обласкан телерадиопространством, которое его позиционирует то современным русским мыслителем, то ярким историком, то чуть ли не «мозгом

нации»? Ответ, на мой взгляд, прост — именно такие веллеры сегодня как никогда востребованы. Они нужны для оболванивания общества, для насаждения в нем наиболее деструктивных «ценностей». Таких принято называть агентами влияния. Арбатова, Ерофеев, Журбин и пр. Веллер — ярчайший представитель этого гнилого сословия. И он популярен, как никто иной.

Абсолютно беспринципный и бесхребетный «глашатай истины» кочует с канала на канал, выставя себя таким же абсолютным экспертом непременно во всех областях».

Поскольку лично я всегда был тотально деполитизирован — даже в комсомол отказался вступать в свое время, чем лишил себя возможности поступить в МГУ, — то не возьмусь оценивать политические тезисы Умалатовой. Что касается ее записей: для меня всегда в словосложении важно было КАК, а не ЧТО.

ГЛАВА 6.

ИНТЕРВЬЮ С НИКОЛАЕМ РЫЖКОВЫМ

— *Есть такое понятие — эквивинальность. То есть, как бы мы ни шли, какие бы правительства и программы ни были, какие бы конкретные политические и экономические шаги ни предпринимали вы, Павлов, Силаев, Гайдар или любой другой — все равно пришли примерно к такому состоянию дел. Это как в анекдоте: больного лечат разные врачи, разными лекарствами, а ему все хуже. Наконец говорят: ну, тогда остается только Богу молиться. А родственники отвечают: пробовали — хуже! Так вот, Николай Иванович, как вам кажется — не в такой ли мы ситуации, когда процесс распада объективен и его, по большому-то счету, никому не остановить?*

— Если бы я не знал, что при жесткой командно-распределительной системе мы втягиваемся в стагнацию, а затем — в кризис, если бы я не знал, что в 82-м году рост доходов населения был равен нулю... Если бы не знал всего этого, то я и не включился бы в работу по перестройке (тогда еще такого термина не употребляли), не вошел бы в 82–83-м году в узкую команду, которую тогда создал покойный Андропов...

— *Кто входил в эту команду?*

— В ноябре 82-го года меня — совершенно неожиданно — избрали секретарем ЦК и Андропов ввел меня в команду, готовившую реформы. Туда входили и Горбачев, Долгих...

Об этой работе по подготовке реформ я не жалею. Ситуация была тяжелой, кризис зрел. Мы стали разбираться с экономикой, а с этого началась перестройка в 85-м году, где практически были использованы итоги того, что сделали в 83–84-х годах. Не пошли бы на это — было бы еще хуже.

Но с вашим фаталистическим взглядом я вообще не согласен. Нет, от политики многое зависит. Не все, но многое. Если бы я считал иначе, то не взялся бы за это дело. Конечно, в 90-м году наше представление об экономике по сравнению с 85-м и даже с 87-м годом — это день и ночь! Наше мышление очень продвинулось. Когда в 88-м году впервые я ввел в нашу экономику понятие конкуренции, монополизма... да и, кстати, фермерства... на меня вот такими глазами смотрели.

Мы держались до 89-го года. В 89-м году рост экономики был уже очень небольшой — 1,5 процента. В 90-м году прошли через нулевую отметку, начался спад, пошел настоящий раздрай в экономике.

— Так вот, все-таки, Николай Иванович, может быть, это падение было объективно, ни от чего не зависело? Или иначе: ну, вот остались бы вы у власти, стали бы, скажем, Президентом России. Вы думаете, что не было бы в принципе того же, что мы имеем сегодня? Вы всерьез верите, что смогли бы задержать падение маятника?

— Конечно, переход от плановой к рыночной системе болезненно пройти не мог. В этом смысле трудность переходного периода неизбежна при любом руководстве. Вы помните, что со мной делали в мае 90-го года, когда я выдвинул комплекс мер по переходу к рынку, в числе которых было и реформирование цен. Тогда Бунич крылатую фразу сказал о нас — «Шок без терапии». Да... С тех пор менялись премьеры, много было «шоков», а до «терапии» так и не добрались...

Так что приближение кризиса было неизбежно. Но какого? Программа Рыжкова–Абалкина (так ее называли) была умеренно радикальная. Я и сейчас считаю: этот путь, который мы не прошли, был оптимальным, а Абалкин был и остается

крупнейшим экономистом. Мы не могли рисковать, не могли пойти на шоковую терапию из-за неподготовленности рыночной инфраструктуры, материальной и психологической неподготовленности людей. И если бы страна пошла этим путем — трудности тоже были бы. Но не было бы так, как сейчас. Была бы существенная разница — в этом я убежден, поэтому и согласился выставить свою кандидатуру на пост Президента России. Я понимал, что может опять выплыть программа типа «500 дней», другие шоковые варианты и все это ударит по людям. Только поэтому и пошел. Что мне, власть была нужна? Я от той-то власти не отошел. Да и четыре месяца после инфаркта! Но я стоял на митингах по восемь часов, хотя понимал, что рисковал. Зачем? Для того чтобы предупредить такое развитие событий, такую шоковую терапию, к которой мы пришли сегодня. Я проиграл выборы, но никогда не смогу упрекнуть себя в том, что мог, но не сделал...

— *Вы ушли 25 декабря 1990 года. Горбачев ушел 25 декабря 1991 года. Кому больше повезло — вам или ему?*

— Никому. Я бы не хотел быть на капитанском мостике при спуске флага...

— *Но баллотироваться на пост Президента России...*

— Я вам уже сказал о причине. Считал и считаю, что это был мой долг. Тяжелый долг — противостоять шоковой терапии и развалу государства. Но быть Президентом СССР, когда государство рассыпалось... Нет, этого я бы не хотел!

— *Считаете ли вы, что Горбачев виноват в гибели Советского Союза?*

— Президент всегда отвечает за то, что происходит в государстве, — иначе какой же он президент, зачем он избирался?

— *Он один виноват? Другие члены руководства, вы сами не несете ответственности?*

— Конечно, не он один. Что касается меня... Я эту опасность предчувствовал давно. Все время говорил: самое страшное, что зреет, — это развал государства. Сейчас есть возможность перечитать свои выступления 90-го года...

Говорил, все время говорил. Но дело, конечно, не в отдельных выступлениях. Кто действительно виноват, субъективно и объективно? Один человек, группа лиц, общая тенденция? По-видимому, этот процесс зрел. Конечно, сохранить Союз в прежнем виде было невозможно. Но вот где мы прошли ту точку, развилку, разделяющую новое, более демократичное, но все-таки единое государство и развал страны? Я думаю, что это произошло тогда, когда суверенитет нынешних государств (а тогда республик) принял уродливые, нецивилизованные формы. Уже тогда было ясно, что это приведет к хаосу. А центр не смог этому противостоять. Президент тоже не смог...

— *Вы имеете в виду Прибалтику?*

— Нет. Прибалтика — это вообще отрезанный ломоть, в любом случае. Я в последнее время понимал, что рано или поздно это произойдет. Надо было только цивилизованным образом оформить «развод», не так, как все это делалось. И особенно позаботиться о судьбе русских и других «некоренных» национальностей. Я говорю о других республиках. Когда они стали принимать декларации о суверенитете, о верховенстве республиканских законов, когда пошла война законов — вот это и был конец государства. Начало конца. Все остальное следовало из этого.

— *То есть вы говорите о декларации России о суверенитете?*

— Да. Дал толчок российский суверенитет. Я не против суверенитета, тем более российского. Россия, конечно, была ущемлена, тащила на плечах весь Союз. Она должна была стать полнокровной республикой — как та же Украина, Белоруссия. Но нельзя же было перекосить лодку в другую сторону, губить государство! Здесь надо было остановиться — немедленно.

— *Ну а конкретно — как же определить баланс?*

— Я вам отвечу словами Тэтчер, которая в то время была в нашей стране. Она меня спрашивает: г-н Рыжков, у вас тут принята декларация России о верховенстве ее законов над

законами СССР. Как это понять? Я ей отвечаю: да я и сам не понимаю. Она продолжает: ну, нельзя же так! Вот у нас есть законы — они обязательны для всех. Есть законы графства — они в пределах компетенции графства. У нас тоже так было. Но законы не пересекались, как границы государств. А когда начали смешивать компетенцию — наступил хаос. Пошла война законов. Это означало утрату доверия к СССР, к закону, власть стала какой-то... условной, воздушной.

Затем (я уже был в больнице) — война финансов, война банков. Государство СССР стало размываться. Тут нужна была абсолютная твердость. Это нужно было остановить тогда же, пока еще было не поздно, но этого не сделали.

— *Николай Иванович, но что реально-то должен был сделать Горбачев?*

— Первое — силой, танками тут не решишь. Это однозначно. Нужна система политических переговоров.

— *Так этим же Горбачев и занимался в Ново-Огареве — ничего не вышло.*

— То-то и беда. Но те, кто тогда расшатывал и его не поддерживал, — они-то понимали, что делают?! Они же резали сук, на котором сами сидят. Ведь под Россией заложена такая же мина...

— *Да, теперь это многие понимают. Знаете, год назад журналистам в демократической прессе надо было как бы обязательно нападать на центр, на Союз, поддерживать сепаратистов. Сейчас так мало кто говорит: опомнились.*

— Да, потому что увидели...

— *Увидели. Но что дальше-то делать сегодня, практически? Возьмите Чечню. Ведь когда они захотели отделиться, а Руцкой потребовал ввести чрезвычайное положение, все были в ужасе — это же война на территории России! Югославский вариант. Но что же реально можно сделать, как удержать?*

— Я не знаю, кто на чем настаивал, но Указ подписан Президентом России. На примере Нагорного Карабаха уже видно, что такое силовые приемы. Это — тупик. И тупик,

наполненный кровью, трупами. У меня все-таки надежда на инстинкт самосохранения. Он у людей есть. У лидеров тоже должен быть. Они должны понимать, что абсолютного суверенитета в мире не существует. И поэтому трезвым политикам надо идти сознательно на самоограничения. Исходя из этого — надо остановиться! Это как в армии: зашли слишком далеко, и командир говорит — стоп!

— *Вы привели очень удачный пример. Командир говорит потому, что его слушают. Но ведь в этой стране, в бывшем СССР, — какие приказы? Кто слушал Горбачева?*

— Последний год никто не слушал. Он ничего не мог сделать. Знаете, такое чувство — дергаешь рычаг, а он у тебя в руках остается. Бессилие власти.

— *А сейчас и Ельцин в таком положении...*

— Тогда, по-вашему, что же: чтобы спастись, демократия должна в диктатуру перерасти, так, что ли? Как после революции?

— *Не знаю. И, по-моему, никто не знает...*

— Но все-таки я не верю, что эти ростки демократии затолчут ради «порядка». Нет, я надеюсь на разум, на то, что удастся остановиться, не губя демократию. Большинство людей не хочет ни хаоса, ни диктатуры. И это должно рано или поздно определить поведение политиков.

— *Вы говорите, что для спасения государства надо обратиться к разуму. Но что считать «разумом»? Вот как вы расцениваете попытку ГКЧП?*

— Прежде всего, я хорошо знаю почти всех этих людей. Ну, Янаева я знал мало. Но других знаю. Кроме одного-двух, я не могу подозревать, как это пишут в прессе, что они действовали в корыстных целях, в личных расчетах. Возьмем «снизу». Стародубцев. Я его хорошо знаю. Он очень сильно болел за крестьян. Да, он, исходя из своего опыта, стоял за колхозный строй. Но, кстати, в последнее время пересмотрел свою позицию и не был так ортодоксален — только колхозы! Он говорил: пусть колхозы, пусть совхозы, пусть фермеры, пусть акционеры — только не насилуйте вы нас, Христа ради, со

своими новыми теориями! Дайте нам, крестьянам, самим решать. И он, я думаю, не имел никаких карьеристских целей.

Тизяков. Я его знал еще главным инженером завода на Урале. Его тревожил разлад хозяйственных связей предприятий, наступление экономического хаоса.

Маршал Язов. Я с ним Армении прохлебал как следует. Кстати, в отличие от других бывших министров обороны, он как раз более демократичный. Его изображали таким Скалозубом, солдафоном, а ведь это неправда. Он образованный человек, любит поэзию, Пушкина. Но какая там карьера? Что он — генералиссимусом хотел стать? Диктатором военным? Может, у пары человек и было что-то... Но в целом эти люди видели, что происходит в стране. Бессилие власти ощущали каждый день. Бессилие государства. Развал государства. Другое дело — их действия. Этого я оправдать не могу. Зачем они эту глупость сделали? Зачем таким путем пошли? Что на самом деле происходило? Что это за «заклучение президента» в Форосе?

— *Николай Иванович, а как вы рассматриваете знаменитую фразу Горбачева: «Всего я вам никогда не скажу!»?*

— Буквально, как он и сказал. Не скажет. Мне он, как вы понимаете, тоже не скажет.

— *Ну, хорошо, с президентом ясно, что не ясно... А остальное?*

— Зачем они ввели войска? Зачем Язов на это пошел? Даже если на него давили. Он же нормальный человек. Он должен был сказать: я на это не пойду! Неужто не хватило марта 91-го года, когда народных депутатов России проводили через коридоры из солдат? Я уверен, хотя, конечно, доказать не могу: тогда, в марте, это была чистейшая провокация. Провокация тех людей, которые хотели ударить по центральному руководству страны, дискредитировать его, и Горбачева тоже.

— *Так ведь Горбачев же и отдал приказ войска вывести на улицу?*

— Да, думаю, что без Горбачева на это бы не решились. Но ведь на то и провокация: дать ложную информацию,

запугать, толкнуть на нелепые действия и подставить! Вот как это делается. Это, кстати, нагнеталось давно. Вспомним февраль 90-го года. Совету Министров поручалось рассматривать предложения о проведении митингов в пределах Садового кольца. Был такой указ. Мне тоже давали паническую информацию в связи с одним митингом — чуть ли не штурмом собираются Кремль брать! Запугивали. Но я тогда сказал: вы что, хотите, чтобы я потребовал танками Кремль окружить, так, что ли? Этого не будет. Хотят Манежную площадь? Пусть идут на площадь. И если бы действительно пошел народ, так что — железо уберегло бы?

— Смешно.

— Не смешно. Это провокация власти.

— Но откуда же шла такая информация?

— Как откуда? По каналам КГБ, МВД. Они фильтруют информацию.

— Что же получается? КГБ — ну, скажем, второй главк, управление охраны, Московское управление и т.д. — они, что ли, организуют провокацию на пользу своих политических противников?

— Тут игра всегда тонкая и темная. Возможно, что КГБ просто заглотил наживку. Может быть, противники сумели их обмануть, создать у них такое впечатление, их самих спровоцировать, — а дальше уже пошел снежный ком. Нет-нет, я не верю, что тут сработал КГБ против КГБ. Скорее КГБ заглотил чужой крючок, а дальше, выше заглотили тот же крючок из рук КГБ. Я так думаю. А надо уметь этот мяч отыгрывать, возвращать в те же ворота. Например, тот же вопрос — порядок в пределах Садового кольца. Намечается митинг. Приходит Бакатин (он тогда был министром МВД). Что делать? Запрещать? Ставить кордоны? Нет — разрешить. Но мы записали такой пункт: разрешить, но возложить ответственность за обеспечение порядка и безопасности на руководство города Москвы.

— Но как же Горбачев мог допустить такой «ляп»? И вообще, что вы можете сказать о Горбачеве?

— «Всего я вам никогда не скажу!» (Смеется.) Ну а серьезно, много можно сказать. В плане личных отношений — они складывались непросто. Вскоре после того, как я только встал после инфаркта, он мне позвонил — как здоровье и все такое... А потом — он, помните, в марте 91-го поехал в Минск и там произнес фразу, которая меня резанула, прямо скажу. Он сказал буквально: «Что касается его (Рыжкова) дальнейшей судьбы — это его суверенное право». Вывод недвусмысленный — фактически отношения прекращаются. И я об этом из газеты узнал... Это было неприятно, лучше бы он промолчал. А вообще — он очень сложный. Бывает сентиментальным, мягким. Бывает холодным, твердым. Интеллектуально он, конечно, всегда выделялся — и в Политбюро, и на съездах. Но с 88–89-го года стал повторяться. Где-то утратил контроль над ситуацией. Потом, у него все меньше становилось оппонентов — а это, как известно, вредно.

И странно, он ушел в отставку ровно через год после меня. Судьба!

— *Интересно, не станет ли этот день роковым для Ельцина?*

— Во всяком случае, я верю твердо в одно. Никакой день не станет роковым днем России, как сейчас многие каркают. Не станет. Я верю в разум, в здравый смысл народа. Может уйти любой — Рыжков, Горбачев, Ельцин... Но останется народ, Россия. Вот в это я верю.

Текст интервью говорит сам за себя. Каждый читатель сделает из него свои выводы. У меня, однако, есть преимущество — я могу сличить текст с реальным человеком. Я далек от того, чтобы дать какой-то законченный портрет, — за пару часов в душу, понятно, не заглянешь. И все же могу осторожно сказать, что мне он показался человеком скорее искренним, чем играющим. Во всяком случае, он не производит впечатление честолюбца, «рвущегося к власти». Тем большего интереса заслуживает то, что он говорит. Рыжков

выражает ту распространенную позицию, согласно которой и рынок, и свободные цены, и, очевидно, приватизация (а значит — капитализм, хотя этого слова он не произносит) нужны, но медленно.

В «Войне и мире» Толстой пишет про Наполеона, что того (под Бородином) охватил ужас — все делается как надо, а размах руки провисает в воздухе, действие ни к чему не ведет, растворяется... Хотя наши лидеры не Наполеоны, но горькое чувство бессилия власти испытали они сполна. И не стоит винить в этом отдельного человека — тут причина посерьезнее, распад всей системы. Вот такой человек был у нас премьером — ранимый и упрямый, видящий чужие ошибки, но бессильный распутать свои. Он показался мне человечным, и, вспоминая статьи о нем (в том числе и свои), я лишний раз подумал — как мы не умеем щадить друг друга.

РЫЖКОВ. POST SCRIPTUM

Николай Иванович Рыжков — старейший сенатор России. Крайне редко дает интервью. На свой 80-летний юбилей (осенью 2009-го) поделился горестным: «Черномырдин периодически приглашал экс-премьеров. Примаков, Степашин — тоже. Мы пили чай, откровенно им говорили, что хорошо, что плохо. Желание поделиться есть и сегодня, но... Начиная с Касьянова, никто уже бывших премьеров в Белый дом не зовет. Уж не знаю, может, чая им жалко? Или боятся услышать неприятные слова? Но руководители правительства обязаны слушать любые слова. Такая уж у них доля».

ГЛАВА 7.

О.С. МИНУС М.С.

Это интервью нуждается в предыстории. С Олегом Шениным журналист Андрей Ванденко, который был моим заместителем в «Новом Взгляде», познакомился, кажется, в конце 90-го года. Его киевский знакомый попросил помочь встретиться с Олегом Семеновичем, занимавшим тогда пост секретаря ЦК КПСС. Речь шла о получении довольно крупной денежной суммы (около двух миллионов инвалютных рублей) для проведения долгосрочной благотворительной акции, связанной с жертвами Чернобыля, — дела действительно нужного, стоящего. Валюту уже в ту пору в стране старались экономить со страшной силой, поэтому принятие решения о выделении двух «лимонов» замурыжили где-то в правительственных коридорах. Пустив в ход журналистские связи, Андрей добился встречи. Ему и слово:

«Олег Семенович принял нас в своем кабинете на Старой площади. Внимательно выслушал, попросил минутку подождать, поднял трубку одного из батареи телефонных аппаратов и сказал невидимому собеседнику примерно следующее: «Валя, у меня сидят хорошие ребята из Киева. Надо помочь, дай им деньги». Признаюсь, узнав, с кем говорил Шенин, я тихо «поплыл». Ведь Валею оказался Валентин Павлов — тогдашний премьер-министр Советского Союза. Ничего

себе партийное руководство, вот так уровень решения вопросов! Если помните, редакция шестой статьи Конституции уже была изменена... Необходимую сумму приятелю, конечно, предоставили. Следующий раз с Шениным я столкнулся полтора года спустя, летом 92-го, когда брал интервью у Тамары Шениной, жены находившегося в «Матросской тишине» обвиняемого по делу ГКЧП. Та беседа была опубликована под названием «О.С. за спиной М.С.» (имелся в виду Михаил Сергеевич Горбачев). Олег Семенович выразил свое неудовольствие из СИЗО: «Не ставьте мое имя рядом с именем этого предателя». И вот новая встреча с отпущенным до суда обвиняемым. Новая встреча, новое название.

СОВЕТСКИЙ СУД — САМЫЙ ГУМАННЫЙ СУД

— Как здоровье, Олег Семенович?

— Сейчас самочувствие стало значительно лучше. К судебному процессу рассчитываю быть в полной форме, чтобы провести его на приличном уровне.

— Вы ведь в «Матросской тишине» перенесли три операции?

— Да, врачи даже поговаривали о раке. Из-за этого меня из СИЗО отпустили раньше остальных товарищей. К счастью, диагноз, кажется, не подтверждается.

Но ведь трудности со здоровьем не только у меня — практически у всех обвиняемых по делу ГКЧП.

— Как вы склонны это объяснить?

— Тюрьма сама по себе достаточно серьезное испытание. Свою роль сыграл и тот пресс, под который мы попали. Я имею в виду психологическое давление со стороны следствия, средств массовой информации. Особенно это касалось первых двух-трех месяцев. Когда ежедневно слышишь, что ты убийца, предатель Родины, что тебя казнить мало, от этого, сами понимаете, здоровья не прибавляется. Хотя, возможно, есть и иные причины, из-за которых мы так резко сдали.

— Вы намекаете на зомби?

— Я слышал об этом. Утверждать окончательно не берусь, однако с нами действительно творилось что-то непонятное. Ведь все до одного вдруг расхворались, хотя до того работали каждый день по 14–16 часов — и ничего.

— *Может, все дело в том, что с кремлевского пайка вы перешли на тюремную пайку?*

— Питание, конечно, важно, но не настолько же! На еду все списать не удастся. Взять случай с Крючковым. Владимиру Александровичу однажды закапали что-то в глаз, и он сразу почувствовал резкую боль, стал терять сознание. Не думаю, что это просто оплошность медсестры.

— *На себе вы что-то подобное испытали?*

— Я старался как можно меньше употреблять тюремных медикаментов. Лекарства мне передавали из дома. Тем не менее и я сполна вкусил тюремных прелестей.

— *Если допустить, что вы в самом деле подвергались психологической или психиатрической обработке, то неизбежен вопрос: зачем это делалось?*

— Наиболее очевидный ответ: чтобы облегчить задачи следствия. Оно ведь было заранее запрограммировано на определенный результат. По сути, все решали не законы, а желание президентов Союза и России. От прокуратуры лишь требовалось придать этому беспределу более-менее удобоваримый вид, хотя скрыть политические уши не удалось. Генеральный прокурор Степанков то и дело срывался на заявления, о которых сегодня он сожалеет, не может не сожалеть. Вероятно, вы помните его фразу, что обвиняемым уже никогда не подняться, что он арестует нас, даже если суд изменит меру пресечения.

— *Книга «Кремлевский заговор» вам знакома?*

— Если говорить честно, мне было противно читать это творение, но судьба заставила. То, что Генпрокурор России и его заместитель издали до суда книгу, где, в частности, используются материалы допросов обвиняемых и свидетелей, еще будет оценено должным образом. Этот факт не лезет

ни в какие ворота. Пусть не рассчитывают, будто мы станем подобное сносить. Прокуратура сама загнала себя в угол. В первый же день процесса мы намерены заявить о недоверии любому представителю обвинения. Любому! Поскольку все они являются подчиненными Степанкова и обязаны проводить его линию, следовать его версии. Я не знаю, где будут искать прокуроров на процесс, но пусть думают. Мы участвовать в суде, пока в прокуратуре работают Степанков и Лисов, не станем.

Нам процесс нужен. Это другим он невыгоден. В том числе и нынешнему руководству России.

— *Расшифруйте, что вы подразумеваете под словами «нам процесс нужен».*

— Мы хотим сказать всю правду. К примеру, взять ту же книгу «Кремлевский заговор». Там ведь выхвачены только те моменты, которые удобны следствию, обвинению. За кадром остались многие материалы, не лучшим образом характеризующие и бывшего президента, и нынешнего. Есть о чем поговорить, есть что рассказать.

— *Давайте начнем с Горбачева.*

— Понимаете, о каком-то флоросском заточении просто смешно вести речи. Да, мы думали о том, что этому человеку предстоит в дальнейшем руководить страной, поэтому сочли возможным на определенном этапе действовать самостоятельно, чтобы его имя осталось незамаранным. Речь-то шла о введении непопулярных мер. Вместо этого Горбачев решил поиграть в самоизоляцию. Он специально ни во что не вмешивался и ничего не предпринимал, ждал, куда кривая вывезет. Мы знали, что собой представляет этот человек, и все же не думали, что он настолько безнравственен.

— *Ну а Ельцин? Не могли же вы допустить, что он станет спокойно смотреть, как вы отстраняете его от власти?*

— Тут все было ясно и обговорено. От руководства ГКЧП требовалось немедленно вступить в контакт с Ельциным, объяснить по всему комплексу вопросов, изложить позицию комитета, узнать отношение российских лидеров.

К сожалению, прямых связей не наладили, личные встречи так и не состоялись, хотя по телефону с Борисом Николаевичем разговоры велись. В том числе и при мне.

— *Тогда какие основания у вас утверждать, что и Ельцин повел себя не лучшим образом в августовских событиях?*

— Если Президент России утром 19 августа знает о том, что в Москву вводятся войска и командующий Воздушно-десантными войсками СССР Грачев лично докладывает обо всем Ельцину и спрашивает его совета, как действовать, если техника вокруг Белого дома размещается по схеме, которую рисует вице-президент Руцкой, то как выглядят в этом свете российские руководители? Зачем нужно было призывать людей на спасение Белого дома? Чтобы кровь пролилась?

— *Эти факты есть в материалах дела?*

— Безусловно. Они подтверждены и Грачевым, и другими свидетелями... Так что не торопитесь нимб Борису Николаевичу рисовать...

Кстати, мне до сих пор непонятно, откуда многие детали взаимоотношений высшего российского руководства и командования — Скокова, Грачева, Лебеда, Ельцина и т.д. — стали известны вашей коллеге с телевидения Татьяне Митковой.

— *Возможно, Татьяна Ростиславовна получала информацию во время интервью?*

— Не думаю. Судя по материалам дела, это далеко не интервью...

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...

— *Вы надеялись сохранить Советский Союз с помощью чрезвычайного положения?*

— Видите ли, ЧП предполагалось ввести не на всей территории страны. Наиболее сложная ситуация была в Москве (и то лишь вокруг Белого дома, в остальных местах сохранялось спокойствие), в Ленинграде, может, еще

в Свердловске. Там и требовалось провести разъяснительную работу; растолковать, чего же хочет ГКЧП.

— *Растолковать с помощью танков?*

— Неужели вы думаете, что, если бы в наши планы входило подавить сопротивление силой, мы действовали бы так?

Нашей главной задачей было не допустить развала Советского Союза. Ответственность за случившееся несут в первую очередь Горбачев и инициаторы Беловежского соглашения.

— *Но вы должны признать, что тоже способствовали этому процессу. Возможно, даже не желая того.*

— Категорически с вами не согласен. Мы делали все, чтобы сберечь Союз. Но его судьба была решена давным-давно — в Вашингтоне, Бонне, Лондоне и Тель-Авиве. Наши оппоненты, включая экс-президента, действовали по указке из этих центров.

— *Олег Семенович, не упрощаете ли вы ситуацию, сводя все к всемирному заговору империалистов?*

— Речь не о происках империалистов, а о разделе мира. Никому мощный Советский Союз был не нужен. Как, кстати, не нужна и сильная Россия. Развал Российской Федерации — следующий шаг. Все делается для того, чтобы на планете остался один мировой жандарм, один властелин. Кажется, это называют теперь новым мышлением?

— *Если бы 20 августа 91-го года состоялось подписание Союзного договора, мог бы быть плохой, но Союз. 19-го объявили о создании ГКЧП — и что в итоге?*

— После 20 августа не могло быть ни хорошего, ни плохого Союза. Тот договор подписали бы от силы пять республик. А остальные? Мы предлагали другой вариант. К сожалению, абсолютное большинство людей сразу не смогло разобраться в наших целях, а объяснить все у нас не было уже времени. Ситуацию очень удачно использовало то абсолютное меньшинство, которое взяло на себя право решать судьбу великой страны. В результате мы имеем то, что имеем. Если бы нам удалось все же ввести

в отдельных местностях чрезвычайное положение, сохранить на какой-то период ГКЧП, думаю, обстановка быстро нормализовалась бы. Во всяком случае, хуже, чем сегодня, не было бы. Достаточно вспомнить недавнее прошлое, чтобы убедиться: с 85-го года до конца 89-го шел некоторый подъем в экономике. Как бы ни смеялись сегодня над ускорением, но тогда мы все же двигались вперед. С 89-го активизировались наши недруги на Западе, зашевелилась внутренняя оппозиция. СССР вдруг оказался унитарным, тоталитарным государством, которое необходимо разрушить. Вопрос только в том, кому от этого выгода. Для меня ответ ясен. Экс-президент недавно договорился до того, что родную страну обозвал полицейской державой. Это уже, видно, от маразма, по-другому не скажешь.

Позволю себе еще одно замечание: не родился тот человек, который сумел бы свернуть Русь на чужие рельсы. Шли мы своим путем и дальше им идти станем. Нет такого человека, кто ломает Русь. Нет и не будет!

— *Олег Семенович, вы на эмоции налегаете, а мне бы факты. Факты же как бы не в вашу пользу. Вы говорите, что всеми фибрами души ратовали за сохранение СССР. Но ведь такие вопросы не решаются с кондачка, за один вечер, под коньячок на секретной кагэбистской явке?*

— Вы говорите: под коньячок... Во-первых, собрались взрослые и ответственные люди. Во-вторых, насколько я понимаю, ни один нормальный человек от пары маленьких рюмок не опьянеет... Если уж на то пошло, в Форосе у Горбачева тоже было спиртное, и в самолете, на котором летели Руцкой и Силаев, имелось что выпить. На Руси так заведено. Вопрос в том, напиваться ли до пороссячьего визга или позволить себе чуть-чуть для настроения.

— *Вы же понимаете, я говорю не о количестве выпитого, а о том, имел ли ГКЧП конкретный план действий.*

— За основу мы предполагали взять антикризисную программу правительства, которая была утверждена Верховным Советом СССР, но, к великому сожалению, не

выполнялась. В нашу задачу и входило добиться реализации программы. Поднимите протокол заседания Кабинета министров от 3 августа 91-го года под председательством этого деятеля Горбачева. Разговор шел об обеспечении страны продовольствием и о кредитно-финансовой системе. Горбачев прямо сказал, что необходимо принимать меры вплоть до чрезвычайных. Это мы и намеревались сделать.

— *Но в обращении к советскому народу ГКЧП обещал накормить народ. Каким образом?*

— В обращении сказано, как надо действовать, чтобы накормить людей. Мы манны небесной не обещали. Зачем? Мы же реалисты, понимали, что сначала необходимо навести порядок, а потом говорить о еде, питье и так далее.

— *Вы вынуждаете меня повторяться. Ну а Ельцин, неужели вы хоть на секунду могли подумать, что он позволит оставить себя не у дел?*

— А что Ельцин — Иисус? Это он сам придумал, что его сместить может только Господь Бог. Если человек, наделенный такой властью, таким доверием народа, постоянно нарушает Конституцию, что же — смотреть на это? Нет, его надо было привлекать к ответу.

— *Я правильно понял: все шло к тому, что вы изолировали бы Ельцина? По крайней мере попытались бы это сделать?*

— Мы — это кто? Если бы Президент Союза вел себя так, как того требовала его должность, он давно должен был бы поставить вопрос о смещении очень многих руководителей. вспомните, как выдрыгивалась и выламывалась Прибалтика и все ей сходило с рук. А ведь существовал Закон о порядке выхода из СССР. Кто его выполнял?

— *Но коль уж вы взялись за наведение порядка в стране, то почему действовали так бездарно, что через три дня пришлось капитулировать?*

— Всею виной наш комплекс порядочности. Когда началась вся эта игра вокруг Белого дома, когда мы почувствовали, что может случиться непоправимое и прольется

большая кровь, стало ясно: надо остановиться. Каких бы идиотов и монстров ни пытались сегодня из нас изобразить, но мы никогда не пошли бы на то, чтобы допустить кровопролитие.

— *То есть вы хотите сказать, что как бы сознательно принесли себя в жертву?*

— Поверьте, скажи кто-нибудь мне: тебя мы расстреляем, но завтра стране будет лучше, я сразу бы согласился.

ПАРТИЯ ЛЕНИНА — СИЛА НАРОДНАЯ...

— *О роли КПСС пока не было сказано ни слова, а надо бы. Припоминаете нашу первую встречу и то, как вы легко «порешали вопрос» с Валей-премьером?*

— Вы подводите под тот факт политическую базу, усматриваете вмешательство партии в государственные дела, на самом же деле все было намного проще. Все решилось на уровне человеческих отношений, моих личных контактов с Павловым. Я, например, знаю секретарей ЦК, которые с Валентином Сергеевичем никогда не контактировали.

— *Олег Семенович, не о том ведь разговор. Вы тогда сделали хорошее дело, но вы же не частную просьбу выполняли, деньги-то были взяты из государственной казны, к которой партия, по идее, никаким боком...*

— Не усложняйте. Просто Павлов прислушался к моим аргументам и внял им. Это еще не повод усматривать здесь партийный диктат.

— *Продолжим политдиспут. Владимир Ивашко, замещавший Горбачева на посту генсека, рассказывал мне, что считает своей величайшей заслугой то, что не дал собрать 20 августа пленум ЦК и выразить поддержку ГКЧП. Этим, мол, партия в дальнейшем была спасена от запрещения. Вас же Владимир Антонович обвиняет в том, что вы настаивали на более решительных действиях и даже в знак протеста против мягкотелости Политбюро заявили 20 августа о выходе из его состава.*

— Дело не только в поддержке ГКЧП. Я требовал, чтобы ЦК занял принципиальную позицию. Бойтесь солидаризоваться с комитетом — просто дайте оценку положению в стране, помогите коммунистам определиться. Нет, мнутся! Что я сегодня могу сказать об Ивашко и всей остальной компании? Предатели и трусы. Других слов для них нет. Будь эти люди чуть решительнее, они давно должны были бы снять Горбачева с поста генсека, тогда, глядишь, и ситуация стала бы развиваться по-другому.

Что же касается Горбачева, то в свете его последних заявлений я вообще все чаще задумываюсь, как он взлетел так высоко, с чьей помощью.

— *Опять на заокеанские козны намекаете?*

— Какие намеки? Я убежден, что это хорошо спланированная и проведенная операция. Уверен, у экс-президента давнишние контакты с тамошними структурами. Все эти встречи один на один, на кораблях и за кораблями — это не случайно. Горбачев продавал нас, страну оптом и в розницу. Такой факт. Владимир Крючков рассказывал мне о том, как докладывал Горбачеву о связях Александра Яковлева с американцами. Информация осталась без внимания. Почему?

Секретарем ЦК меня избрали только летом 90-го года, поэтому времени, чтобы хорошо разобраться в этом человеке, у меня, по сути, не было. И тем не менее уже в ноябре 90-го на Политбюро я говорил о том, что страна идет к катастрофе, что спасти ее могут только чрезвычайные меры, и предложил Горбачеву вести себя более решительно. На словах экс-президент со мной согласился, но действий не последовало. 2 марта 91-го в «Правде» я писал, что надо определяться с выбором. Конечно, я видел влиятельность Горбачева, но о том, что кто-то его ведет, старался не думать, очень уж страшной и абсурдной казалась эта мысль. Я представить себе не мог, что человек способен пасть до того, чтобы по чужой указке разваливать родную страну.

— *Знаете, вытирать ноги об Горбачева сегодня несложно. Можно сказать, он всадник, выбитый из седла.*

— Я и о Ельцине могу то же самое сказать. Разве опубликованная в газете «День» стенограмма его разговора с Бушем не свидетельство того, как российский президент втоптывает свою державу в грязь на радость заокеанским хозяевам? Я вообще считаю, что Горбачев и Ельцин — две стороны одной медали.

— *Олег Семенович, но это ведь легче всего: объяснить бездарность собственной политики чьими-то кознями.*

— Этих бездарностей они нам и подсовывают. Как это удастся, сам не пойму. Знаю одно: если мы сейчас с вами выйдем на улицу и будем у всех прохожих без разбору спрашивать, голосовал ли он за Ельцина в июне 91-го, никто не признается. Однако же кто-то выбрал его президентом, может, мы просто недостойны другого лидера?

Будь моя воля, я вообще добивался бы того, чтобы у нас не было никакого президентского правления, чтобы высшим органом стал Президиум Верховного Совета.

— *Я всеми силами старался избежать вопросов о Форосе, но, видно, не получится. Все-таки та встреча многое предопределила, и истину знают пятеро — Горбачев и ваша четверка. Вы тогда предлагали Михаилу Сергеевичу лететь с вами в Москву?*

— Нет. Мы рассказали ему о положении в стране, сказали, что с введением чрезвычайного положения нельзя дальше тянуть. Он согласился, но настаивал, чтобы решение о ЧП «благословил» Верховный Совет.

— *Горбачев действительно поначалу крыл вас нехорошими словами?*

— Когда он обнаружил, что связь отключена, занервничал, но потом шел нормальный разговор. Здоровались и прощались за руку...

— *А зачем все-таки вы связь отключали?*

— Нас из Москвы прилетело вместе с охраной в общей сложности десять человек, а у Горбачева на периметре четыре километра находилось семьсот человек. Надо же было нам о своей безопасности подумать. Но связь-то в кабинете

отключили. Остались телефоны в машинах, рации у наружной охраны. У пирса стоял катер...

— *И все же, судя по мерам предосторожности, вы допускали негативную реакцию Горбачева?*

— Он же человек непредсказуемый.

— *А решение о болезни Горбачева принималось уже здесь, в Москве?*

— Спасали имидж президента! Мы полагали, что он поймет ситуацию и включится в процесс.

— *Вариант с трагическим исходом болезни предусматривался?*

— Нет, ни разу это даже не обсуждалось. Так же как не думали мы физически устранять Ельцина. Поймите, будь у нас такая цель, мы бы ее выполнили. Какие проблемы? Армия, КГБ, все силовые структуры находились на нашей стороне. Мы к другому стремились и прокололись на том, что слишком доверялись словам различных деятелей о любви к Родине... Для них это — тьфу. А для нас...

ШЕНИН. POST SCRIPTUM

В качестве постскриптума — упомянутое интервью с женой Шенина — «О.С. за спиной М.С.»:

«Если бы социализм, а точнее, то, что у нас в стране этим словом принято было называть, протянул еще лет эдак 20–30, быть этому внешне ничем особо не примечательному дому в тихом арбатском переулке на задворках некогда союзного, а ныне российского МИДа украшенным мемориальными досками, как праздничная рождественская елка игрушками. И текст на всех памятных плитах, надо полагать, начинался бы с традиционно обезличенных фраз типа: «Здесь жил и работал видный деятель Коммунистической партии и Советского государства...» Разнились бы только даты жизни да фамилии увековеченных — Геннадий Янаев, Эдуард Шеварднадзе, Владимир Ивашко...

Сегодня на дворе, как известно, иные времена, и дому более не угрожает судьба стать наглядным приложением к разделу «Руководители КПСС и СССР конца XX века» учебника по истории партии издания две тысячи какого-нибудь года. Одни из вчерашних кандидатов на настенную память обзавелись пенсионными книжками и выступают теперь не на съездах и пленумах, а в качестве свидетелей на слушаниях в Конституционном суде по делу КПСС. Другие по-прежнему на коне, борясь за суверенитет и независимость новых государств — частей бывшего Союза. А третьи... А третьи. — в «Матросской тишине».

...В прошлый понедельник, миновав строгого и неразговорчивого привратника, на лифте, где рядом с обычными кнопками указателей этажей прикреплены таблички с номерами расположенных на них квартир, я поднялся на восьмой этаж не ставшего мемориальным дома и нажал клавишу звонка крайней двери. Мне открыла Тамара Александровна Шенина, жена Олега Семеновича Шенина, бывшего народного депутата СССР, секретаря ЦК КПСС, арестованного в августе 1991 года по делу ГКЧП.

Встретиться с супругой одного из главных «заговорщиков» оказалось достаточно просто. Самым сложным было раздобыть домашний номер телефона Шениных, который по понятным причинам не выдает ни одна справочная служба. Во время первого визита к Тамаре Александровне я оставил вопросы для нее и ее мужа, теперь рассчитывал получить ответы. Я знал, что через два дня, 22 июля, Олегу Семеновичу исполнялось 55 лет, и это обстоятельство также заставляло меня форсировать разговор.

По коридору и холлам, показавшимся мне непривычно (или неприлично?) просторными после традиционных габаритов стандартных московских квартир, мы прошли в рабочий кабинет. Хозяйка предложила мне устраиваться в кожаном кресле за могучим письменным столом. Я не спросил, но почувствовал: стол Олега Семеновича. Пока Тамара Александровна отлучилась, чтобы сварить кофе,

оглянулся по сторонам: книжные стеллажи с обязательным собранием сочинений Ленина, а рядом — Закон Божий, гипсовый бюстик вождя, много фотографий: младшая дочь Геля, Олег Семенович на съезде партии, Александр Невзоров с телекамерой...

Тамара Александровна возвращается с подносом, и мы под кофе и сухарики начинаем...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — ЗА РЕШЕТКОЙ

Из ответов Т. А. Шениной на анкету «Нового Взгляда»: «Познакомились мы с Олегом в 1955 году на танцах в ДК Ворошилова в Красноярске. Очень красивый парень целый вечер не танцевал, наблюдал за мной, а на последний танец пригласил и попросил разрешения проводить. Своему другу он сказал: «Вот на такой бы я и женился».

Через четыре месяца его родители устроили нам свадьбу. Для этого папа взял вместо отпуска деньги, а жених месяц поработал землекопом и заработал невесте на белое крепдешинное платье. И было нам по 18 лет.

Олег Семенович закончил техникум, получил направление на работу (Красноярск-26) и комнату в двухкомнатной квартире. В другой комнате тоже молодые жили. Было очень хорошо. Через год родилась Ольга, еще через год — Андрей, а через 17 лет — Ангелина, Геля. Младшенькую назвали в честь мамы Олега Семеновича. Свет этой женщины, которая, к сожалению, рано умерла, сопровождает мою семью всю жизнь. А семья у нас большая, 11 человек. 24 июня родилась еще одна внучка — Настенька. Имя в честь теперь уже моей мамы. Живем дружно».

— *Как вы в прошлом году праздновали день рождения мужа?*

— Был рабочий день. Впрочем, у Олега не бывает выходных. Он приехал поздно вечером. Мы посидели семейным кружком, гостей не созывали. Нам ведь относительно недавно удалось всем семейством вместе собраться. Старшие

дети в 17 лет уехали учиться, а потом работали по направлениям. Дочь — в Подмоскovie, а сын — на Урале. Андрея несколько лет назад перевели в Москву, до этого он жил в такой тьмутаракани, что представить страшно. Первую свою квартиру получил, вдоволь поскитавшись по офицерским общежитиям. У дочки две комнаты в коммуналке в Балашихе 24 метра на троих. В этой нашей квартире, сами видите, попросторнее, поэтому праздники обычно отмечаем здесь. Вот и в тот раз так же было. Посидели, песни попели.

Из ответов Т.А. Шениной на анкету «Нового Взгляда»: «Когда мне попадаются на глаза объявления женщин, описывающих качества мужчин, с которыми они хотели бы познакомиться, мне кажется, что речь идет именно о моем муже.

Благородство, мужество, трудолюбие, доброта. Я не просто люблю мужа, а я в него постоянно влюблена. Если вспоминать эпизоды, то много было трудных, а если в целом, то все светлое и много радости и счастья. Жили, учились, работали, растили детей.

Последние годы мы мало общались с друзьями, те короткие часы отдыха, которые выпадали Олегу Семеновичу, проводили в семье. Муж отлично играет на гитаре, а Геля очень музыкальна. Она играет на всех инструментах, которые есть в доме, и все мы голосисты. Очень любим петь. Это были часы особенного счастья».

— *А как вы хотите отметить 55-летие Олега Семеновича?*

— Пойдем в «Матросскую тишину» на свидание. Вчетвером — я и трое детей.

— *Подарок по такому случаю разрешается передать?*

— Нет, конечно. Мы купили рубашки, воду туалетную, но...

Воду возьмем с собой, чтобы Олег брызнул ее себе на руки, взять в камеру все равно не позволят. Рубашки просто покажем.

— *Как часто вам дают свидания?*

— Первые три месяца после ареста нам вообще не говорили, что возможны свидания. Теперь видимся раз в месяц по два часа. Разговариваем, правда, в присутствии охраны.

— *Но вам позволяют подойти друг к другу, обняться?*

— Да, мы сидим рядом, держимся за руки.

— *А передачи?*

— Раньше стояли в общей очереди по 4–5 часов, сейчас нас вызывают к окошку. Это единственное послабление. Хотя иногда люди плетут такое... Мол, у наших мужей в камерах и ковры, и пятый этаж для них освободили, и кормят их по-особенному. Однажды какая-то женщина увидела, как Варенникова мужу клубнику передает, и давай кричать: «Ах, их еще ягодками балуют!» Я обернулась и говорю: «Да, из-за таких, как вы, сюда садиться не стоило». Меня тут же люди поддержали. Один старик сказал: «Не слушайте вы ее. При коммунистах лучше жилось».

— *И все-таки. О передачах.*

— По двенадцать кило раз в месяц. Чай, сигареты, сахар. Олег ничего не просит, он говорит: «Я вообще не знаю, на что вы сейчас живете. Не тратьтесь на меня». Но мы все равно несем. А как иначе? Раньше им разрешалось покупать себе что-нибудь в магазинчике в СИЗО на тридцать рублей. Что сегодня стоят эти деньги?

Из ответов Т. А. Шениной на анкету «Нового Взгляда»: «Олег Семенович похудел килограммов на 13–15. Много читает. Делает зарядку. Камера у него «образцовая», если можно так камеру назвать. Они вымыли стены, потолки. Серые, грязные кровати обмотали белыми лоскутами от простыней, которые им выдали для мытья пола, но сначала их хорошо простирали».

— *С кем сидел ваш муж?*

— Семь человек прошло. Сажали кого угодно. Один пытался запугивать, рассказывал, что полжизни в лагерях провел, что на учете в психдиспансере. Олег не жаловался на соседа, просто случайно нам на свидании проговорился. Мы обратились в прокуратуру, попросили разобраться.

Оттуда ответили, что сокамерник — никакой не рецидивист, а бывший милиционер. Но потом соседа почему-то быстро убрали.

Сейчас сидят вдвоем. Кажется, не ссорятся. Вообще Олег контактный, привык ладить с людьми. И никогда не показывает, что ему трудно. Я когда увидела, как он похудел, только охнула, а он мне руку, согнутую в локте, протягивает: «Потрогай, какие мышцы. Силу качаю».

В АВГУСТЕ 1991 ГОДА

— *Тамара Александровна, давайте все-таки вернемся в тот август. Восстановим все как было, по порядку. Вы, наверное, до последнего момента пребывали в неведении?*

— Почему? Муж мне все рассказывал. Например, когда проводили Горбачева в Форос, Олег вернулся домой и передал мне состоявшийся между ними разговор. Когда речь зашла о возможности введения в стране чрезвычайного положения, Горбачев сказал: «Надо будет, так введем. Ты же, Олег, афганец, не робей».

Знала я и о запланированной поездке в Форос. Кто конкретно полетит к МС, решали 17-го, накануне.

— МС?

— Они так Горбачева называли... Тот полет в Крым стал чуть ли не основным пунктом обвинения Олега Семеновича. А что в этом преступного? Ведь муж замещал Горбачева в период отпуска на посту генсека. Неужели он не мог съездить посоветоваться?

Из записки, переданной О.С. Шениным из «Матросской тишины» для публикации в «Новом Взгляде»:
«Не было ареста бывшего генсека. Уж как только ни писали об этом. Была изоляция, был в плену, и об аресте было. На маленьком пяточке охрана была из погранвойск, морских пограничников, четырех военных кораблей, морских погранвойск плюс специального подразделения водолазов, плюс на внешнем периметре милиция, плюс личная охрана

президента, плюс катер для выхода в море на пирсе дачи. Это несколько сот человек! И все по материалам дела защищали президента, были ему верны. По приказу командиров готовы были отдать за президента, если понадобится, жизнь. Они не имели никаких команд блокировать, не выпускать, закрыть и т.д. У всех была радиосвязь с выходом друг на друга, на корабли, на пограничников, в том числе у личной охраны. В отношении всех прекращено уголовное дело за отсутствием состава преступления.

Из Москвы дополнительно к этой армаде охраны прибыло аж шесть человек! Что, они держали под арестом, в изоляции, в плену? Как часто любит говорить экс-президент: «Чепуха все это!»

Была самоизоляция, самоустранение от выполнения своих конституционных обязанностей».

— *Из Фороса Олег Семенович отправился прямо домой?*

— Мы с ним увиделись на следующее утро. Он позвонил на дачу и попросил меня приехать. Я уже услышала по радио указы ГКЧП. Дома у нас постоянно звонил телефон. Я специально не прислушивалась и не запоминала, хотя... Позвонил Назарбаев. Что он говорил, не знаю, но муж закончил разговор словами: «Спасибо, Нурсултан Абишевич, за понимание и поддержку».

— *Беседовали по ВЧ?*

— С помощью спецкоммутатора. Олег сидел за столом там, где вы сейчас. Звонки шли непрерывно. Муж позавтракал, переоделся в другой костюм и уехал на работу. А я пошла на Арбат. И мне там очень понравилось. Было непривычно чисто. И никаких лотошников! Я заходила в магазины, слушала, о чем люди говорят. Почти все повторяли: «Слава богу! Наконец-то!»

— *Уже стояли войска?*

— Да, когда я с дачи ехала в Москву, видела танки, на которых сидели ребятишки. Я так легко восприняла: о, танки, дети. Не знаю, Эмма Язова говорила мне, что по закону о ЧП введение войск обязательно.

— Словом, никакой тревоги вы не чувствовали?

— Абсолютно. Я считала, что делается правое дело. Хотя задуматься стоило.

Из ответов Т.А. Шениной на анкету «Нового Взгляда»: «Теперь-то я абсолютно уверена, что это была ловушка. Ее подстроили, чтобы убрать непокорных и несговорчивых. Мы до «путча» год жили в Москве, и весь этот год шла игра Горбачева. Его звонки, шутки, сплетни удивляли. И конечно же, Олег Семенович разобрался в нем давно. Но он никогда не тратил силы на всякие разборки. Горбачев не был одинок в своих методах. А муж, не обращая внимания, просто работал.

Так вот, я повторяю, весь год шли игры горбачевские, особенно перед так называемым путчем. Например? Его просьба: «Олег Семенович, поговори с А. Яковлевым и Е. Примаковым. Прочисти им мозги». Вопрос касался партии. И Шенин, Гиренко, Дзасохов, Пуго шли на дачу Дзасохова и «прочищали». Ночью звонил Горбачев и интересовался, как дело было».

— Нас ведь задолго до августа предупреждали добрые люди, что Горбачев готовит большую пакость. Не послушались мы тогда, о чем теперь жалеем. Олег отмахивался: «Да пошли они...» Видно, не верил до конца, что Горбачев и компания смогут пойти на такую подлость.

— *Олег Семенович предвидел возможность своего ареста?*

— Я спрашивала его об этом еще до поездки в Форос. А вдруг Горбачев предаст? Муж говорит: «Мы предусмотрели вариант, если МС даст задний ход. Язов и Крючков готовы уйти в отставку. Павлов тоже откажется работать в этом бардаке. А я? Строители всегда нужны будут».

— *Значит, муж был готов к аресту?*

— Нет, это другое. Он не чувствовал за собой вины. А когда начались аресты, пришел домой убитый и сказал: «Застрелился Пуго». Мы с Борисом Карловичем были соседями по даче, знали, какой человек замечательный ушел.

Сидели мы с Олегом потрясенные. Даже телевизор не включали. А потом звонит дочь и говорит: «Папа, тебя лишили депутатской неприкосновенности». Нам все стало ясно. Начали собирать вещи в тюрьму. А в полдвенадцатого ночи пришли четверо... На Президиуме Верховного Совета, когда с Олега депутатский иммунитет снимали, Рафик Нишанов председательствовал. Встретила его тут пару месяцев назад. Руки тянет, Олегу приветы шлет. Какие все же люди бесстыжие есть!

— *Что у вас при обыске нашли?*

— Да ничего! Имущество описали. Аж на 27 тысяч — мебель, бытовая техника. Бешеные деньги, правда? Афганский кинжал сначала забрали, а потом вернули. У нас ни своей дачи, ни машины личной не было. В этой квартире мы, по сути, впервые нормально обустроились в бытовом плане. А то вечно жили в полупустых комнатах. Такая семья. Для нас ковер купить проблемой было.

— *А эту квартиру вы выбрали?*

— Предложили одну в 500 квадратов и эту — в 190 квадратных метров. Мы остановились на втором варианте. Понимаю, кто-то сочтет: роскошно, но... Видите кровать? Дочка с семьей здесь живет, моя мать 92 лет и Геля. Шесть человек в четырех комнатах. Под нами квартира Шеварднадзе. Ему мало на троих четырех комнат показалось. Так он из соседней квартиры еще одну комнату прихватил. А двухкомнатную хотел прислуге отдать, но потом, видно, стыдно стало. Сейчас в тех двух комнатах Янаевы живут.

— *Как вы чувствовали себя в первые дни после ареста мужа? Хотя, конечно, глупый вопрос! Как вы могли себя чувствовать?*

— Да, было трудно. 23-го утром я позвонила по спецкоммутатору Горбачеву. Секретарь сказала, что он еще отдыхает. А когда я перезвонила через полчаса и назвала себя, мне ответили, что президент занят. Страшно было сначала. Казалось, что меня столкнут на рельсы метро, что за сыном

следят. Добавьте, что первые две недели нам ничего не говорили о муже. Мы не знали, где он, что с ним.

— Но вас не третировали, не запугивали?

— Нет-нет. Что сделали подленького, так это мою 92-летнюю маму сняли с учета в поликлинике 4-го управления. Нашли с кем бороться — с женщиной, которая одна в войну подняла на ноги троих детей.

— Вы вынуждены были выйти на работу?

— А куда деваться? На стипендию Гели и пенсию бабушки не проживешь. У меня стаж 32 года, из них 15 — на стройплощадке, за это государство платит мне 900 рублей пенсии. Смешно? Грустно! Не знаю, как бы сводили концы с концами, если бы не люди, добровольные помощники. Красноярцы не забывают. Спасибо всем. Сейчас ведь одни адвокаты обходятся в 20 тысяч в месяц. А у нас, когда Олега арестовали, было три тысячи на книжке.

ОТ ТЮРЬМЫ И ОТ СУМЫ...

Из ответов Т.А. Шениной на анкету «Нового Взгляда»: «Мы, жены узников «Матросской тишины», общаемся. Поддерживаем друг друга как можем. Мне очень больно за Ольгу Тихоновну Варенникову, за Екатерину Петровну Крючкову. Они войну прошли с мужьями вместе. Сейчас для них каждый день на счету. Бог накажет тех, кто творит это зло. Эмма Язова после той аварии стала инвалидом. Ее торопят переселить из квартиры. К квартире же Дмитрия Тимофеевича присматривается Грачев (еще один интересный типаж). Собирался вроде Шапошников, но он отселил со своей площадки своего адъютанта на улицу Мичурина, а сам занял его квартиру. Для семьи Шапошникова одной квартиры мало. Вот такие они, господа, пришедшие ныне к власти. Я люблю Лилию Бакланову, боюсь за нее. После ареста Олега Дмитриевича она перенесла инфаркт».

— На учебе Гели родство с «врагом народа» не отразилось?

— Долгое время никто даже не знал, чья она дочь. Геля ведь отказалась въезжать в эту квартиру, заявив, что не станет жить рядом с членами Политбюро. Поселилась в студенческом общежитии. Ей так проще было. И только в прошлом году, когда случилась беда, вернулась к нам в дом.

— *Глава семьи не пытался давить?*

— Что вы! У нас полная свобода. Может, потому и дети замечательные. Мы за них только благодарности всю жизнь получали.

И несчастье лишь еще больше нас сплотило, сблизило. Даже маленькая внучка, как увидит Горбачева по телевизору, сразу кричит: «Паразит!».

— *Кстати, с Горбачевыми вам часто встречаться приходилось?*

— Один раз в Красноярске, во время пятидневного визита, и здесь, на приемах. Запомнилось, как Раиса Максимовна принимала нас в честь 8 Марта. Два часа прождали, пока она выйдет. Ни отлучиться, ни присесть, а ведь было немало пожилых женщин. Потом нас выстроили в затылок и повели вверх по лестнице, где стояла ОНА. На подходе какой-то человек интересовался: «Кто вы?» — и докладывал Раисе Максимовне. Она, конечно, никого не запоминала. А я надеялась, что она меня все же признает, пять дней рядом как-никак. Когда уходили, опять к ручке подводили. Комедия! Я подошла и прямо о Красноярске спросила. Горбачева аж взвилась: «Я не страдаю склерозом. Помню, ваш муж подолгу работает».

Я потом передала эти слова Олегу. Посмеялись.

— *А муж с Горбачевым в каких был отношениях?*

— В деловых. МС никогда не имел друзей. Звонил Олегу он часто, в любое время, домой, на дачу. Однажды даже разыскал по городскому телефону у наших знакомых. Мы так тогда и не поняли, зачем он звонил. Хотел показать, что от него не спрячешься? Такое впечатление, что МС телефонную трубку из рук не выпускал. Как больной. Помню январские события в Литве — танки, штурм телебашни...

А мы праздновали день рождения Гели. И тут как на зло МС каждые пять минут звонит: узнай то, узнай это... Сумасшедший дом две или три ночи продолжался. Я уже тогда сказала: «Что он тебе звонит? Так и знай, хочет сделать из тебя нового генерала Родионова». Интриган высочайшего класса!

— Олег Семенович наверняка о чем-то сегодня сожалеет. А вслух на что-то жалуется?

— Это не в его характере. Если и раскаивается, то не скажет.

— Что он читает?

— «Историю Государства Российского». Берет книги в тюремной библиотеке. За эти 11 месяцев он перечитал, наверное, больше, чем за десять предыдущих лет. Раньше времени не хватало.

— А газеты?

— Сначала давали только «Известия», «Российскую газету». Сегодня можно любые. У нас ведь свобода слова.

— Знаю, что вы навещали отпущенного из СИЗО Василия Стародубцева.

— Да, мы ездили к нему в Тульскую область со старшими детьми. Он сказал, что будет нам пожизненно братом, сожалел, что раньше мало знал Олега Семеновича. Показал нам свое хозяйство. Стародубцева там на руках носят. За то время, какое он был в заточении, никто даже не посмел подумать, чтобы занять его кабинет.

— А с Ивашко поддерживаете отношения по-соседски?

— Нет! Я ему все сказала по поводу тех его августовских выступлений, когда он, как страус, голову в песок прятал. Если мы встречаемся в подъезде или во дворе, я ему руки не подаю. Не могу простить измены. Я же помню, как Ивашко, Дзасохов громче всех кричали проклятия в адрес Горбачева. А потом моментально замолчали.

Из ответов Т.А. Шениной на анкету «Нового Взгляда»: «Для меня все то, что происходит сегодня, как тяжелый сон. Жили по совести, муж успешно и добросовестно

работал, куда бы ни направляла его партия. Об этом пишут в многочисленных письмах наши земляки. Вырастили хороших детей. Богатства не накопили, зарплаты только на жизнь хватало, и вдруг пришли хитренькие, богатенькие поповы, лужковы, бурбулисы, шахраи, станкевичи, собчаки, афанасьевы и другие и разорили и семью, и страну. За что? И это им сойдет с рук? Это пока они гарцуют, но ведь и старость, и смерть не за горами. И весь позор ляжет на жизнь их детей и внуков».

— *Вы надеетесь, что следующее свидание вам уже не понадобится и вы встретитесь с Олегом Семеновичем дома?*

— Если наше правительство неокончательно сошло с ума, так и будет. Пятнадцать адвокатов написали обращения в Верховный Совет и прокуратуру с требованием освободить от уголовной ответственности подсудимых по делу ГКЧП ввиду отсутствия состава преступления.

У Ельцина ведь тоже есть дети, внуки. Вдруг его завтра кондрашка хватит. Его отпрысков, как когда-то брежневского внука, будут под чужой фамилией переводить в другую школу от гнева народного? Неужели мы ничему не учимся? О себе не заботятся, пусть о детях вспомнят. Когда Олегу Семеновичу предложили написать покаянное письмо на имя Горбачева, он ответил, что не покупает свободу ценой своего честного имени: «Не хочу, чтобы внуки стыдились моей фамилии».

— *Вы верите в полное оправдание?*

— У меня были журналисты из «Пари матч», они сказали, что лучший адвокат Франции готов бесплатно защищать обвиняемых ради удовольствия размазать Степанкова. И сам Степанков теперь говорит, что в случае оправдательного приговора уйдет в отставку. Мальчик! Он — в отставку, а кто людям год жизни вернет?

Из ходатайства адвоката П.Я. Крайнего заместителю Генерального прокурора России Лисову Е.К.:
«Защита глубоко убеждена, что к уголовной ответственности Шенин О.С. привлечен незаконно и необоснованно.

Этими же обстоятельствами определяется незаконность содержания его под стражей. 20.07.92».

ШЕНИН. POST SCRIPTUM

Через полтора года после публикации «Новым Взглядом» этого материала (в 1993 году) Шенин поддержал Верховный Совет РСФСР.

В 2000 году возглавил новосозданную КП Союза Белоруссии и России (КПС), за что был исключен из ЦК КПРФ.

В начале 2001 года удачный получился спарринг в студии Светланы Сорокиной («Глас народа»). Бились два коммуниста: один действующий — Олег Шенин, другой бывший — Юрий Афанасьев. Член пламенной когорты гэкачепистов страстно полемизировал с бывшим лидером передового отряда демократов, пытаясь доказать, что новое время не принесло никому ничего хорошего. Разве что самому Шенину отлично сшитый костюмчик. Что тонко подметил кто-то из присутствующих.

Впрочем, поразил не только внешний лоск бывшего члена Политбюро и темперамент, с которым он выступал, но и подтянутая фигура, что при таком солидном возрасте большая редкость для популяции номенклатурщиков. Где прожорливость и злоупотребление алкоголем являются необходимыми качествами для прохождения теста на профпригодность.

Горящие потусторонним светом голубые глаза «невежества» Олега в сочетании с лысым черепом невольно навели мысль на доктора Лектера, людоеда-идеолога из «Молчания ягнят». Поэтому аудитория в большинстве своем переживала либидинозно приятное чувство жути, глядя на это агрессивное существо, которое, слава богу, так же далеко от реальной жизни, как Энтони Хопкинс от своего героя.

Вслед за Борисом Гребенщиковым, наградившим нас фразой «рок-н-ролл мертв, а я еще нет», каждый

нормальный зритель, слушая прославленного путчиста, с облегчением думал: «Коммунизм мертв, а я еще нет»!

Удивительное дело, но у коммунизма и рок-н-ролла действительно много общего. К примеру:

— способность собирать стадионы,

— способность вдохновлять на подвиги сомнительного содержания,

— способность создавать у субъекта иллюзию близости с большим количеством незнакомых людей.

Но есть и существенная разница. В отличие от рок-н-ролла коммунизм появился в истории в форме мертвой материи, а точнее — призраком, который бродит по Европе. То есть был мертв изначально. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с отправлением коммунистического культа лучше всего справляются зловещие зомби и вдохновенные кровососы. Теленачальству надо почаще показывать народу коммунистов. Особенно из породы вампиров. Тогда сам призрак будет бродить где-нибудь в другом месте.

В 2001 году СКП-КПСС раскололся. «Шенинский» СКП-КПСС в 2004 году провел XXXIII съезд и преобразовался в КПСС, сохраняя при себе газету «Гласность».

С 2004 года — Председатель КПСС.

23 сентября 2006 года ЦК КПСС выдвинул Олега Шенина в качестве кандидата в Президенты РФ. Кандидат открыто конфликтовал с «лжекоммунистом» Зюгановым.

Умер 28 мая 2009 года и похоронен 1 июня на Троекуровском кладбище в Москве, рядом с ГКЧП-соратником генералом армии В. И. Варенниковым. На гражданской панихиде выступил персонаж этой книги, тоже член ГКЧП О. Д. Бакланов.

ГЛАВА 8.

АЛКСНИС. ПОЛКОВНИК, О КОТОРОМ ПИШУТ

Виктор Имантович опаздывал. На пять минут, на десять... Я в одиночестве вынужденно маячил у 20-го, «депутатского», подъезда Белого дома. Ожидание вообще занятие не из приятных, а тут еще ко мне раз за разом подходили какие-то зачуханные, подданные личности и интересовались, где собирается союз «Живое кольцо», кому сдавать фотографии для оформления удостоверений защитника Белого дома. Так и не понял, за кого же меня принимали эти люди. А Алксниса все не было... Наконец он появился, на ходу извинился за почти 20-минутное опоздание («Задержали на другой встрече») и бросился в кабинку — по местному телефону звонить знакомым депутатам, чтобы заказать пропуск. С чувством не то чтобы превосходства, но какой-то внутренней удовлетворенности я по аккредитационной карточке парламентского корреспондента миновал милицкий кордон и изнутри наблюдал за Алкснисом. Тот, похоже, дозвонился, прокричал мне от дверей, что быстро сходит в бюро пропусков и вернется.

Но рано я упивался ощущением полученной сатисфакции. Виктор Имантович явно не поспешал. Он попросту

исчез на полчаса. Я, наверное, плюнул бы и ушел, если бы не сознание, что встречаться все равно придется, а значит, снова договариваться, ехать, ждать...

Долгое отсутствие Алкснис объяснил тем, что с непривычки заблудился в коридорах Белого дома. Правда, чуть позже, вероятно забыв о первоначальной версии, сказал, что заходил в депутатскую кассу за билетом в Ригу. Я уж не стал напоминать, хотя эта пустяковая ложь как-то неприятно резанула. Но стоит ли мелочиться?

В поисках места для разговора мы прошли вдоль депутатских кабинетов. Армейским шагом Алкснис миновал апартаменты Глеба Якунина, Олега Румянцева, других демократов, затормозив у двери с табличкой «В. Аксютин». Единомышленник? Во всяком случае, здесь мы и расположились.

МАТРОС ЖЕЛЕЗНЯК ЖДАТЬ НЕ СТАНЕТ

— Виктор Имантович, вот уж не думал, что вы мне свидание в Белом доме назначите.

— Да, я бываю здесь. Прихожу для контактов с депутатами, входящими в блок «Российское единство». Других помещений, где можно было бы спокойно встретиться и поговорить, у меня, к сожалению, нет.

— И никаких негативных эмоций к сему архитектурному сооружению вы не питаете? Жена бывшего шефа союзного КГБ Екатерина Крючкова, например, это здание иначе как Черным домом не называет.

— Ну как... К этому дому я испытываю примерно такое же чувство, как к аналогичной постройке в Кремле, где заседали Верховный Совет СССР. Отношусь без тепла и любви. Тем более что вижу: обитатели Белого дома идут по нашему пути. Система союзного парламента была успешно развалена, теперь черед российской законодательной власти. Состояние агонии близится. Мы наблюдаем тот самый кризис парламентской демократии, который уже однажды был

в нашей истории — перед 17-м годом. Можно вспомнить и разогнанное большевиками Учредительное собрание. Интересно только узнать, кто сегодня сыграет роль матроса Железняка.

— *Вы видите реальных кандидатов?*

— Можно предположить, но фамилия в конечном счете не важна — Иванов, Петров, Сидоров. Я говорю о силах, заинтересованных как в развале экономики, так и в устранении с политической арены мощного оппонента президента и правительства. Крах неизбежен. Если бы генерал де Голль в 40-м году после капитуляции Франции созвал заседание парламента где-нибудь в Лондоне или на севере Африки и стал бы обсуждать, что нужно сделать для выхода из кризиса, думаю, на этом его карьера была бы закончена.

— *Извините, не уловил: какая тут параллель?*

— Самая прямая. Мы сейчас находимся в аналогичном состоянии, как и капитулировавшая Франция.

— *Мы — это кто? Россия, Советский Союз?*

— Понимаете, то, что называется Российской Федерацией, еще отнюдь не Россия. Это понятие куда более широкое, в том числе и в географическом смысле. Сегодня модно к месту и не к месту поминать Петра I. Если бы он увидел, что творят с плодами его трудов, наверное, в гробу перевернулся бы. Но, слава богу, не выродились еще настоящие патриоты!

КОТ, ГУЛЯЮЩИЙ САМ ПО СЕБЕ

— *Виктор Имантович, что-то вас давненько не видать, не слышать. Вряд ли вы смиритесь с безвестностью. Расскажите, чем занимаетесь.*

— Что не видно, так это понятно. Раньше я был в Кремле, мелькал на сессиях, а сейчас я в другой роли.

— *Вот я и спрашиваю: в какой?*

— Скажем так: кота, который гуляет сам по себе. Я не хочу быть особенно связанным с какими-то структурами,

партиями. Веду работу по созданию единого блока оппозиции. Два года мы призывали отказаться от идеологии, всяких «измов» и объединиться во имя спасения Отчизны. Сегодня, кажется, наши увещевания начинают приносить плоды. Я участвую в процессе консолидации.

— *В качестве?*

— Ну, одного из тех, кто конкретно этим занимается.

— *Назовите фамилию «тех».*

— Бабурин, Павлов, Астафьев, Константинов, Аксютин — российские депутаты. Зюганов, Проханов, Макашов — духовная оппозиция. С этими людьми я постоянно контактирую.

— *Вы живете в Москве?*

— Нет, я болтаюсь между Ригой и Москвой. Семья у меня там, а здесь товарищи, дела.

— *У вас есть тут жилплощадь?*

— Я снимаю квартиру.

— *За большие деньги?*

— Ну, не совсем снимаю... Один приятель сдает мне, скажем так, квартиру. Бесплатно.

— *Всем бы таких приятелей... А в Риге у вас что?*

— Двухкомнатная «хрущоба». Там прописаны жена, двое детей и я.

— *Вы ведь, кажется, намеревались переезжать из Латвии?*

— Конечно, если б мог, сделал бы это. Но меня в Москве никто не ждет. Более того, еще в феврале 92-го московское правительство рассматривало вопрос о депортации из столицы нежелательных иностранцев, подразумевались я, Коган, другие представители ближнего зарубежья из числа народных депутатов Союза. Поэтому, конечно, московским властям и в страшном сне привидеться не может, что я появлюсь здесь на постоянное жительство.

— *Но есть же законный путь — обмен.*

— Ой, не смешите! Ни один из демократов, которые так поддерживали народный фронт Латвии, что-то не

испытывает желания ехать в царство свободы, образовавшееся на территории прибалтийских республик.

— Как к вам относятся в Риге?

— Сегодня я хожу по городу абсолютно спокойно. Если еще год назад могли быть всякие неприятные инциденты на улицах — с оскорблениями, размахиванием кулаками перед моим лицом, то теперь этого нет.

— Чем вы это объясняете?

— Люди трезвеют, проходит эйфория, опьянение. Все больше и больше становится тех, кто понимает, что их обманули. Прозревают и в России, и в Латвии, и в других местах.

— Ваша фамилия в республике известная...

— Дед мой был личностью очень популярной, до 89-го года он считался гордостью нации. Яков Алкснис перед войной шесть лет служил главкомом Военно-воздушных сил СССР, участвовал в подготовке всех знаменитых чкаловских перелетов, в спасении челюскинцев... 23 ноября 1937 года деда арестовали, на следующий день взяли его жену, мою бабушку. Мой отец остался без родителей, его сначала отправили в Даниловский детприемник, здесь, в Москве, а потом переправили в детдом под Курском. Отцу было десять лет.

Деда моего расстреляли, бабушка провела по тюрьмам и лагерям 15 лет. Отец смог разыскать ее только в 57-м году, после реабилитации. Тогда же мы и переехали в Ригу из Кемеровской области, где познакомились и поженились мои родители, где родились мы с сестрой.

В Риге стоял памятник моему деду, военное инженерно-авиационное училище, которое я заканчивал, носило имя Якова Алксниса, улица была... Теперь все это пошло прахом — памятник снесли, училище расформировывается, улицу переименовали.

— В честь кого на этот раз назвали?

— Даже не знаю, не интересовался... Так что такая история с нашей семьей.

— А родня ваша рижская смягчилась? Было время, она от вас чуть ли не отреклась.

— С сестрой у меня отношения не портились, а более дальние родственники... Недавно позвонил один из дядьев, который полтора года назад в прессе клеймил меня позором. И так между прочим, словно ничего и не было, говорит: «Виктор, ты куда пропал? Что-то зазнался, в гости не заходишь. Приезжай, бутылка стоит». Так что и здесь, как говорил некто Горбачев, процесс пошел. И пошел в позитивном направлении. Не скажу, чтобы с родней все стало благополучно, но ничего, еще не вечер.

— *Жена работает?*

— Она преподает историю в средней школе. Супругу потихонечку начинают выживать, создают неприятную обстановку, хотят вынудить уйти самостоятельно. Причем делают это не коллеги по школе, а районное, городское начальство перекрывает кислород.

— *А дети?*

— С ними пока все нормально, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Ирина и Яков учатся в одном из лучших учебных заведений города — Пушкинском лицее. Они туда не по блату устроены, просто мы живем по соседству. Дочь в 12-м классе занимается, а сын — в 10-м. Вообще с детьми у меня полный порядок. В политических взглядах они полностью на моей стороне, им даже нравится, что наверху вращаюсь. Похвастать перед приятелями можно, с кем отец знаком и дружен. Я спокойно на это реагирую, пусть по-детски пощеголяют.

— *После школы будут уезжать из Латвии?*

— Безусловно. В республике получить образование им не удастся.

БЕСПЛАТНЫЙ СЫР ИЗ МЫШЕЛОВКИ

— *Виктор Имантович, вы обмолвились о том, что вас могут выслать из Москвы, как иностранца. У вас латвийский паспорт?*

— Я гражданин России. В соответствии с принятым в 1991 году законом те, кто родился на территории Российской

Федерации, автоматически становятся ее гражданами. Моя родина — город Таштагол Кемеровской области. И жена, и дети у меня россияне. Латвийское гражданство я даже не пытался взять, учитывая те требования, которые для этого предъявляются.

— *Латышский язык вы знаете?*

— Да, свободно говорю.

— *И дома тоже?*

— Нет, пользуемся русским. Кроме меня, латышским никто из домашних не владеет. Может, и моя вина в этом есть, но... Я ведь в армии служил, а там один язык в ходу. Поэтому упреки, что мы, мол, мигранты, поэтому не уважаем латышскую культуру, ее традиции, абсурдны. Проблемы намного серьезней. Скажем, Рига на 67 процентов заселена русскоязычным населением, естественно, что нужда общаться по-латышски возникает редко. А в сельской местности, понятно, другая картина, и там, кстати, все знают язык. Все от среды зависит, остальное — чушь.

— *Скажите, приезжая в Латвию, вы участвуете в действиях оппозиции, назовем это так?*

— Нет, политической деятельностью в Латвии я не занимаюсь, поскольку пока еще являюсь военнослужащим российской армии, а значит, не могу вмешиваться в общественную жизнь иностранного государства. Контакты, конечно, у меня сохранились, но никаких конкретных акций и шагов я не предпринимаю.

— *Это с той поры, когда вас хотели прищемить за поддержку ГКЧП?*

— Да, на меня пытались дело завести и в Риге, и в Москве. Кстати, я единственный из руководителей депутатской группы «Союз», кого не вызывали на допрос в прокуратуру России. Когда я как-то сказал об этом с гордостью одному из генералов КГБ, тот ухмыльнулся и ответил: «Под тебя глубже всех копали, хотели набрать компромата, чтобы вызвать и уже не отпускать». Ничего из этого не вышло.

— *А что вам инкриминировали?*

— Разное. Чуть ли не в идеологи ГКЧП записывали. Даже проводили расследование, не я ли передал видеокассеты с допросами Язова, Павлова в «Шпигель». Пришить многое тужились. В латвийскую прокуратуру меня в сентябре 91-го года вызвали, но я сказал, что являюсь депутатом СССР, поэтому по повестке не приду. Все, больше не трогали. Пока.

Я ведь никогда не скрывал, что входил в комитет национального спасения Латвии, Этот комитет потом окрестили предвестником ГКЧП. А я не видел и не вижу ничего противозаконного в том, что мы делали.

— *Но вы ведь своих симпатии к ГКЧП не таили?*

— Нет, а зачем? Это мои взгляды, почему я должен их бояться обнародовать? За взгляды не судят, а состава преступления в моих действиях нет.

— *Вы сказали, что являетесь офицером российской армии. Где вы сейчас служите?*

— Сложный вопрос. Я нахожусь как бы между небом и землей. Второго марта 1992 года под впечатлением знаменитого всеармейского совещания, увидев, что единой армии больше нет, я подал рапорт об увольнении. Вначале Шапошников вроде давил, требовал ускорить решение моего ходатайства, но потом дело застопорилось. Тишина. Я числюсь в штабе ВВС северо-западной группы войск, но на службу не хожу, зарплату не получаю, хотя деньги мне исправно начисляют. Однако я считаю себя не вправе их брать, поскольку не заработал.

Я за то, чтобы ясность поскорее наступила. Развязавшись с армией, я смогу требовать те льготы, которые положены увольняемым в запас. Встану на квартирный учет, буду добиваться жилплощади где-нибудь в Подмоскovie, ибо Москва закрыта для меня, я уже объяснял, из-за чего.

— *А пока суд да дело, вы с головой ушли в общественную жизнь?*

— Да, и на скуку не жалуясь. Даю много интервью западной прессе, там меня не забывают. Езжу за границу. В мае 92-го, например, был во Франции, потом в Германии.

В Париже участвовал в форуме «Куда идет Восток?», в ФРГ читал лекции для офицеров бундесвера.

— *И вы не брезгуете брать доллары, дойчмарки? Люди ваших убеждений обычно любят подчеркивать, что они отказываются от всех этих гонораров, так как не продаются капиталистам.*

— Одно дело, когда за лекцию платят пять тысяч долларов, — и дураку понятно, что это покупка, и другое, если сумма исчисляется тремя сотнями марок за три дня, как было со мной. В такой ситуации я чувствую себя морально чистым для получения гонорара — заработал. Хотя были попытки и меня подкупить. В 91-м году пригласило меня одно из ведущих японских издательств, оплатило полет в первом классе боинга, и в Токио хозяева принимали по высшему разряду. Все было шикарно. И так, между прочим, вручается мне подарочек, какой-то сверточек. Причем все это снимается, записывается японскими корреспондентами. В гостинице глянул на презент, а это видеокамера за две с половиной тысячи долларов. Что делать? Я ведь прекрасно понимаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Значит, надо сдавать, я же депутат. Но сдавать в Кремль тоже как-то... Лучше уж использовать на правое дело. Вернулся из Японии и полетел в Ленинград, где публично вручил Александру Невзорову подарок для НТК «600» от японских друзей... Я за рубежом капитал не нажил. На те деньги, которые честно заработал, купил жене электрогриль, дочери какую-то тряпочку... Из Японии, правда, привез видеомагнитофон. Все.

— *А себе?*

— У меня есть слабость: люблю сухое вино. В Германии купил три бутылочки мозельского, привез.

— *Наша страна, кажется, обогатила мир новой профессией — политический борец. Именно борец, а не деятель, к примеру. Борьба, возведенная в абсолют.*

— Да. Я и себя отношу к этой категории людей. Я вечный борец. Даже если мы победим, я останусь в оппозиции, не стану драться за место у кормушки.

— Но это же чистый спорт, а не политика.

— Может быть. Но мне моя роль по душе. Без инакомыслия нельзя. Без оппозиции и альтернативы очень просто скатиться либо к застою, либо к диктатуре. Поэтому и победы нашей я жажду не ради постов.

— Виктор Имантович, о какой победе речь, о чем вы?

— Если взять тысячелетнюю историю нашего государства, то, что происходит сейчас, пустячок, мелочь, заслуживающая одного-двух абзацев в будущих учебниках, не более. Поэтому напрасно вы думаете, будто все свершилось и изменить ничего нельзя. Я тут прочитал в «Независимой газете» статью, автор которой утверждает, что Советский Союз вечен на генетическом уровне. Институт генетики имени Вавилова составил атлас генофонда нашей страны. Оказывается, тот самый советский народ существует. Есть хомо советикус, есть! Сто поколений понадобилось, чтобы образовалась эта общность. Десять тысяч лет! Разве такое разрушишь за семь-восемь годков? Дудки! В 17-м году все это уже было: и независимая Украина, и свободные республики Закавказья. Рухнула монархия, и не стало объективных условий для объединения. Потом большевики собрали всех вместе под коммунистическими лозунгами. За 70 лет удалось создать единое экономическое пространство. И даже с крахом коммунистической идеологии держава не погибнет. Де-юре СССР нет, а де-факто он есть.

— Так все же уточните: по-вашему победа — это что?

— Будет одно государство, и узбек в Юрмале, а латыш в Самарканде смогут вновь чувствовать себя как дома.

— Полагаете, такое возвращение вспять обойдется без крови?

— Очевидно, кровь будет. Боюсь, самые страшные события еще впереди. Приднестровье, Северная и Южная Осетия, Карабах, Абхазия — это дальние раскаты грома. Как бы пол-Европы не полыхнуло огнем. Я отнюдь не ратую за танки и пушки, хотя была возможность решить вопрос силой. ГКЧП имел шанс спасти страну без лишнего

кровапролития. Девятнадцатого августа никто из лидеров тогдашних союзных республик открыто не осудил введение чрезвычайного положения. Исключение — Ельцин и, пожалуй, Акаев. В Прибалтике гэкачеписты практически полностью контролировали ситуацию, без шума и криков были взяты телевидение, почта, вокзалы. И никаких баррикад на улицах, никаких бросков под танки... Гэкачепистов приняли всерьез, а они прошляпили момент. Теперь большой крови не избежать.

Грузия, например, повоюет еще немножко, развалится полностью, что уже бывало в ее прошлом. Россия спасла грузинский народ, когда брат пошел на брата, а сосед на соседа. И сейчас, уверен, приедут в Москву и скажут: извините, мы поторопились. Они уже убили тысячи собратьев, видно, пока мало.

КРЕМЛЕВСКИЕ ИНТРИГИ

— *О Горбачеве вы говорили без симпатии. Что, совсем не нравится?*

— А он не девка, чтобы нравиться. Вообще же я иногда думаю: и за что нас Бог наказал, послав такого правителя? Это же голый король, который долго всем морочил голову. Мне в том числе.

— *Вам приходилось неоднократно общаться с Михаилом Сергеевичем. Поделитесь впечатлениями.*

— Слабак. Просто слабак. Не личность. Если на него давить, можно добиться всего, чего угодно. Сегодня сожалею лишь о том, что мы слабо давили. Этот человек не имел своей точки зрения. Тот, кто крепче на него наседали, и добивался цели.

— *А Ельцин?*

— Его сильное качество — человеческая и политическая воля. Если же сравнивать Ельцина по интеллекту с Горбачевым, то первый, конечно, проигрывает. Зато Ельцин опережает в напористости. Знаете, он как

бульдозер. Беда в том, что у бульдозера заклинили рычаги управления, и он прет не разбирая дороги. Прет явно не в ту степь.

Фактически же страна стала заложницей в споре Горбачева и Ельцина. Ради личных амбиций и жажды власти эти двое поставили на грань катастрофы великую державу. Ельцин ведь не центр, не союзные структуры разрушал, он из-под Горбачева стул выдергивал, чтобы самому на нем усесться. До кресла добрался, страна же горит...

— *И Кремль вам из-за Горбачева и Ельцина не мил?*

— Я ведь человек в политике случайный, попал туда только в 89-м году. Как говорится, из грязи да в князи. Прежде я наивно полагал, что в Кремле работают какие-то особенные люди, они все знают, все умеют, все понимают. А когда столкнулся лично... Дикая ограниченность встречается, сидишь, бывало, и думаешь: кто же тебя пропихнул в Политбюро? Неужели такая серость нами управляла? А те, кто сегодня пришел, думаете, лучше?

— *Но ведь и вы, Виктор Имантович, не святой. Не станете же отрицать, что участвовали в политических интрижках?*

— Да, не стану. Политика — грязное дело, поэтому я всегда следил, чтобы не очень уж запачкаться. Личной выгоды я никогда не преследовал и не извлекал. Ни квартиры, ни машины, как вы знаете, у меня нет. Мои интриги были направлены на одну цель — спасение государства.

— *Чисто по-житейски жалеете, что ваше депутатство досрочно завершилось? Я не о высоких материях, а о прозаичном — льготы, привилегии.*

— Жалею, что теперь лишен возможности ездить, как раньше. Прежде не было проблем с билетами (депутатам положены бесплатные) и с гостиницами (места всегда находили). Политик не может сидеть на одном месте, я и сейчас мотаюсь, но все стало намного сложнее.

— *А с депутатским значком вы что сделали?*

— Когда я прихожу на встречу или еще куда-нибудь, обязательно его пристегиваю. Носить же постоянно уже как-то,

знаете... Трудно сказать, но... На улицах сверкать значком... Я и раньше этого не любил.

— Но в метро бесплатным проездом пользуетесь?

— Нет. Хотя некоторые наши депутаты до сих пор показывают мандаты, проходят — и ничего. Я этого не делаю. Года два назад пару раз попробовал, но нарывался на бдительных контролеров, они требовали дать им удостоверение в руки, долго рассматривали его, привлекая всеобщее внимание. Проще было заплатить. Тогда-то это стоило пять копеек...

— Но и сегодня для вас рубль должен быть суммой, если учесть, что вы давно не получаете свое полковничье жалованье.

— Сложно, конечно, сложно. Приходится жить на накопления, сделанные раньше.

— Виктор Имантович, извините, но неужели обычный полковник Советской армии мог сколотить состояние, позволяющее существовать в наше безумное время? Я не то чтобы сомневаюсь в ваших словах, но все же...

— Я ведь живу скромненько, непритязательно, многого мне не надо. Тяжело разрываться между двумя городами, это да. Вынужден брать часть зарплаты жены. Но я надеюсь, что перемены скоро должны наступить, вот сейчас с армией разберусь и найду источник существования. Варианты есть.

— Но в данный момент вас никто не подкармливает из тех структур, с которыми вы сотрудничаете?

— Нет. В принципе... Хотя все же нет. Я пока не иду ни в какие коммерческие организации и фирмы, поскольку хочу сохранить свое имя чистым. Много проблем из-за того, что с-увольнением тянут.

— С Шапошниковым вам приходилось контактировать?

— Да. И я прекрасно помню, как в мае-июне 1991 года я был у него в кабинете (Евгений Иванович тогда командовал ВВС), и он убеждал меня: «Ну что же вы, депутаты, говорильней занимаетесь? Дайте нам команду — мы всем этим демократам моментально башки поносим». А через два месяца

выяснилось, что маршал Шапошников, оказывается, всегда был за демократию.

— *А свидетели того разговора есть?*

— Конечно, нет, поэтому у маршала все пока нормально.

— *Кстати, я думал, вы компромат сыпать начнете, пачками сдавать демократов. А вы ведете себя довольно сдержанно.*

— Да, у нас есть много на них всякого, но еще не время, не время. Эти факты должны прозвучать в определенной ситуации, которая пока не наступила. Но мыждемся своего часа,ждемся...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОЛКОВНИКА АЛКСНИСА

Два года спустя «Новый Взгляд» опубликовал еще одно интервью Алксниса, в коем он высказал пару прогнозов. Теперь мы можем сами диагностировать, насколько они были адекватны...

«Большая политика — это наркотик, от которого не избавиться... Кто-то сразу играет по-крупному, а кому-то достаточно тени, лишь бы в большой игре, кто-то палит из пушек, а кто-то собирает пресс-конференции, заявляя, что возвращается и будет первым... К какой категории политиков принадлежит Виктор Алкснис, судите сами, а мы, следуя традиции, обо всем спрашиваем, но не комментируем...

— *Виктор Имантович, говорят, вы наконец получили сертификат на приватизацию жилья в Латвии...*

— Неправду говорят. Служебную квартиру я сдал и теперь живу не в Латвии, а в 80 километрах от Москвы, в доме, который построила рижская воздушная армия. Квартиру я получил на общих основаниях. С октября 1992 года я на пенсии. В запасе.

— *Кое-кто, «переходя» на пенсию, начинает новую жизнь. Как у вас с этим делом?*

— Моя жизнь продолжается в том же ключе. Вы просто западных газет не читаете.

— Не читаю. Вы им говорите больше, чем отечественной прессе?..

— Говорю все, что можно говорить.

— Раньше среди единомышленников вы называли господ Бабурина, Павлова, Астафьева, Зюганова и Макашова, а сейчас?

— Я по-прежнему выступаю за консолидацию, но таковой не получается из-за амбиций этих лидеров. Но, несмотря ни на что, мне больше всех симпатичен Сергей Николаевич Бабурин. Это один из немногих порядочных людей в политике. А что касается личностей негативных, то список очень большой. Начиная с Горбачева, Ельцина и так далее...

— Давайте определим другой круг. Анпилов, Баркашов и, скажем, Лимонов...

— Между ними существует определенная разница. Анпилов — лидер наиболее ортодоксальных коммунистов. Баркашов — национал-социалист, а Лимонов — центрист. Что до меня, то национализм не приемлю в любом виде. Делать из Баркашова национального героя — ошибка. Когда он в предвыборной программе пишет, что межнациональные браки должны преследоваться по закону — извините, мне с этим господином не по пути! Я считаю, что он обречен и за ним нет будущего.

— А Жириновский? Чем не народный герой?

— Вы зря иронизируете. Жириновский не так прост, как кажется.

Я знаком с ним с 1990 года и еще раз повторяю — он далеко не прост. Это достаточно серьезный политик, и не все его идеи бредовы и сумасбродны. Посмотрите, он подвергается всеобщему осуждению и нападкам, в частности за свой «Последний бросок на юг». Пресса его клеймит, а Грачев и Ельцин называют Северо-Кавказский военный округ основным ударным округом российской армии. Почему-то Россия усиленно рвется в Закавказье и добивается там создания военных баз. То есть Жириновский озвучивает какие-то идеи, а выполняют их президент и министр

обороны... С кем собирается воевать этот округ на Кавказе? С Саудовской Аравией? Ближним Востоком? А ведь именно это и предлагает Жириновский. Он не так прост, каким вы его себе представляете...

Я очень разочарован его поведением после выборов в Госдуму. Как же можно бросаться грязью, камнями! Чем он еще бросал в Страсбурге? Досталось и журналистам, и окружающей толпе... В общем, всем. Беда в том, что у нас нет общенационального лидера. С ним все было бы намного проще. Я, к сожалению, тоже на эту роль не гожусь. Не обладаю необходимыми качествами. Я не могу послать безоружных людей к «Останкино», хотя понимаю, что, может быть, это и нужно. Сам поехать еще могу, но вот послать...

Выясняется, что кровь — это смазка локомотива истории. Тогда Руцкой послал людей, и сегодня это позволило ему получить определенный политический капитал.

— *Какие же действия могут спасти страну? Может... переворот?*

— Нет! Никаких переворотов. Когда вслед за Шушкевичем окончательно себя похоронит Кравчук, тогда придет очередь Ельцина. Ему не удержать экономику, и будут досрочные выборы, пройдут массовые забастовочные движения...

— *Давайте больше говорить о вас... От чего голова болит (если когда-нибудь болит)?*

— От того же, от чего и болела, — от проблем Прибалтики.

— *У Прибалтики появились проблемы?*

— А они и были. Вы что? Спали последние пять лет?

— *Допустим, спал...*

— Допустим... Не вы один спали и продолжаете спать до сих пор..Сегодняшнее состояние общества — голодный, прерывистый сон. А пока вы спите, определенные круги в Москве намерены использовать опыт Нагорного Карабаха и Приднестровья, чтобы втянуть Латвию в сферу притяжения России, то есть использовать тот же самый сценарий,

который разыгрывался в Закавказье. Латвия, с точки зрения этих людей, — самый благоприятный вариант для осуществления такого сценария.

— Значит, надо рассказать об этих людях и их сценарии. Кто-нибудь услышит...

— Я не хочу полностью раскрывать карты, могу только сказать, что сценарий существует совершенно определенный: пробить коридор «безопасности» по оси Даугавпилс — Якабпилс — Рига с проведением жесткой этнической чистки в отношении латвийского населения и поставить так называемую Латвию на колени. Сами понимаете, это грозит очень серьезными последствиями. Мы можем получить Балканы в девятистах километрах от Москвы. Но источники информации я раскрывать не могу. Заверяю, что они достаточно авторитетные, информированные.

— Вы ждете, когда прольется кровь?

— Конечно, я мог бы вам рассказывать, но зачем? Что от этого изменится? Я Ельцину говорил о прибалтийской проблеме пять лет назад, за два дня до открытия первого Съезда народных депутатов СССР. Бывший зампред Госстроя Борис Николаевич Ельцин принимал меня в своем кабинете. Я привез ему документы из Латвии, в которых говорилось о назревающих этнических чистках и ущемлении прав русских граждан. Ельцин хлопал меня по плечу и отвечал: «Не волнуйтесь, мы не допустим этого. Мы за союз...» Прошел год с небольшим, и Ельцин приехал отдыхать в Юрмалу (он очень любит там отдыхать). Тогда, после выборов, русские просились к нему, испытав на своей шкуре все прелести жизни в Латвии. Он вел активную политическую жизнь, принимал делегации народных фронтов, движений... В общем, всех. Но ни одного человека из русской общины. Ни одного...

Тот день, когда Ельцин прибыл на сессию Верховного Совета Латвии, вышел на трибуну и в своей манере «рубаци-парня» начал петь дифирамбы демократии, достигнутой в этом государстве, был едва не самым тяжелым днем

моей жизни. На сессии он сказал, что все разговоры об ущемлении русских — бред и чепуха, мол, что только сейчас он наконец увидел, как надо строить демократическое государство. И больше всего я хотел бы взглянуть в глаза Борису Николаевичу и спросить: «Как же это понимать?».

Необходимо убедить мировое общественное мнение в том, что проблему прав человека в Прибалтике нужно поднять соответствующим образом. Только мировое сообщество может заставить (я подчеркиваю это слово) правительство Латвийской республики изменить закон о гражданстве и тем самым снять остроту этой проблемы. Иначе, не дай бог, такое начнется! После 31 августа, после вывода последних российских войск из Латвии, национал-радикалы, которые претендуют на места в правительстве, начнут реально выселять русских из квартир. Спровоцируют небольшой митинг, демонстрацию, междусобойчик. Начнут депортацию... В СМИ России раскачают «наших бьют», с палками где-то в районе Пскова соберется несколько десятков тысяч людей и... Это же элементарно организовывается. Не вооруженные силы двинутся в наступление против независимости, а будет как бы стихийное народное возмущение «наших бьют»!

— *Кто же даст команду «стрелять»?*

— Первыми будут стрелять с той, латышской, стороны. Там таких команд отдано уже достаточное количество, и до сих пор все обходилось только чудом. Обошлось пока и с задержанием российских генералов, и с нападениями на солдат и офицеров... Таких инцидентов уже десятки. Пока, к счастью, без массовой резни.

— *Кстати, вы, как и Макашов, считаете, что наших генералов назначают из Лэнгли и Пентагона?*

— Нет. Так далеко еще не зашло. В Москве существуют определенные кланы, которые и продвигают своих людей.

— *Какие кланы? Много их?*

— *Достаточно...*

— *Перечислите?*

— Понимаете, назвать фамилии... Так потом же засудят...

— За что?

— За то, что сказал, как клан Иванова или Петрова тянет своих приближенных туда-то и туда-то. Одно ясно: мы несемся в пропасть...»

АЛКСНИС. POST SCRIPTUM

К выборам 1996 года мы (Издательский Дом «Новый Взгляд») вместе с Международным фондом «Реформа» Мартина Шаккума запустили — с подачи Андрея Ванденко, автора одного из приведенных здесь интервью с Алкснисом, — проект «Моя Газета». Возглавлял еженедельник Андранник Мигранян, публиковавший колонки полковника, которые пользовались успехом у читательской аудитории.

В 2007 году Алкснис двинул в блогосферу. И тут же разразился ЖЖ-срач между заслуженным полковником и резким блоггером-историком Тимофеем Шевяковым, который без всякого респекта обхабалил нардепа в своем дневнике, назвав того патентованным звездоносным мудаком и очередным безграмотным п*****м. И, как изящно принято дефинировать последующее в Сети, «понеслось говно по трубам». Виктор Имантович накатал заявку в Генпрокуратуру: «Дело в том, что я являюсь депутатом Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации и по российскому законодательству приравниваюсь к государственным служащим категории «А». Такая же категория у В.В. Путина, М.Е. Фрадкова, федеральных министров и т. п. В Уголовном кодексе РФ имеется статья 319 «Оскорбление представителя власти», которая позволяет привлечь данного господина к уголовной ответственности». Тимофеем говорил мне, что вынос типичного медиасрача за рамки интернет-разборок, в офлайн, застал его врасплох. Профессиональный мизантроп Максим Соколов вмешался в полемику, заметив: «Вообще-то депутат по природе своей

не является госслужащим и приравнен к ним лишь в смысле материальных льгот, а статья 319 УК РФ наказует лишь оскорбление, нанесенное при исполнении служебных обязанностей, к каковым трудно отнести пребывание в интернете».

И на следующий день оппоненты схлестнулись в эфире молодежного канала O2TV (передача «Политкоктейль»). Основатель и тогдашний хозяин канала Василий Лавров рассказывал мне, что это был самый рейтинговый выпуск за всю историю проекта.

Как бы то ни было, с тех пор полковник ведет два параллельных журнала в Сети. Где достаточно жестко выступает с позиций разумной оппозиции. Типичный пост (сентябрь 2011-го): «В свое время советский агитпроп активно использовал высказывание В.И. Ленина о том, что «каждая кухарка может управлять государством». И четыре года президентства Д.А. Медведева наглядно это подтвердили. Но оказывается, Владимир Ильич на самом деле говорил совершенно другое: «НЕ каждая кухарка может управлять государством». И четыре года президентства Д.А. Медведева наглядно это подтвердили. Как в воду глядел Владимир Ильич...»

ГЛАВА 9.

ГЭКАЧЕПИСТ БАКЛАНОВ

Не уверен, что сегодня (1993 год! — *Е.Д.*) найдется хоть одна газета, которая предоставит свои полосы для развернутой беседы с гэкачепистом. Разумеется, издания, вообразившие себя оппозиционными, — «День», «Правда», «СовРоссия», «Гласность» и так далее — не в счет. А остальным — заподло. Как говаривал незабвенный людовед Евгений Сазонов из клуба «12 стульев», это — дурной моветон. Словом, слабó независимой демократической печати (заметьте, пишу без кавычек) дать трибуну путчисту. Это все равно что перейти рамки дозволенного, нарушить незыблемое. А для «Нового Взгляда» правила не писаны. Читайте, что у нас врожденный дальтонизм, мы не различаем цвета и оттенки: что коричневым, что голубой, что красный — все едино. Главное для «Нового Взгляда» — человек. Поэтому мы и предполагаем опубликовать к открывающемуся 14 апреля (1993 года — *Е.Д.*) процессу по делу ГКЧП серию бесед с теми, кому предстоит сесть на скамью подсудимых. Пусть люди выскажутся. Не все же в одни ворота играть. Более того, по традиции мы никак не станем комментировать слова интервьюируемых. Разбирайтесь сами.

Первый визит — к Олегу Бакланову. Министру общего машиностроения СССР, куратору ракетно-космического

комплекса страны, секретарю ЦК КПСС, заместителю Председателя Совета обороны Советского Союза, члену ГКЧП... Все титулы, как вы понимаете, с приставкой «ЭКС»...

Разговор получился рваный, перескакивающий с одного на другое. Олег Дмитриевич слишком долго молчал. Сделаем поправку на эмоции человека, двадцать дней назад вышедшего на волю после полуторалетней отсидки в «Матросской тишине»...

ПРЕЛЮДИЯ

— Суевериями не страдаете, зэковские тапочки примерить не боитесь? Тогда берите вот эти, теплые... Я в них в камере из угла в угол столько километров отшлепал.

— *Что это за псина грозная у вас за дверью лает?*

— Овчарка. Я вам потом ее покажу. Замечательная собака! Никак не поверит, что хозяин вернулся. Гранд спит в комнате у сына, а по ночам все ко мне бегаёт, проверяет: никуда я не делся?

...Извините за беспорядок в квартире. Сами понимаете, жене пришлось продать кое-что из вещей, пока я сидел. А это мой архив неразобранный, я велел никому из родных его не трогать, у самого же руки до всего еще не доходят.

«ГОРБАЧЕВ ВСЕ ЗНАЛ!»

— *Олег Дмитриевич, вы, пожалуй, самый незаметный из членов ГКЧП. Помню, в августе 91-го одна из западных газет даже по ошибке напечатала фото писателя Григория Бакланова вместо вашего. Вы сознательно стремились оставаться в тени?*

— С 49-го года и до конца 80-х я работал в оборонной промышленности. Мы, создатели военной техники, приучены были не высовываться. Я считал, что есть идеологи, которые все расскажут и покажут, а мое дело не нуждается

в свете юпитеров. Только в «Матросской тишине» я понял, что совершал большую ошибку, избегая прессу. Сегодня я уже другой — готов к контактам, готов говорить правду.

— Тогда давайте «от печки»: Как развивались события, предшествовавшие созданию ГКЧП?

— Восемнадцатого августа вместе с товарищами я прилетел к Михаилу Сергеевичу в Форос. Мы с ним обо всем договорились, все было ясно, а дальше... Горбачев объявил нас изменниками Родины. Вы верите, что я изменник, верите? Я, который... Это гнусная ложь! Горбачев вместо того, чтобы сохранять государство, предпочел спрятаться, уклониться и отсиживаться.

— Вы утверждаете, что поладили с Михаилом Сергеевичем. Между тем, по словам Горбачева, тогда, в Форосе, он обозвал вас мудаками и выгнал вон.

— Горбачев вообще очень много говорит и пишет, он хорошо умеет крутить фактами в зависимости от ситуации. Я не хочу вступать сейчас с ним в заочную полемику.

— И все же: вы в состоянии уверенно заявить, что Михаил Сергеевич заранее знал о планах ГКЧП?

— Не могу сейчас ответить вам, тут есть некоторые тонкости.

— Но вы же сами продекларировали готовность говорить правду.

— Ладно, если коротко, скажу: Михаил Сергеевич обо всем знал. Он был крестным отцом всех последующих событий.

— В том числе ведал и о списочном составе участников ГКЧП?

— Нет, но он знал, что все его ближайшее окружение поддерживает меры по наведению порядка в стране, сохранению государства.

— Словом, согласием президента вы заручились?

— Вот смотрите: прилетаем мы в Форос, рассказываем ситуацию, каждый о своем участке работы. Беседа идет откровенная. Михаил Сергеевич со всем соглашается,

говорит: сейчас подпишу телеграмму, чтобы собрать Верховный Совет. И тут же добавляет: видите, хвораю, радикулит замучил, но я поставил врачам задачу привести меня в порядок, если нужно, пусть хоть ногу отрезают, однако я обязан быть в Москве. Вместе с тем с нами президент не полетел. Мог он и пригласить товарищей в Крым — того же Бориса Николаевича, например. Вместо этого Горбачев запретил нам трогаться с места.

— *Тогда в Форосе шла речь об обеспечении президенту алиби?*

— При мне об этом не говорили, позже я слышал, что вроде бы Владимир Александрович Крючков предлагал Михаилу Сергеевичу какой-то отходной маневр.

— *Еще раз повторю вопрос о поименном списке членов ГКЧП...*

— Да не было тогда никакого списка в помине!

— *Но ведь после в воспоминаниях Раисы Горбачевой фигурировала какая-то бумага с фамилиями.*

— Ну да, Горбачев спрашивает у нас: Язов поддерживает введение чрезвычайного положения? Мы отвечаем положительно. Михаил Сергеевич записывает, называет следующую фамилию.

— *Тем не менее вы не заводили разговор, что утром будет обнародован указ о болезни президента и, следовательно, о том, что бразды правления будут переданы в руки Геннадия Янаева?*

— Отдельные детали обсуждались с Михаилом Сергеевичем, но вы поймите главное: у нас не было намерения отстранять от власти Горбачева. Мы думали только о наведении порядка в стране.

Что же касается конкретно участия или неучастия в предполагаемых событиях Михаила Сергеевича, то он, безусловно, всех нюансов не знал. Однако это никоим образом не оправдывает его дальнейшего поведения, а по сути — самоустранения. Надо сказать, что в своих действиях Горбачев руководствовался только ему ведомыми

соображениями и мотивами. В нем, скажем, был очень силен дух конкуренции с Борисом Николаевичем. И сегодня неприятно вспоминать, как он настраивал всех против Ельцина. Может, и в ситуации, возникшей к 19 августа, Президент Союза усматривал для себя какую-то выгоду? Не хочу гадать.

Вот вы спрашиваете: знал ли Горбачев о готовящемся ГКЧП или не знал? Но если мы до того десять раз с ним обсуждали, что необходимы чрезвычайные меры для спасения страны, и приехали сказать в одиннадцатый раз... Не требовать же нам расписку с президента о согласии?

— *Если сказанное вами будет подтверждено на суде фактами, а также другими показаниями, Михаилу Сергеевичу придется на процессе несладко. Он и так из разряда потерпевших уже переключался в свидетели...*

— Я не кровожаден и не ставлю цель засадить Михаила Сергеевича, хотя, безусловно, считаю, что он нарушил президентскую клятву. О преданной им партии я уже и не говорю...

АРЕСТ

— *Находясь в «Матросской тишине», вы настаивали на очной ставке с Горбачевым?*

— Да, но мне без объяснения причин было в этом отказано. Лишь потом мой адвокат узнал, что, оказывается, против встречи возражает Михаил Сергеевич. Кстати, Горбачев не дал мне возможности выступить и на Президиуме Верховного Совета СССР. Я ведь являлся народным депутатом, но меня не пустили на заседание в Кремль.

— *То есть как?*

— Запретили по распоряжению Михал Сергеича. Двадцать второго августа я вызвал машину и попытался проехать на территорию Кремля, но меня остановили. Вынужден был разворачиваться и ехать на Старую площадь в свой второй рабочий кабинет. Позже мне стало известно, что

голосование на Президиуме Верховного Совета о лишении меня депутатского иммунитета не проводилось, все решили заочно, короче, и арест мой был незаконен.

Вообще, все это выглядело достаточно нелепо. Двадцать второго я сам отправился в Прокуратуру России, поговорил со Степанковым, а потом начался какой-то детектив: в половине третьего ночи меня приехали арестовывать... Зачем устраивали этот спектакль?

— *Какую тактику вы предполагаете избрать на суде?*

— Мне надо говорить только правду. Я не изменник Родины — это и собираюсь доказать.

Вы говорите о суде, а кто станет отвечать за убитых и раненых, за беженцев, что оказались жертвами международных конфликтов? Не мы этого хотели, мы стремились установить в обществе гражданский мир и порядок. Нам не дали это сделать, вот и пускай несут ответственность люди, развалившие Советский Союз. Мне же каяться не в чем.

— *У вас на столе звезда Героя Социалистического Труда — за что?*

— Это муляж, настоящую звезду, как и другие награды, у меня изъяло следствие — опять же незаконно. А звание Героя мне присвоили за участие в разработке ракетного комплекса, который по сей день стоит на боевом дежурстве и служит противовесом аналогичному американскому комплексу... И после этого у кого-то поворачивается язык назвать меня врагом народа?

Понимаете, мне трудно говорить, я не оратор и не политик. Я всю жизнь проработал с техникой и в секретари ЦК пошел только потому, что продолжал курировать те отрасли промышленности, которые хорошо знал. Поэтому все те манипуляции, что накручивались и продолжают накручиваться вокруг ГКЧП, мне зачастую неясны. Хотя и для меня очевидно, что нас ловко использовали в своей игре определенные силы, говоря попросту, нас умело подставили. И тем не менее, повторяю, я не желаю

никому зла — ни Михаилу Сергеевичу, ни всем другим. Единственная моя цель — способствовать установлению гражданского мира.

В «ТИШИНЕ»

— Я знаю, что вы вели в «Матросской тишине» дневник. Какие записи делали?

— Быстро убедившись, что дело против нас шито белыми нитками, я стал критически его анализировать. Подтасовок, передергиваний очень много. Совершенно очевидно, что изначально выполнялась горбачевская установка, потом, когда следствие попало под контроль российских властей, были сделаны соответствующие коррективы. Без изменений остался только обвинительный уклон следствия.

— Свои дневники вы собираетесь издать в качестве мемуаров?

— Да, уже идут переговоры.

— Наверное, книга увидит свет за рубежом? Теперь многие так делают.

— Считаю, мои дневники — мировое достояние.

— Словом, издавать будете на Западе?

— Не стану против этого возражать, но сначала книга выйдет в России. Постараюсь подгадать к моменту начала судебного разбирательства. В этих мемуарах речь не только о ГКЧП, но и о мировоззренческих вопросах, о жизни вообще. Мне ведь приходилось встречаться со многими замечательными людьми, выдающимися учеными.

— Обстановка в обществе сегодня далеко не та, что ранней осенью 91-го. Вынести вам обвинительный приговор будет намного сложнее, если вообще возможно. Вы допускаете ситуацию, при которой покинете зал суда победителем?

— Я не хотел бы быть ни победителем, ни побежденным. Лучше бы нам всем прекратить эти политические игры, поиск врагов в собственной стране и заняться настоящим делом — работой на благо Родины.

— Поскольку вы ни в чем не собираетесь каяться, значит, и идею ГКЧП не считаете порочной. Будь у вас возможность, повторить еще раз с этим комитетом, пошли бы на это?

— И без нас уже повторили. В Ставропольском крае в районе Чечни. Не дай бог, если еще где-нибудь опыт подхватят.

Вот мы говорили о планах ГКЧП. Понимаете, не строили мы далеко идущих проектов. Конечно же, нашей ошибкой было то, что ввели войска в Москву. Это сразу соответствующим образом настроило людей.

Не знаю и того, почему так с Ельциным получилось. Со многими руководителями республик существовала договоренность — это и в материалах дела есть, а вот с Борисом Николаевичем что-то не заладилось.

— А его заранее ставили в известность?

— Нет. Заранее вообще ничего не было, поймите. Мы не собирались устраивать какой-то заговор, переворот, поэтому никаких сценариев не разрабатывали. Мы в самом деле не намеревались захватывать власть. Если уж на то пошло, задумай мы переворот, первым делом определили бы между собой лидера.

— Ну а Геннадий Янаев, взявший на себя исполнение обязанностей Президента Советского Союза?

— С моей точки зрения, не был Янаев никогда таким лидером. Да и у него самого стремления стать им, кажется, не возникало.

— И тем не менее какое-то перераспределение портфелей в высших эшелонах власти вами предусматривалось?

— О чем вы говорите? Мы совсем о другом думали. Когда события стали развиваться драматическим образом и в ночь на 21 августа погибли трое молоденьких ребят, я поехал к Владимиру Александровичу Крючкову и сидел у него до трех часов утра, пока тот не связался с Ельциным и не достиг договоренности о недопущении нового кровопролития.

Если помните, еще до августовских событий войска в Москву вводились дважды. Кажется, на 23 февраля и перед съездом российских депутатов. Тогда оба раза Горбачев

находился в столице, и в обоих случаях крупных эксцессов удалось избежать. В августе же получилось по-иному, возможно, это и сыграло роковую роль в дальнейшем развитии событий.

Но как бы там ни было, я и сегодня не стесняюсь сказать, что армия выполняет свою стабилизирующую функцию. Когда обстановка накалена, это самая дисциплинирующая сила. Вот ведь и сейчас в Москве введено совместное патрулирование улиц в ночные часы милицией и военными. Ну и что? Не кричать же теперь, что демократия в опасности?

НА ВОЛЕ

— *Об аресте вы, Олег Дмитриевич, рассказали, а как вас отпустили из «Матросской тишины»?*

— Был очень эмоциональный момент, я страшно разволновался. Хотя и ждал со дня на день освобождения, но все случилось неожиданно. Приехал адвокат, быстро оформили бумаги и — домой. Ехали вместе с Тизяковым, нас отпустили столь стремительно, что жена Александра Ивановича даже не успела приехать за ним из Свердловска.

А потом пошли телефонные звонки, поздравления.

— *Откуда звонили?*

— Из Харькова, Киева, Омска... Очень много звонков.

— *Ваш адвокат Алексей Шмырев рассказывал мне, что арест больно отразился на членах вашей семьи.*

— Куда уж больнее! Лилия Федоровна, супруга, в день моего задержания с инфарктом угодила в больницу, где пролежала четыре месяца... Поверьте, мне и сегодня трудно об этом вспоминать...

Я долго ничего не знал о беде, приключившейся с Лилей. От меня скрывали, что она в больнице. Конечно, я догадывался: что-то не так, хотя сын и невестка, ходившие ко мне на свидания в «Матросскую тишину», старались успокоить. Знаете, там, в СИЗО, мне было значительно легче, чем им здесь.

— Почему?

— Что я? Мужик должен быть приучен трудности молча сносить. Пусть у меня даже жизнь заберут — не жалко. А родные за что страдают?

— *Что, не только Лилии Федоровне досталось?*

— Не могу утверждать наверняка, но тем не менее факт: моему сыну, капитану милиции, пришлось уйти из органов внутренних дел. Дмитрию достаточно прозрачно намекнули, что в его услугах больше не нуждаются. Сын занимался борьбой с наркоманией и наркобизнесом, вроде был на хорошем счету, а тут... Впрочем, в этом вопросе я, конечно же, пристрастен и, поскольку не знаю всех деталей ухода Дмитрия из МВД, воздержусь от конкретных обвинений и претензий.

— *Где сейчас работает сын?*

— Перебивается в каких-то коммерческих структурах.

А вообще, конечно, эти полтора года ни для кого не прошли бесследно. За что действительно корю себя, так за то, что таким испытаниям подверг близких.

— *А вы сами как это пережили?*

— Я человек крепкой закалки. Еще в детстве я оказался под фашистской оккупацией на Украине, всякого насмотрелся, так что меня тюрьмой не испугаешь. В быту же я всегда был достаточно неприятозателен, поэтому физические лишения переносил безболезненно. Кроме того, я по складу такой человек, что из любой ситуации стараюсь извлечь максимальную пользу. Время, проведенное в «Матросской тишине», я использовал для того, чтобы поразмышлять о собственной жизни. Недавно прочитал у Иосифа Бродского, что за суетой будничных забот мы редко задумываемся о смысле бытия. У меня появилась возможность проанализировать прожитое. Знаете, мне не стыдно смотреть в глаза людям.

Деревья свои я посадил, причем не какие-то фигуральные, а самые настоящие деревья. Дома я строил. Я осваивал хозспособ задолго до того, как это стало модным. Я не

себе дачи возводил, а квартиры людям. В 70-е годы такая хозяйственная самостоятельность граничила с нарушением закона, но я сознательно на это шел, сдавая по 300–400 квартир для работников своего завода. Когда говоришь это о себе, всегда звучит высокопарно и нескромно, но это суцая правда: я всегда заботился о людях, все готов был сделать ради них. Что еще? Ракеты, созданные с моим участием, летают, оборонные комплексы Родину защищают.

— *На какой исход суда вы рассчитываете?*

— Надеюсь, что правосудие будет правым, справедливым, хотя особых иллюзий и не строю.

— *Вы же понимаете, оправдательный приговор будет означать поражение тех сил, которые праздновали победу в августе 91-го. Вряд ли это допустят.*

— Если процесс не превратят в политический фарс и судить будут по закону, то у нас есть все основания думать о снятии всех обвинений.

— *И все-таки вы, Олег Дмитриевич, морально готовы к тому, чтобы снова сесть за решетку, если того потребует суд?*

— Я готов и жизнь свою отдать, если это хоть как-то послужит на пользу моей Родине. Впрочем, сказанное не означает, что я покорно подчинюсь насилию, неправому суду. Я же могу объявить голодовку, избрать иные методы борьбы. Нет, сдаваться я не намерен. Главное мое оружие — правда!

БАКЛАНОВ. POST SCRIPTUM

Председатель Совета директоров корпорации ОАО «Рособщемаш» свою работу характеризует так: «Я пытаюсь противостоять тому разрушению, которое происходит в ракетной технике. И моя функция заключается только в том, что я прихожу на радио и говорю: «Не надо так делать. Не надо ничего разрушать. Надо строить, а не разрушать». Надо больше совокупных средств, которыми располагает государство, направлять на научно-технический прогресс.

То, что сейчас, почему-то называют инновациями. Ну, инновации. Какая разница, слово такое или слово другое. Главное — смысл. Я по природе оптимист. Я считаю, что в Средневековье мы не выпадем. Человечество в конце концов встанет на путь познания и микромира, и макромира. Вот почему сейчас в Европе вместе с нашими учеными создается механизм познания микромира. Потому что и микромир, и макромир где-то сходятся в конечном счете. Сойдутся — мы будем знать каждую клеточку этого чуда».

Увлекается игрой в шахматы, бильярдом и, как и положено советской номенклатуре, охотой.

В 1998 году, не дотянув совсем чуть-чуть до 90, умерла мать Олега Дмитриевича — Галина Иосифовна Бредунова. У них с супругой (в девичестве Саенко Лилия Федоровна, 1937 года рождения) сын — Дмитрий Олегович Бакланов (1959 года рождения) и внучка Лилия (1980 года рождения).

ГЛАВА 10.

ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА

ВИТАЛИЯ КОРОТИЧА

Перед отъездом Виталия Коротича в США (осенью 1991 года) я записал с экс-боссом «Огонька» достаточно пространное интервью. В середине декабря 91-го Виталий Алексеевич приезжал в притихшую столицу нашего разваливающегося государства. К сожалению, легендарный реаниматор «Огонька» отказался дать интервью «ВИДУ» в Шереметьево. Заметив: «Получится: вы здесь патриотически голодаете, а Коротич в очередной раз сваливает в Америку?» Пожалуй, он был прав. У нас не любят, когда кому-нибудь хорошо (или, во всяком случае, неплохо). Хотя... Виталию Алексеевичу довелось повоевать на своем веку. На сотню редакторов хватит, по-моему. На днях (напоминаю, это 1992 год. — Е.Д.) я позвонил в Бостон. И мы договорились, что бывший шеф самого перестроечного из журналов берется стать собкором газеты «Новый Взгляд» в США.

— *Вы упоминали в нашей беседе о ненависти, а я знаю, что у вас была книга под названием «Лица ненависти».*

— Это была для меня очень важная книга. Вы знаете, у меня есть такая вот традиция — отвечать за все, что я сделал. Поэтому я ее переиздал в 87-м (или 88-м) году еще раз.

Здесь. Это книга о 1982 году. Очень страшный год. Я был тогда в Америке. Она была на грани войны. И мы были на грани войны. В США как раз вышел «Рэмбо», вышел знаменитый фильм «Америка». Рональд Рейган говорил об империи зла. В это время люди в Америке, с которыми я позже стал дружить (Генрих Смит, Роберт Скайзер), писали о России. Генрих Смит написал книгу о том, как тяжела и сложна Россия и как она переполнена злостью и безысходностью. Я же написал книгу о ненависти, которая впитывалась, вкачивалась в Америку. Книгу там знают. Она выходила на испанском, французском, английском. И книга для меня осталась важной до сих пор. В Америке (в 1990 году) я проводил семинар по теме ненависти. Если в стране воспитывается ненависть, то надо или начинать войну, или не заниматься этой ерундой. Мое мнение. Потому что, если ненависть не воплощена в войну, она взорвется внутри страны! Америка начала это ощущать. Ненависть, направленная на нас, но не воплощенная в реальные взрывы, начала взрываться там. Сегодня Америка уже успокоилась. Сегодня, мне кажется, должны успокоиться и мы. Это одна из главных моих тем: «Исследование философии ненависти и то, что она с нами наделала».

— *Что будет с вашим депутатским статусом? В связи с тем, что вы будете большую часть времени, насколько я понял, проводить все-таки за границей?*

— Во-первых, что я сделал. Я организовал сейчас в Харькове (где я был депутатом) большое пожертвование от американских церквей на постройку госпиталей для лечения пострадавших в Чернобыле; помог организовать в Харькове огромный Международный моцартовский фестиваль-концерт. Что еще я сделал? Связался с губернатором штата Огайо (у них два танковых завода) для проведения совместной конверсии с харьковским заводом им. Малышева (где делали танки). И шесть директоров харьковских оборонных предприятий посетили США. Короче, я занимаюсь этим. Все-таки я буду в Харьков приезжать. Тут свято. Хоть,

честно говоря, страны, которую представлял Верховный Совет СССР, уже нет. Я представляю Украину, живя за ее пределами. Может быть, я даже больше могу сделать там (в США), чем здесь. Здесь я обращался с письмами. Кого-то освободил, что-то еще сделал. Я был в Харькове, все честно рассказал, была большая встреча с избирателями, выступил по местному радио и телевидению. Вот так вот и сказал: «Ребята, пока что я ваш. Потому что вы — это конкретная точка на карте мира».

— *Виталий Алексеевич, вы не боитесь повторения переворота, но теперь настоящего путча полковников, которые все сделают грамотно и более решительно?*

— Я боюсь вот чего. В стране — то ли умышленно, то ли по глупости — создается инфраструктура будущего переворота. Сейчас миллион человек, в среднем, партийных работников вышвырнуто. Это где-то с семьями — три-четыре миллиона людей. Многие политработники армейские выкинуты на улицу. Это здоровые, с хорошими связями, серьезные люди, которых разогнали. В Киеве — Военно-политическая академия Военно-морского флота. Во Львове, в других местах есть училища. Эти ребята не виноваты, что их там учили. Сегодня они — никто. Нарастают производственные и продуктовые трудности. Завтра может случиться, что люди выйдут на улицы. Наша страна все время жила в условиях страшного изоляционизма. Мы жили таким образом, что если делается автомобиль, то части для него производятся там, там, там — внутри Советского Союза. Весь мир летает на боингах, мы летаем на своих. Весь мир смотрит видеоманитофоны производства Японии, Южной Кореи, а мы свои делаем. У нас в пять-шесть раз больше номенклатура производства товаров, чем в США! Мы все — от зубных щеток до ракет — делаем сами. В этом смысле очень страшна сегодняшняя дезинтеграция. Харьков один из главных центров военно-промышленного комплекса. Заводы там закрываются, завтра десятки тысяч людей выйдут на баррикады. Купить

все комплектующие детали, которые недопоставили Грузия, Украина, Литва, невозможно даже в Швейцарии. Потому что это уникальные детали. Сегодня дезинтегрированный Советский Союз стоит на грани взрыва. У этого взрыва будут хорошие лидеры. И такие фашистики вроде Жириновского. И бывшие коммунистические партработники. Злые. Которые понимают, что в случае развала они могут опять оказаться той единственной силой, которая будет реставрировать свою власть. Я боюсь фашистского переворота, я боюсь того, что нам угрожает не только чилийский вариант (полковничий путч). Я почему-то думал, что у нас будет так: вот такие Алкснисы, Петрушенки делают свое дело. Быстренько пересажают, перетолкут тех, кто им не нравится. Через месяц-два генералы сделают следующий переворот. Арестуют этих придурков, будут их судить, расскажут всему миру о том, как демократическим принципом в стране реставрированы и победили. Но страна уже будет тихая: Здесь тысячам пяти заткнуть рот, и — «все в порядке». Я вот этого боялся. Но теперь, когда произошел этот идиотский опереточный путч, я боюсь уже Жириновского. Боюсь фашистов. Боюсь того, что было в Германии в 1933 году, когда просто дали ребятам сначала рубашки, потом сказали, что жида все украли. Они пошли бить это подлое племя. После этого им сказали, что виноваты капиталисты (кооператоры по-нашему). Они пошли побили их, а потом: «Сегодня вам принадлежит Германия, а завтра весь мир». Вот этого я боюсь. Они где-то уже топчутся. Одна из телекомпаний западных прислала за мной автомобиль, чтобы я им вечером дал интервью. Меня вез водитель, и я ему сказал: смотри какой хороший автомобиль. Удобней, чем на нашем ездить? — Да если бы нам, — опять же сказал про это подлое племя, — не мешали, то мы такие бы автомобили сделали! Лучше! За год! Жида же нам ничего не дают делать. — Правда? — спрашивал. — Не дают совершенно? А может, пустим к нам Форда, чтобы он у нас развернулся? — Нет, мы своего не отдадим.

Я уже несколько раз на наших улицах встречался с этим. И относиться к этому иронически нельзя. Это серьезная опасность. 17-й год? Когда вышли сначала женщины, стуча ложками в пустые кастрюли на улицах Петрограда, а за ними и армия стала разбегаться. Мы стоим перед тем же самым. В Первую мировую войну солдаты просто взяли и пошли домой. Сегодня солдаты пошли по своим республикам, в свои национальные армии. Повторится один к одному то, что было в момент свержения Временного правительства, и я очень боюсь новых большевиков. Вот, собственно, почему надо страну накормить. Я везде на Западе об этом кричу. Встречался с Бейкером, с Чейни (министром обороны США. — *Е.Д.*). Говорил одно: денег нам не надо. Если вот удастся предотвратить общими усилиями социальный взрыв, не дать возможности провокаторам разгуляться, то мы будем спасены. И мы, может быть, возвратимся в человечество. Смотрю на Тверскую. Я так представлял себе нэп. Нищие какие-то, первые лоточники. Так это начиналось, наверное. Если не подавить это сейчас, то к весне начнет разворачиваться. Может, приватизируются предприятия. Может, продадим что-то. Может, у нас кто-то купит наши автозаводы. Я говорю эти вещи, которые могут показаться кощунственными. Но в Америке около трехсот миллиардов иностранной собственности, и Америка продолжает существовать! А у нас ни копейки. Нефтепроводы текут, дома заваливаются, но все — наше. Вот нашелся бы какой-нибудь глупый, кто купил бы отель «Россия» (мы беседовали сидя в моей машине напротив гостиницы «Россия», где директор телекомпании «ВИД» Саша Горожанкин снимал нам «горбачевский» люкс под редакцию. — *Е.Д.*), то была бы, может, хорошая гостиница. Вот об этом я говорю. Поэтому я боюсь фашистского переворота. И я не понимаю того железного спокойствия, с которым мы смотрим на все это. Сегодня надо начать работу с политработниками и с бывшими аппаратчиками. Далеко не все они — злодеи. Больше того, последнее время туда брали много хороших молодых ребят.

Из газет, журналов. Я встречал нескольких после августовских событий. «Я безработный, я враг, ты не боишься со мной разговаривать?» Примерно такие речи. Нужно что-то делать, чтобы мы не создали вот этой базы грязного, гнусного бунта с маленькими фюрерами. Из которого потом будем выползать с кровью, с большой кровью.

Можно сказать, что в каком-то смысле сбылась мечта большевистской пропаганды о том, чтобы мысли о нашей замечательной современности преобладали над всеми другими мыслями. Мечта эта, впрочем, сбылась в условиях запрета большевистской партии, так что нет худа без добра. И все-таки, изнемогая в заботах о хлебе насущном, мы нет-нет, а обращаем свои взоры к той жизни, интересы которой хлебом не исчерпываются. Есть ведь, должна быть еще и такая жизнь...

Задумывались ли вы над тем, что будут читать наши внуки? Если они вообще будут читать... Я вспомнил недавно много стихов и всяческой прозы, которую изучал в школе несколько десятилетий назад. Вспомнил и подумал, что обладаю уникальным знанием, потому что этих книг не будет читать больше никто. И непременно к заучиванию наизусть стихов Маяковского о советском паспорте учить больше не будут. Я очень не уверен в том, что Николая Островского и Александра Фадеева будут учить подробно, с биографиями и с отрывками из произведений, обязательными к запоминанию наизусть.

Скончалась огромная цивилизация. Нелепая, измазанная в крови и грязи, но создававшая и создавшая систему ценностей, которая рухнула вместе с ней. Благополучно скончались фильмы о героической пограничной собаке Джульбарсе и ее пограничнике, которые никого не пропускали в Советский Союз, оглохла песня о том, насколько «широка страна моя родная», и не играют больше марша авиаторов, рожденных, чтоб сказку сделать былью. Выяснилось, что марш этот нота в ноту тождественен гитлеровскому маршу. Бог знает что.

Сейчас, сидя на пустыре разрушенных иллюзий и еще только осваивая общечеловеческие критерии, мы очень трудно переживаем свое вхождение в одно культурное пространство с остальным человечеством. Это очень тяжелый шок, но придется пережить его. Нам еще многое предстоит пережить. Слишком долгой была наша выдержка внутри собственной неповторимой эпохи и внутри знания, что, «как известно, вся земля начинается с Кремля».

Мы не знали много чего, если сами не прилагали усилий к полулегальному знанию о мировых событиях и мировом искусстве, за добрые (или недобрые — как хотите, так и зовите) пять-шесть десятков лет. Теперь будем наверстывать. Если сможем.

А наверстывать всегда трудно. Помню, когда-то я перевел стихи великого поэта нашего века Томаса Стирнса Элиотта, и редактор спросил у меня: что это значит, когда поэт говорит: «Тебе, любимая, принесут мою голову, как голову святого Иоанна, на блюде»? Он, бедный, никогда не читал Библии, да и откуда, если русскую Библию можно свободно купить в городе Бостоне, штат Массачусетс, а в городе Москве потруднее, а недавно и вовсе нельзя было. Это уже отставание не в одну книгу, а в целый культурный слой...

Впрочем, слоев этих много, и не все просто с ними.

Сын, приехав ко мне в Бостон, сообщил своим здешним сверстникам, что в Москве американские фильмы идут на всех перекрестках. Перечислил два названия, три, пять — американцы переглядывались и пожимали плечами. Постепенно выяснилось, что у него было какое-то одно американское кино, а у них почему-то другое. Точно как во времена моей молодости, когда мы знали, что лучшие американские писатели — это Альберт Мальц и Говард Фаст, а за океаном предпочитали почему-то Эрнеста Хемингуэя и Уильяма Фолкнера. Кстати, опережая ваш вопрос, скажу, что в бостонской видеотеке — одной из многих, просто в той, услугами которой пользуюсь я, — есть несколько десятков советских фильмов: от

эйзенштейновско-пудовкинской классики до новейших. Иначе и быть не должно.

Киноэкраны всего мира, книжные полки мира давно уже дружат. От Токио до Берлина, от Сиднея до Чикаго и Монреаля люди примерно в одно время смотрят те же фильмы и читают те же самые книги. Информация, в частности культурная, объединяет людей на уровне общих критериев и общего знания; провинциализм давно уже признан одним из главных зол XX века. Выйти на уровень общечеловеческих достижений, сохранив национальные культурные ценности, — задача важная чрезвычайно, и ее уже научились решать во всем цивилизованном мире. Теперь-то мы с вами знаем, что у советской власти с первых дней задача была явно противоположной, и не случайно начала она с уничтожения слоя великой российской интеллигенции, которого не восстановить и в столетия. Рвались наши связи с миром, все замыкалось внутри страны, угрюмо погружающейся в собственное средневековье.

Я говорю об этом потому, что за последние годы наш культурный отрыв не сократился серьезно: просто он стал другим. Я говорил здесь об американском кино как об одном из отсеков мирового искусства — мы ведь и европейского кино толком не знаем.

Привычка обходиться суррогатами одинаково опасна и для мозгов, и для желудка, потому что уродует систему восприятия и зачинает завтрашние болезни. Я говорю об этом, потому что мы по-прежнему отделены от остального человечества множеством барьеров, и назвал я только один из них. У нас еще нет привычки к общению. У нас не созданы возможности для общения. Нас очень долго отучивали от человечества. Наш человек еще не может вот так просто взять паспорт и поехать за рубеж, потому что и билет купить негде, и денег нет, и паспорт зачастую негде взять. От нас в большинстве стран требуют визы, так же как мы от всех требуем визы на своей границе. Пока мы разделяемся, мир объединяется, Западная Европа становится, по сути,

едиными европейскими Соединенными Штатами, а у нас, извините, даже Чечено-Ингушетия видит свое счастье только в отделении от всего света. Вон, даже Татария желает выгородиться прямо внутри России, и боюсь, что на этом процесс далеко еще не закончен.

— А как вы ладите с эмигрантами?

— Когда-нибудь я напишу книгу про эмигрантов. Удивительная это все-таки часть человечества. Распроцавившиеся с местами своего рождения, они тем не менее тянут, как бечеву, прежние привязанности и привычки. Почти по каждому эмигранту нетрудно высчитать, кем он был в прежней жизни или кем хотел стать.

Мне позвонил в Бостоне знакомый по Киеву, улетаю в Америку, он взял у моей жены номер телефона. «Во трепачи! — сказал мне киевский знакомый. — Наобещали черт знает чего, а здесь дали какие-то продуктовые марки и одну комнату на всю семью. Врали, что ждут, что помогут...» Я деликатно поинтересовался, а на что, собственно, он рассчитывал, эмигрируя, и кто обязан давать ему больше. Мой собеседник еще немного помычал, еще раз ругнул Америку и повесил трубку.

Через полчаса позвонила его супруга. «Америка — великая страна, — сказала она мне. — Не всякий сразу понимает это, но уже вначале видно, что лишь в Америке человек может быть по-настоящему счастлив...» «Никто тебя здесь не подслушивает, — сказал я. — Уймитесь вы оба. Поживите немного, разберитесь, что к чему. Просто это другая жизнь...» «Ты точно знаешь, что не подслушивают? — спросила моя собеседница. — А то мой дурак наболтал всякого. Возьмут нас теперь и вышлют...» «Не вышлют», — успокоил я.

Нельзя избавиться от акцента, если ты в молодости говорил на одном языке, а затем перешел на другой: гортань уже сформировалась, и ты выговариваешь так, а не иначе. Люди медленно отвыкают от своей молодости, люди волокут ее на себе. Но при всем при том в России, и не только в ней, всегда находились люди, в особую доблесть возводившие

умение отдышаться исключительно в спертom, но родимом воздухе. Любую попытку надолго пересечь пределы отечества приравняли, бывало, к измене, полагая, что пример других, более устроенных жизнью может навести на мысли непатриотические. Недавно я наткнулся на категорическую формулу в сочинении Валентина Пикуля, одного из самых убежденных певцов русской исключительности, которого сегодняшние суперпатриоты из «Памяти» возвысили до ранга пророка: «Русские по заграницам не бегали. Худо ли, бедно ли, но свою проклятую житуху они пытались налаживать у себя дома, а прелести иностранного бытия их не прельщали...».

Советский Союз с его законами был, кроме всего прочего, страшен тем, что лишал большинство уехавших возможности возвратиться. «Ах, ты уезжаешь, такой-растакой?! Скатертью дорога! Мы и без тебя тут...»

Может быть, человек бы и не хотел, чтобы без него. Может быть, он бы огляделся и возвратился, как это делали тысячи его соотечественников в докоммунистические времена. Но исход из Советского Союза — это навсегда, это на веки вечные, это особенная психология и это ностальгия. Ностальгия возникает лишь там, где продаются билеты только в один конец. Когда человек свободен в передвижении, он болезненной тоской по родине не страдает и не выдумывает себе биографий, привлекательных только за рубежом. Российские путешественники трагичнее всех прочих, потому что многие из них уезжают в свои боль и обиду — невозвратно, обиженно, униженные стоянием в отъездных очередях и репутацией то ли предателя, то ли невесть кого. А ведь им и без того нелегко. Эмиграция, даже просто приезд в чужую страну надолго, обрывает все прежние социальные связи, ты бесприютен в среде, где у каждого свое собственное место, а у тебя еще нет никакого. Если ты уехал с прежними друзьями, они тоже меняются, входят в новые горизонты и панорамы, а ты с ними пробуешь по-старому, да они уже не хотят...

Для тех, кто уезжает работать вдали от дома, важно обладать хорошим умением и крепким характером. И железным желудком, потому что чужая страна — это еще и чужие еда, вода, время...

В Америке надо непременно обладать рефератом — характеристикой на себя самого, и люди выдумывают новые биографии: присваивают себе статус борцов, пророков, профессоров, предлагают книги собственных воспоминаний о том, с кем довелось накоротке пообщаться. Странно лишь, что мировая элита, упоминаемая в таких книгах, никогда не вспоминает о своих приятелях, которые внезапно оказались далеко от Москвы.

Некоторые действуют как эмигрант-жулик из Миннеаполиса с длинной польско-еврейской фамилией (Фельдштейнский, что ли), который умудрился издать в Америке порнографическое сочинение, придуманное от имени Пушкина. Фантазия у придумщика небогатая, так, на уровне школьного туалета для мальчиков, но он настаивал, что «держал оригинал в руках, да вот незадача — потерял его...». Первым моим желанием было проучить жулика. Я, пылая гневом, показал его бредни нескольким академикам и готовил в «Огоньке» подробный разбор фальшивки. А затем самый умный из академиков рассмеялся: «Ведь шпана, шпана несчастная, у которой не было репутации ни по одну сторону океана. Что же ты ему усилиями знаменитых пушкинистов будешь эту репутацию создавать? Да пшел он!..» Академик точно определил, куда он желает сходить миннеаполисскому фантазеру, и плюнул. Заграничные жизни удаются или не удаются, но это совершенно другие жизни, которые в большинстве случаев начинаются с нуля, с ничего, с пшика. Некоторые люди очень стараются, чтобы пшик был замечен, но это удается нечасто, и равноправно стоять на всемирном базаре можно лишь в том случае, если твой товар лучше, чем у других. Или — получить возможность вдали от дома продолжать жизнь, определившуюся в родных пенатах.

Проблема нового дома универсальна. Моя мама так и не смогла привыкнуть к Москве. Она вспоминает города своей молодости — Ростов, Краснодар, Харьков. Она благоговейно говорит о Киеве, в котором прожила шестьдесят лет. Это был ее круг и ее град. Терпеть не могу, когда мне предъявляют логически высокие, совершенно деловые зоны обожания Киева или Москвы. Как правило, это делают провинциалы, не ощущающие себя дома, — ничего в городской жизни не понявшие. Они рассуждают о необходимости кого-то от кого-то спасти, о святителе на высокой горе, но при этом врут для самосохранения, как все бесприютные эмигранты.

Я родился в городе, мама моя родилась в городе — это естественная среда моего обитания, за которую я готов умереть. Мне приходилось сменять города — так птицы сменяют свои леса. Но деревья в лесах были теми же и гнезда, и звери у подножия деревьев были похожи. Эмиграция — это когда между деревней и городом или из одного народа в другой. Бог подарил мне возможность жить так, что я не ведаю ощущения чужестранства, живя в больших городах планетного северо-запада. Да-да, именно так. Когда-то у меня спросили о любимой стране и я ответил: «Европа», к возмущению многих. Я ношу с собой свою память, родной язык, знание, но это связывает меня с другими людьми, а не отделяет от них. Когда мне предложили поработать за океаном, я избрал на это время Бостон, самый европейский, по моему, из городов США. Можно не быть чужестранцем, если страна, тебя принявшая, дружелюбна и деловита. Тем более что я всегда покупал билет в два конца — с окончанием маршрута в Москве. И конечно же, возвращусь туда, но с моими самолетами договорюсь сам.

Администрация Горбачева, а затем и ельцинская администрация составлялись в Москве из приезжих. Самых разных людей срывали с привычных мест, переселяя в столичный Вавилон, давая им власть над теми, кто жил и работал здесь десятилетиями. Бедняга грузин Шеварднадзе оказался

в одном из самых элитарных окружений — в Министерстве иностранных дел, а уралец Ельцин — в московском городском комитете компартии, где привыкли считать столицу государством в государстве. Ставрополец Горбачев тоже не приехал из пажееского корпуса, так же как директор свердловского завода Рыжков или командующий окраинным военным округом Язов. Те, кого в Москве называли лимитчиками, то есть получившими право жить в столице по специальному распоряжению, вопреки правилам, занимали самые мягкие кресла, и это создавало вполне эмигрантскую ситуацию. Поскольку я в бытность мою киевлянином бывал в Москве часто, являясь секретарем писательского Союза, да еще и был женат на москвичке, меня здесь многие восприняли как своего, жалуясь на обилие заезжих провинциалов. Интересно, но окающего ярославца Александра Яковлева тоже воспринимали как москвича, прижились многие актеры, журналисты. Но Лигачеву всегда напоминали, что он сибиряк, парвеню, выскочка, да и Ельцина как-то все числят уральцем. Грека по национальности Гавриила Попова избрали мэром Москвы вопреки многим коренным русакам, козырявшим национальностью, как доходной профессией. Большие города — организмы особенные, не располагающие к ограниченности, но воспитывающие своих собственных провинциалов. Горбачева часто попрекали его южным акцентом, манерами его супруги, забывая о главном. Однажды на встрече с главными редакторами он вскинулся, оглядел нас и серьезно заметил: «Ведь из разных мест мы приехали, а делаем одно общее дело!» Это было еще одно прекраснородушное заблуждение милейшего Михаила Сергеевича...

— *Горбачев — это вообще ваша тема...*

— Горбачев...

Бывший университетский соученик Лукьянов стал обволакивать Горбачева манерами столичного адвоката, и преуспел, и сжевал президента, и получил в пользование Верховный Совет, став его председателем, и запачкался

в нелепом августовском путче 1991 года. Специалист по марксистской философии, дослужившийся в партийных коридорах до академической ливреи, Фролов стал помощником Горбачева, а затем редактором газеты «Правда», создав самую непопулярную газету в Советском Союзе и, по сути, оставив Горбачева без столь необходимого ему рупора. Время от времени странные персоны маячили в горбачевском окружении, возрождая историческую память о предреволюционном смутном российском времени, о распутинщине. Проносились слухи о быстром решении всех проблем, множились астрологи и чудотворцы, шла болтовня о легких деньгах и нелогичных решениях. В Горбачеве были комплексы трудно акклиматизирующегося приезжего: на него производили впечатление фанфароны. Это не мешало ему, потому что, судя по всему, хороших помощников у него, в сущности, не было, а в КГБ были нескрывито заинтересованы в том, чтобы вокруг Горбачева была постоянная атмосфера неуверенности, подвигающая не на систематическую работу, а на внезапные решения. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты...» Я не могу назвать вам друзей Горбачева и не уверен, что они вообще у него были. Тем более что стратегией антигорбачевских сил было осмысленное старание отделить его от либералов. «Он никогда слова хорошего о вас не услышит», — говорил мне Яковлев...

Меня поражало даже не то, что вокруг Горбачева такое количество людей лживых и ненадежных. Меня поражало, что он боится многих из них. Он сам, лично, кричал на меня, заклиная не трогать его заместителя по партии и явного оппонента Лигачева, председателя КГБ Чебрикова, министра обороны Язова. Я, редактор, не боялся этих людей, а он — президент — боялся. Я понимал, что своим выговором Михаил Сергеевич спасает меня, но я не мог понять, почему он гневается на меня, а не на тех, других... Кремль оборачивался для Горбачева одиночеством, чужбиной неоднократно — он терял свое привычное окружение, уйдя из Ставрополя, став генеральным секретарем, пытаюсь быть

парламентским лидером. Человек добрый и мягкий, он не мог по старой формуле править варварскими методами в варварской стране. Но сделать эту страну демократией оказалось выше его сил, в большой степени потому, что он был внутренним эмигрантом в Кремле и в доме ЦК на Старой площади. Политика, увы, была и остается командной игрой. У Горбачева бывали хорошие партнеры, но никогда не было хорошей команды. Он не чувствовал себя хозяином, пытаясь хозяйничать в государстве. Оно было его — и не его, будто временное пристанище эмигранта.

В конце своего президентства он начал многое понимать, уже предаваемый в открытую. Корреспондент «Независимой газеты» Караулов, бравший у Горбачева интервью перед самой его отставкой, рассказывал мне, что Михаил Сергеевич вдруг посерьезнел и сказал, что по многим причинам он так и не научился ценить независимых людей. «Как обидно, что я не смог использовать в полной мере таких людей, как Коротич, достичь абсолютного взаимопонимания с ними...»

Опять ошибка. Никого не надо использовать. Никому не надо позволять использовать себя. Надо делать общее дело и находить для этого верных единомышленников. Лет десять подряд Горбачев был эмигрантом в Системе, созданной коммунистами. Разрушив ее, он оказался в положении человека, принесшего неведомую болезнь на остров. Сегодня он все на том же острове. И все так же одинок на нем, потому что остров стал почти необитаем.

КОРОТИЧ. POST SCRIPTUM

Сейчас Коротич рулит киевским изданием на русском языке (возглавляет редакционный совет всеукраинской газеты «Бульвар Гордона»), при этом гражданство у него — российское.

Последний раз я видел легендарного редактора на полувековом юбилее Артема Боровика, который Вероника

КРАСНАЯ ДЮЖИНА

Хильчевская отмечала в «Манеже». Виталь Алексеевич выглядел потерянным и свалил с мероприятия сразу после того, как к нему подошел потереть о былом его экс-сотрудник Дима Лиханов. Видимо, не очень хотел вспоминать «огоньковский» период.

ГЛАВА 11.

РЕФЛЕКС ПАВЛОВА

Физиолог Павлов ставил эксперименты на собаках: в означенный момент зажигается в клетке свет, и у животинки начинает выделяться желудочный сок, хотя кормушка еще пуста. Иван Петрович назвал свое открытие условным рефлексом.

Премьер-министр Павлов поставил эксперимент сразу на всем населении Советского Союза: в означенный момент было объявлено об обмене в трехдневный срок 50- и 100-рублевки старого образца. Валентин Сергеевич таким путем решил побороться за оздоровление финансово-денежной системы страны. О рефлексах он вряд ли задумывался, все получилось само собой: сколько времени прошло, а при упоминании финансиста Павлова у многих законопослушных граждан бывшего СССР непроизвольно начинает выделяться желчь. Правда, физиология здесь ни при чем, скорее нужно говорить о психологии. Стояние в январских очередях 91-го, дабы обменять в сберкассах свои «гробовые» и трудовые, крепко врезалось в память. Не забыли, уважаемые?

Наш народ и прежде к родному правительству без особой любви и нежности относился, а с помощью Валентина Сергеевича и вовсе устойчивый рефлекс выработался...

БЫЛ ЛИ АВГУСТОМ ИЮНЬ?

— В июне 91-го на сессии Верховного Совета Союза вы, Валентин Сергеевич, запросили для возглавляемого вами правительства дополнительные полномочия. В свете последовавших два месяца спустя событий многие склонны то ваше выступление рассматривать как попытку придать видимость законности введению в стране чрезвычайного положения, по сути легализации ГКЧП.

— Я не буду вспоминать, кем изобретен способ внушения населению нужного хода мыслей с помощью средств массовой информации, но сегодня этот прием взят на вооружение повсеместно. Принцип прост: чем масштабнее ложь, тем больше шансов, что в нее поверят. Если сто человек слово в слово повторят вранье, окружающие, в конце концов, подумают, что это правда...

Слухов о репетиции ГКЧП в июне 91-го ходит масса, однако за все это время никто не попытался выяснить, что же на самом деле просил Павлов.

— Нам ничто не мешает поговорить об этом сейчас.

— Попутно замечу, что мое ходатайство приобщить доклад и заключительное слово на сессии Верховного Совета к материалам дела о ГКЧП генпрокурор Степанков отвел, сказав, что в этом нет необходимости. Но раз сия тема продолжает так активно муссироваться, то давайте действительно расставим точки. Моя просьба включала всего пять пунктов. Во-первых, я настаивал, чтобы правительству предоставили право законодательной инициативы. Наверное, в мире не существует Кабинета министров, который не обладал бы подобным правом.

Второй пункт. Выделить налоговые инспекции из состава финансовых органов и сделать их единой вертикально подчиненной службой, независимой от желаний, влияний и настроений местных властей. Имелось в виду, что переход к рынку потребует особого отношения и внимания к налоговой службе. От честности и принципиальности ее работников зависит очень многое.

Третье требование — восстановить единство банковской системы. Иначе никак нельзя было прекратить разрушение рублевого пространства.

В-четвертых, я просил, чтобы Кабинету министров дали право принимать оперативные решения по вопросам проведения экономической реформы, соответствующие программе реформ, но нарушающие устаревшее законодательство. Ведь свод законов, касающихся экономики, включает в себя документы начиная с кредитной реформы 1931 года. Нельзя же руководствоваться решениями, принятыми шестьдесят лет назад, не нанося при этом ущерба ходу реформ. Поэтому мы и хотели развязать себе хоть немного руки и делать дело.

К слову, нынешнее российское правительство находится в аналогичном двусмысленном положении, некоем цугцванге: надо либо идти на постоянное нарушение устаревших законов, либо отбросить всякие разговоры о реформе. Принцип «сначала издадим закон, а потом начнем действовать» на практике означает крест на всех планах. Это все равно как если бы войско вводило в бой по одному солдату. Все стояли бы и ждали, пока он победит, и если погибнет, потом посылали бы на бой следующего, в то время как успех схватки решало массированное наступление по всему фронту.

— *Сравнение образное, но одно дело — война, и другое — соблюдение или нарушение законов в мирное время.*

— Я понимаю, что вы хотите сказать: нельзя допускать правовой беспредел, даже объясняя его благими целями. Для нас это было абсолютно ясно, поэтому мы предлагали дать президенту и Верховному Совету право вето на любое наше решение, недопустимо нарушающее, по их мнению, прежний закон. Мы были готовы в десятидневный срок докладывать обо всех своих шагах.

И наконец, пятый пункт. Я предлагал создать специальный общесоюзный орган по борьбе с организованной преступностью на принципах ФБР США.

Какое из этих требований кажется вам нелогичным или антиконституционным? От себя я лишь могу сказать, что все пять этих пунктов остаются актуальными по сей день.

— *Наверное, так оно и есть, мне трудно вам что-то возразить. Однако, возвращаясь к той июньской ситуации, предположу, что негативная реакция на ваш доклад была усилена выступлениями руководителей трех министерств — обороны, внутренних дел и госбезопасности. Возможно, вкупе с вашими претензиями на право нарушать закон в случае необходимости все это действительно произвело тревожное впечатление?*

— Еще раз повторю: я сторонник того, чтобы не усложнять жизнь без нужды. Зачем выдумывать, строить догадки, если можно прочесть и узнать правду?

Конкретно же по поставленным вопросам мне и тогда никто не смог возразить.

— *Но ведь в отличие от вас Язов, Пуго и Крючков выступали на закрытом заседании сессии, куда журналисты не допускались, а стенограмма не публиковалась.*

— Коль уж вы так домогаетесь правды, ищите возможность выяснить ее. Почти два года ведь прошло, те закрытые доклады, возможно, перестали быть таковыми.

Понимаете, это только в математике от перемены мест слагаемых сумма не меняется. В жизни все по-другому. У нас же постоянно пытаются подменить одно понятие другим, жутко искажая при этом истинный смысл. Вы говорите так, словно мы с Пуго, Язовым и Крючковым выступали вместе, с одним докладом.

А ведь вопросы на сессии слушались разные. Разные, понимаете? Я даже не присутствовал на их докладах и обсуждении.

— *Как получилось, что Михаил Сергеевич оказался не в курсе ваших планов сделать доклад, равно как и не знал самого содержания?*

— Он всегда был не в курсе. Когда он был в курсе? Я такого что-то не припоминаю. Всякий раз, как в стране

происходило что-нибудь серьезное, Михаил Сергеевич разводил руками: я ничего не знал. Возникает закономерный вопрос: а что же ты делал?

— *Это у вас сейчас такой вопрос стал возникать?*

— Нет, значительно раньше. И все же слишком поздно, чтобы вовремя отстранить этого человека от власти.

— *Если Горбачев действительно в критических ситуациях ни во что не вмешивался, тем более необъяснимо его столь бурное неудовольствие вашим выступлением. Михаил Сергеевич, помнится, произнес тогда пламенную речь.*

— Горбачев — талантливый артист. Комик в жизни и... скажем так. То, что он изображает, совсем не значит, что он это чувствует или верит. Задним числом, конечно, я еще многое могу предположить, но мне не хотелось бы делать такие ретроспективные выводы.

На основании сегодняшних знаний я готов допустить, что то его поведение было вызвано телефонным разговором с Бушем или Бейкером, а может, еще с кем. Впрочем, документами подкрепить это я не могу, а жизнь меня выучила, что говорить следует лишь то, что можешь безоговорочно доказать.

Так вот есть факты, подтверждающие, что предложение наделить правительство законодательной инициативой Горбачев вносил в январе 91-го, а я лишь попытался добиться того, что мы не смогли сделать в Верховном Совете СССР тогда по его предложению.

— *Но в июне вопрос о введении чрезвычайного положения не рассматривался?*

— В июне — нет. Однако в апреле и в мае подготовка режима ЧП для отдельных отраслей промышленности обсуждалась у Горбачева. Разрабатывались проекты, этим занимались две группы специалистов. Величко, Милюков, Тизяков предлагали свои варианты.

— *Почему же ЧП не состоялось?*

— Неверно. Состоялось. Другое дело, что проект получился обрезанный, список мер ограниченный. Знаете, замах

на рубль, удар на копейку. Горбачев долго тянул и подписал тогда указ, фактически введивший чрезвычайное положение в пяти или шести отраслях, но это практически в таком виде уже ни к чему не привело. Я предвидел подобный результат и советовал Михаилу Сергеевичу или совсем не подписывать указ, или сделать его шире и жестче.

Кстати, о том, что в стране возникает чрезвычайная экономическая ситуация, требующая принятия экстраординарных мер, Горбачеву говорили еще в 90-м году. Он слушал, соглашался, но ничего не делал сам и не давал другим.

MONEY, MONEY, MONEY

— *Валентин Сергеевич, как говорится, народ не поймет, если я не спрошу вас о том знаменитом обмене дензнаков. Сегодня вы по-прежнему считаете, что сия мера была экономически, политически и как угодно еще оправдана?*

— Могу сказать одно: нас вынудили проводить эту меру в сокращенном варианте.

— *Ой, пугаете! Если тот вариант, доведший до инфаркта иных сограждан, вы называете сокращенным, то каким же предполагался развернутый?*

— Я сегодня не делаю секрета из того, что не один год вел практическую работу по подготовке реформы цен, заработной платы и денег. Заниматься этим я стал задолго даже до назначения на пост министра финансов.

За образец бралась денежная реформа 1948 года. Необходимость подобного шага была сформулирована мною еще в 84-м году. Работая в Госплане, я написал письмо в ЦК КПСС, где приводил аргументы, почему надо не позднее 88-го года проводить полномасштабную реформу. Позже, два года спустя, подготовленный мною материал рассматривался на совещании у Горбачева, но, как нередко у нас бывало, дальше слов дело не пошло, а зря.

— *Кто же помешал вам провести реформу в полном объеме в 91-м?*

— Так сложились обстоятельства. Возникла реальная угроза для денежного обращения страны, и я вынужден был пойти на обмен дензнаков вместо реформы.

— *У этих обстоятельств есть конкретные имена?*

— Естественно, но сегодня у меня нет в руках каких-либо вещественных доказательств, поэтому я предпочитаю не называть фамилий. Мне сейчас совсем ни к чему обвинения в клевете.

Что же касается экономики, то здесь с доказательствами проще. В процессе обмена было сдано и найдено в Сбербанке свыше тридцати миллиардов рублей, которые нуждались в объяснении своего происхождения. Представляете, какие суммы гуляли, обслуживая теневой оборот? Были случаи, когда скромный заведующий сельмагом из Узбекистана, получавший 80-рублевую зарплату, сдавал несколько десятков миллионов сторублевками. Понятно, что это не личные накопления. Самое любопытное, что люди эти, сдав деньги, за ними больше даже не обращались. Это не считая того, что в установленные сроки вообще не было предъявлено свыше 12 миллиардов рублей.

— *Помню шоковое состояние, когда в интервью газете «Труд» вы обмен дензнаков объясняли происками Запада, в огромных количествах заполучившего наш «деревянный».*

— То, что наши деньги перекачивались в иностранные банки, теперь, по-моему, никто не отрицает. Процесс этот продолжается по сей день. Естественно, речь не о том, что миллиарды вывозятся в мешках за границу. Хотя такой способ, в общем-то, существует. Но это уже скорее журналистский прием. В этом нет необходимости, существуют более действенные способы. Вспомните о 140 миллиардах фильшинско-силаевского дела, о беспрецедентных чеченских авизо. Принцип используется один и тот же, он давно известен и отработан, но он невозможен в нормальной системе. Когда же идет развал, ловить рыбку в мутной воде проще. Как говорят, не искушай вора без нужды. Вот я попытался устранить лазейки, спрятать соблазны.

Почему сегодня никто не кричит о грабительском курсе доллара к рублю? Думаете, не понимают наверху, что включен насос, высасывающий богатства из нашей страны за бесценок и закачивающий нам рост цен? Все знают, но молчат.

Я же мириться не хотел.

— *Вы говорите об экономической стороне дела, я же хочу затронуть нравственный аспект. Вы без колебаний брались за проведение непопулярных мер?*

— Понимаете, у меня выхода не было. Конечно, дать возможность противнику превращать тебя в объект ненависти миллионов людей мне не хотелось, но здесь я бессилён оказывался что-либо сделать. Многое зависело от того, как средства массовой информации поведут кампанию. Я ведь знаю, формула вашей журналистской работы заключается, по сути, в одном вопросе: мы его сейчас любим или нет? Меня, очевидно, велено было не любить. Проанализируйте непредвзято, какие аргументы приводятся сегодня в пользу необходимости либерализации цен и какой шум подняли в апреле 91-го, хотя то, что делал я, и то, что творится сейчас, просто несопоставимо. Может, вы уже забыли, но я тогда и компенсации выплатил, и вклады индексировал... Я уж не говорю о том, что никто из простых людей с этим достойным обменом не пострадал.

— *Не скажите! Сколько нервов люди потратили.*

— А чего нервничать? В итоге всем все обменяли. Но, кстати, раз уж вы об этом заговорили... Вы знаете, что в первый день обмена Моссовет во главе с экономистом Поповым до обеда заседал, не давая сберкассам команды начинать обмен. Потом пытались объяснить это отсутствием достаточного количества наличности в Москве, но я-то знаю, что причина совсем не в этом. Оппозиция действовала по принципу разрушения. А разрушать — не строить, это проще.

Я же брался за восстановление, за чистку авгиевых конюшен, не рассчитывая при этом на особое понимание и сочувствие. От чистильщика конюшен всегда плохо пахнет, пока он еще отмоеется после работы... Затевая

в 85-м перестройку, мы прекрасно понимали, что необходимы изменения не только в общественной сфере, но и в вещественно-материальной структуре. Однако ведь нельзя добиться результата, не затронув ничьих интересов. Вопрос главный — чьи интересы защищаются, чьи ущемляются.

— *Словом, ролью проводника антинародных мер вы не тяготились?*

— Полагаю, слово «антинародные» вы взяли в кавычки? Я знал, что эти меры необходимы, поэтому и шел на них сознательно. А тех, кто представляет подлинные интересы народа, а не выдает за них личные, я не ущемлял.

— *Почему-то кажется, что вы, не разделяя экономическую политику Егора Гайдара, должны, наверное, симпатизировать ему чисто по-человечески. Ему на посту премьера тоже было несладко.*

— Я еще в январе 91-го публично заявил, что Гайдар приговорен, его сдадут точно так же, как сдали других. Когда сдадут и по какому поводу, вопрос технический, эти обстоятельства обязаны волновать самого Егора Тимуровича. Гайдара использовали на одноразовое мероприятие, думаю, он с самого начала все прекрасно понимал. Полагаю, между ним и Ельциным существовала определенная договоренность, иначе я не могу это объяснить логически. Хотя порой действительно я смотрел на некоторые шаги российского руководства и не в силах был понять, где недостаток профессионализма, а где неафишируемая закулисная интрига. Если уж говорить до конца откровенно, даже теоретические обоснования творимого сегодня не выдерживают никакой критики. Попытки доказать, что идея, мол, правильная, но реализация хромает, несостоятельны. Даже с точки зрения монетаристской теории все делается неверно. Право, мне неловко об этом сейчас говорить... Скажут: критиковать проще...

— *И все же: ваш вывод.*

— Мне трудно судить об истинных мотивах, стоявших за всеми этими соглашениями в российском руководстве. Во всяком случае, если говорить, что провозглашается на

словах и что делается на практике, — это совершенно разные, несостыковывающиеся вещи.

— *И Черномырдину вы не даете шанса?*

— Опять-таки: для того, чтобы строить прогнозы, надо знать, на каких условиях он пришел к Ельцину. Если судить по тому, что Виктор Степанович не поменял ни одну ключевую фигуру из прежнего правительства, то вряд ли тут что-то получится. По крайней мере, пока не было шагов и заявлений, заставляющих думать об обратном. Сейчас-то речь идет не о сползании, а о скольжении в пропасть, остановить которое можно только с помощью экстраординарных действий.

— *Собственное премьерство вы временными рамками ограничивали? Не чувствовали вы себя таким лейтенантом, который в условиях настоящего боя живет несколько минут?*

— Лейтенантом или не лейтенантом, но я понимал, что долго мне не усидеть, поэтому и спешил сделать самое необходимое. И все же я надеялся, что сумею изменить ситуацию к лучшему. Поэтому, кстати, и согласился участвовать в ГКЧП. Другого шанса побороться за спасение страны я не видел. Понимаете, ситуация в экономике давно носила характер чрезвычайщины. Если помните, сразу после моего прихода в Кабинет министров началась серия забастовок с политическими требованиями. Почти месяц я вынужден был заниматься только этим. Пришлось идти на крайние меры, чтобы не остановить металлургию, энергетику. Тогда только за один месяц мы получили 8–10 процентов спада промышленного производства. И все же нам удалось выбраться из пике. К осени должен был начаться некоторый подъем.

Ё-ХО-ХО! И БУТЫЛКА ВИСКИ

— *Однако осени предшествовал август...*

— Я же говорил вам, что введение ЧП в добывающих отраслях всерьез обсуждалось начиная с апреля 91-го. Поэтому неумно изображать ГКЧП как плод опьяненного

воображения группы мужиков, собравшихся как-то вечером покаяться о жизни.

— *Согласие войти в комитет вы когда дали?*

— Идея ГКЧП вообще возникла в ночь с 18 на 19 августа.

— *Вам не кажется, что эти слова противоречат сказанному минутой ранее?*

— Не кажется. Одно дело — обсуждать чрезвычайное положение в экономике, другое — создавать ГКЧП для выхода из кризиса. Что бы Степанков ни силился сочинить, но все свидетели и обвиняемые по нашему делу в один голос говорят, что до 18 августа о ГКЧП речи не было.

Что же касается моих контактов с другими гэкачепистами, то они, конечно, были. Положение в стране к этому обязывало. Я могу вам, например, сказать, что давал поручение Крючкову и мы использовали службу безопасности для решения некоторых экономических вопросов. Это в России все перевернулось, а Крючков, скажем, обеспечивал мне контакты в Южной Африке и Южной Корее. Через свою сеть, разумеется. Мы об этом прежде никогда не говорили и не писали, но пользовались подобными каналами очень активно.

— *Может, расшифруете, о чем речь, а то звучит больно таинственно.*

— Мы договаривались о закупке четырех миллионов тонн кукурузы в ЮАР, риса в Южной Корее, о получении там же миллиардного кредита. Практически все те кредиты, которые так и не смогли получить российские власти, были проговорены нами. Могу уверенно сказать, что мы бы их выбили. Моя убежденность строится на том, что я всегда уделял достаточное внимание экономической разведке и предпочитал не кланчить и выпрашивать, а строить партнерские отношения, договариваться на равных, даже если и через КГБ СССР.

— *Вернемся к ГКЧП. Ваше участие в деятельности комитета было весьма непродолжительным (даже на фоне его трехдневного существования) и, как бы помягче сказать,*

странным. Насколько известно, вы не занимались разработкой экономической программы ГКЧП, поприсутствовали на первом совещании вечером 18 августа, на следующий день провели заседание Кабинета министров и — все? Степанков объясняет это вполне определенной причиной: у вас был гипертонический криз вследствие крутого... запоя.

— Не стесняйтесь произносить это слово. Если генпрокурор решает его написать, почему бы журналисту не повторить? Дело тут вот в чем. Степанков постоянно занимается тем, что пытается навести тень на плетень. Достаточно взять один ключевой момент: с чем поехали к Горбачеву, знал он или не знал. Генпрокурор все время говорит о том, что существовало два варианта: или Горбачев подписывает указ о введении ЧП, или подает в отставку. Вариантов действительно было два, но... Михаилу Сергеевичу предлагалось самому подписать указ или поручить это кому-то другому. Есть разница между правдой и тем, что говорит Степанков?

Похожий сценарий развития событий Горбачев разработал еще в марте, когда в Москву вводились войска. Михаил Сергеевич в любой ситуации прежде всего хотел остаться в белых перчатках и на белом коне.

— Из ваших слов вытекает, что вариант отказа Горбачева не предусматривался. А как же тогда объяснить раздражение, с которым вернулись Бакланов, Шенин и Болдин из Фороса, как прокомментировать их слова о том, что «мы засветились»?

— Я таких слов от них не слышал. Вы, очевидно, черпаете информацию из книги господина Степанкова? Я знаю другое: слово «засветились» активно вписывал в протокол допроса мой следователь, впоследствии отстраненный от дела за «упущения в работе». Мне даже пришлось тогда протестовать по этому поводу.

Чтобы закрыть эту тему, советую проанализировать ход событий в марте и августе 91-го. Вы увидите: схема одна, единственное отличие — в марте Горбачев отсиживался в Кремле, а в августе предпочел удалиться в Форос.

— *Валентин Сергеевич, вы готовы согласиться с утверждением некоторых товарищей, что Михаил Сергеевич был агентом влияния?*

— Я не разведчик, поэтому мне эти термины непонятны. К тому же я уже говорил вам о своем отношении к бездоказательным заявлениям.

Касательно Горбачева скажу следующее: он сам не раз публично говорил, что в июне 91-го после разговора с Вашингтоном и встречи в Кремле с послом Мэтлоком решил жестко побеседовать с будущими путчистами. Он сделал нам строгое внушение. На самом деле я готов подтвердить под любой присягой, что Горбачев мне об этом факте не заикался. Ни разу! Вот и судите, можно ли верить этому человеку.

Горбачев умело играл. В августе ему выгодно было изображать незнайку. Я же могу утверждать, что все он знал. Один пример: 17 августа я проводил в Кремле заседание Кабинета министров. Сразу после его окончания мой заместитель Щербаков спустился в машину, и тотчас туда ему позвонил Горбачев из Фороса, устроив разнос за неправильное, на взгляд Михаила Сергеевича, поведение Щербакова на заседании. Откуда же он все проведал? Ведь прошло не более десяти минут.

— *Но мы все же отклонились от темы вашего участия, а точнее — неучастия в ГКЧП.*

— Мне не совсем понятно, зачем Степанков так активно исследует, кто, когда, с кем и сколько выпил. Версия об эдакой «шпане» и т.п. — может, и желательная кое-кому — не прошла. Никто не пытался сослаться в качестве оправдания на этот аргумент, не пытался уклониться от ответственности за свои дела и слова. Да и решения принимались в здравом уме и трезвой памяти. Если уж, по несчастью, Степанков представляет у нас юриспруденцию, пусть он руководствуется Уголовным кодексом, где сказано, что состояние алкогольного или наркотического опьянения не является фактором, освобождающим от наказания. А уж коли

человек был в тот момент трезв и дееспособен, то, что он делал до или после, никого не касается.

А поведение мое объяснялось именно логикой всех событий. Для меня очень скоро стало ясно, что мы все оказались жертвами большого предательства. Возможно, немного раньше других я почувствовал, что здесь идет двойная игра Горбачева, Ельцина, а нам отведена роль жертвенных пешек.

Думаю, к таким же выводам пришли и другие мои товарищи. Этим и можно объяснить кажущуюся внешней нелогичность действий ГКЧП. Мы не хотели навредить окружающим. Мы не желали кровопролития.

— *Поэтому 20 августа лично вы самоустранились?*

— Это тоже не первый раз входило в правила игры. С кем поведешься... А я успел заглянуть в ящик Пандоры.

— *А в результате создается такая картина: Янаев был в подпитии, Шенин, Бакланов и Болдин вернулись из Фороса подшофе, Павлов перебрал... Прямо какие-то пьянчужки, а не государственные мужи.*

— Это все рисунки Степанкова из того упрощенного сценария, который с самого начала пыталось разыграть следствие. Речь-то идет о политическом процессе, поединке двух политических, идеологических противников. Для того чтобы дискредитировать оппонента, любые средства хороши. Так просто представить соперника алкоголиком и этим все объяснить. Одни там пили, другие — здесь, словно в этом и заключался главный смысл, словно ради этого мы и собирались ночью 18 августа в Кремле. Кстати, все тем же следствием установлено, что спиртное на нашем заседании появилось только тогда, когда все документы ГКЧП были подписаны, то есть уже во втором часу ночи. Да и бутылка-то виски была всего одна, что также доказано. Одна бутылка к кофе и чаю на полтора десятка мужиков! Каково?

— *Геннадий Янаев говорил мне, что собирался подписать указ о снижении цен на отдельные товары. Вы, как*

экономист, видели реальные пути для этого или же то была чисто декоративно-популистская мера?

— Кое-что предпринять было возможно, мы готовили конкретные механизмы, но не успели.

— *Может, действительно 19 августа ГКЧП надо было не танки в Москву вводить, а прилавки наполнить?*

— Могу однозначно заявить, что ГКЧП решения о введении бронетехники в город не принимал. Еще предстоит выяснить, кто отдал эту команду.

НЕ ПО ТЕМЕ

— *У вас в комнате стоят иконы. Неужели вы верующий, Валентин Сергеевич?*

— Это иконы святых Валентины и Валентина. Мы с женой оба Вали. А иконы написал и подарил нам один священник, когда я сидел в «Матросской тишине». Я этому человеку в свое время помог. Он не забыл.

— *Вы по-прежнему считаете Гавриила Попова своим единомышленником? Ведь это вы двигали Гавриила Харитоновича, даже «сделали» его народным депутатом.*

— Сильно сказано. Его избрали от экономического общества, где я был президентом. Экономист он квалифицированный, хотя непосредственно со мной он никогда не работал. Но вас, видимо, больше интересует мое мнение о нем как о человеке? Разочарую: я не сильно его изменил, ибо никогда не обольщался на сей счет. Меня вообще трудно сегодня чем-то удивить.

ПАВЛОВ. POST SCRIPTUM

Последний раз экс-премьера, которого из-за его стрижки звали свиноежиком, я видел на съемках «Пресс-клуба», куда его, вместе с двумя другими героями этой книжки (Баклановым + Шениным), привел интервьюер «Нового Взгляда» Андрей Ванденко. Я почему-то приехал на съемки

с Градским (по-моему, мы с женой тем вечером просто бухали у Александр Борисыча дома, и он поехал с нами за компанию, что называется). Там я впервые, кстати, узрел 24-летнего Диму Быкова, которого сейчас бы никто не узнал, — моя супруга обозвала начинающего публициста розовощеким Керубино. Он был самым активным, поскольку носил титул дежурного по клубу.

На ГКЧП-заговорщиков наезжали все собравшиеся журики, и те огрызались вполне достойно. Но вот в какой-то момент Павлов завелся по-настоящему. Потому что накануне в «МК» на первой странице была опубликована невероятная лажа: якобы премьер Советского Союза торговал в Стокгольме командирскими часами, чтобы срубить сотню баксов себе на вискарь. Нервничал он сильно. Я внимательно, стоя у входа (сесть мы отказались), наблюдал за этими разборками. Потому что знал, что активно сотрудничавший с Лубянкой автор гаденького пасквиля Саша Минкин сидел в метре от взведенного, словно курок револьвера, экс-премьера. Впрочем, заметка была опубликована под каким-то псевдокитайским псевдонимом типа «Мин Кин».

После того как один из подонковатых «прессклубовцев» сказал только что освобожденным узникам: «Вы — дерьмо!» — троица покинула съемочную площадку. И тут слово взял Градский, потребовав, чтобы журналист принес извинения. Тогда, собственно, и прозвучало Сашино словечко «журналюги». Стрела попала в цель. Поджала губы прелестная Кира Александровна Прошутинская и стала обращаться к «отцу советского рок-н-ролла» не иначе как «певец Градский», всячески подчеркивая, что его, мол, дело петь, а не рассуждать. Однако при монтаже его пассаж все-таки не выкинула, потому что (как блистательный профессионал) прекрасно поняла: это единственное живое слово, которое прозвучало в ее передаче. Быков тогда очень рассердился, приняв, видимо, этот неллицеприятный эпитет на свой личный счет. Кстати, мне тогда довелось обсуждать сакраментальный термин с одним из самых заметных совжурналистов,

Андреем Мальгиным, и редактор «Столицы» однозначно трактовал словечко «журналиги» как нечто похвальное. Крутой, мол, такой, настоящий репортерище.

После той передачи все ведущие газеты дружно «отбились». Причем старшие представители профессии (такие, как Александр Аронов, Лева Новоженев и другие) отреклись от гениальной непосредственности непосредственного (именно так!) Градского, написав, что он-де «пал», «утратил» и т.д. Оказавшись впоследствии в одном круизе, Градский с Новоженовым ни разу не поздоровались. Точнее, Саша не замечал Леву. Однако за кадром остался тот факт, что Градскому оборвали телефон все: от именитых друзей до знакомых сантехников, поздравляя с немзыкальным, но великолепным выступлением. Это был успех. Настоящий успех. Любопытно. Ведь дело не в народной любви к ГКЧП, за представителей которых Градский тогда косвенно вступился, а в искренности человека, который отреагировал на ситуацию естественным для себя образом, не задумываясь о том, как и что нужно сказать. Именно эта непосредственность и подкупает того, кто «потребляет» средства массовой информации. Ведь помимо маленькой и подонковатой тусовки «журналиг», которая путает (в силу туповатости ее представителей) свой местечковый обмен мнениями с гласом народа, существует и сам народ. Он лишь малой своей частью отзывается на те или иные публикации, а в массе потребляет увиденное по телевидению и прочитанное в газетах, оставаясь при своем, неведомом журналистам и социологам мнению. Единственным реальным проявлением народной любви и одобрения можно считать, пожалуй, лишь тираж издания. И здесь действительно уместно по-комсомольски звонкое: «В России нет еще пока газеты круче, чем «МК». Перефразируя Костю Кинчева, «все в жизни рок-н-ролл». В том числе и журналистика. Одних любят, других — нет. Конечно, все особо тонкое и изысканное недоступно большинству, но именно это обстоятельство дает возможность рядиться под талант любой суетливой

бездарности. И списывать отсутствие популярности, «любимости» за счет отсутствия вкуса у нас с вами, которые вольны любить или не любить, потреблять или не потреблять то или иное произведение искусства или массовой культуры. Слава богу, не все «журналиги» готовы рассуждать о том, в чем некомпетентны. Не все в качестве единственного своего достоинства дают длинный перечень фамилий уважаемых людей, с которыми в жизни довелось познакомиться. Так, был один поэт, переводчик и литературовед по фамилии Найман, который в постперестроечные годы объездил весь мир, читая лекции о том, как он в молодые годы был лично знаком с А. Ахматовой и являлся даже ее любимцем. Жаль, когда не приходится гордиться личными достижениями. Вернее, единственным достижением является список достойных знакомств. Все это безнадежные прихваты, которые пускаются в ход, когда нет истинной уверенности в себе, нет способности к самовыражению, нет чувства собственного достоинства, но есть дикий страх: «Что будет со мной, если каноны рухнут?».

Кстати, Саша Градский очень потом сдружился с Пролетарской (+ Анатолием Малкиным): у них ныне дачи рядом в Новоглаголево (мы все тогда, в 1994 году накупили там участков).

А про взведенность Павлова я упомянул потому, что он из-за этого (своего взрывного нрава) и умер. Ну и алкоголь, конечно. Сердце не выдержало. В августе 2002 года Павлов перенес инфаркт. А 12 марта 2003 года — обширный инсульт. Врачи три недели боролись за жизнь Валентина Павлова, но спасти его не удалось, и 30 марта 2003 года он скончался.

ГЛАВА 12.

ЕГОР КУЗЬМИЧ

Сочетание этого имени и отчества позволяет безошибочно узнать человека, портрет которого не нуждается в дополнительных эпитетах. Егор Кузьмич — он и есть Егор Кузьмич. Ни с кем не спутаешь... Имея принципиальное согласие на интервью, встречи с Лигачевым тем не менее мне пришлось ожидать довольно долго. Наконец через бывшего помощника Романа Романова была назначена дата аудиенции. За час до оговоренного времени мне позвонил уже сам Егор Кузьмич и, извинившись, сказал, что встретиться в этот день не сможет, поскольку неожиданно заболел гриппом. Лигачев болел ровно до 17 марта, дня проведения полуподпольного VI съезда народных депутатов СССР. Я видел, как в то утро с помощью блиц-интервью он отбивался от наседавших журналистов в холле гостиницы «Москва», а затем в ставшем знаменитым поселке Вороново.

Почувствовав себя задетым, если не сказать обманутым, я решил, что договариваться по новой сам больше не буду. Но на завтра позвонил Егор Кузьмич сам и сказал, что готов к беседе. Мое предложение приехать к нему домой вежливо отвел под благовидным предлогом, сказав, что ему даже удобнее встретиться в редакции.

Пока я ждал гостя, коллега вспомнил, как в редакции «Советская культура» все стояли на ушах перед приездом туда Лигачева в бытность работы Егора Кузьмича секретарем ЦК КПСС по идеологии. Забавно было слушать, как белили в округе бордюры и красили в небесные тона урны... Неужели это было возможно всего несколько лет назад? Коллега, не успев закончить рассказ, вдруг замолк на полуслове, тупо уставившись куда-то за мое плечо. Я невольно оглянулся и увидел Егора Кузьмича собственной персоной. В какой-то непритязательной курточке, с шапкой в руках... Первое, что мелькнуло в голове: «Слышал ли Лигачев, о чем мы тут говорили?» Пауза затягивалась. Почему-то некстати всплыла в памяти моя первая попытка взять интервью у Егора Кузьмича в декабре 1989 года на II съезде народных депутатов СССР, когда приходилось проталкиваться сквозь широкие спины и острые локти...

Все еще шалея от неожиданности и комичности ситуации, я не придумал ничего лучшего, как, поздоровавшись, ляпнуть банально-нейтральное:

— *Как вам живется?*

— Не будет преувеличением, если я скажу, что живу, как большинство нашего народа. Получаю 500 рублей пенсии плюс добавка еще 65 рублей, павловская или как там ее называют? Квартира очень хорошая, дачи никакой у меня нет, машины нет. Пользуюсь общественным транспортом.

— *Дачи не было или отобрали?*

— Государственную я сдал, еще будучи членом Политбюро в 89-м, а личной никогда не имел. Кстати, в последнее время я уже не пользовался и спецсамолетами. В Швецию летал обычным рейсом Аэрофлота. Так же, как и потом в Тюмень, в Белгород... И машина служебная у меня в ту пору была самая обычная, ездил на «Волге».

— *С кем вы живете?*

— С женой. У нас трехкомнатная квартира. Одна из комнат — рабочий кабинет. Других кабинетов нет, так как ни в каких «фондах» не состою.

— Живете в том самом знаменитом доме на улице Косыгина?

— Да-да, в нем.

— У вас есть домработница?

— Нет. Хозяйством, кухней занимается супруга, Зинаида Ивановна, она на пенсии. Правда, ей пока сумму не установили, хлопочет... Понимаете, когда я был секретарем обкома, а затем членом Политбюро, мы считали, что просить у государства пенсию для жены неудобно. Теперь, когда жизнь стала сложнее, пришлось и ей оформлять. Сын у меня профессор, доктор физико-математических наук. Жена его преподаватель, кандидат наук. Внук студент. Они живут отдельно от нас. Вот и вся моя подноготная, никаких припрятанных от народа миллионов, тайных льгот и привилегий.

— Егор Кузьмич, я не ослышался: вы ездите на общественном транспорте?

— Все так. К вам я добрался на метро. Люди меня узнают, подходят. Говорят: чего же вы таким неудобным, запущенным в Москве транспортом ездите? А я что, как все. Метро люблю со студенческих довоенных лет. Скорость, быстрота... Так что никакой персональной или разгонной машины у меня нет.

«НЕБОСКРЕБЫ, НЕБОСКРЕБЫ,
А Я МАЛЕНЬКИЙ ТАКОЙ...»

— Извините, что я все о деньгах да о деньгах. Согласитесь, лучше у вас узнать, чем слухами пользоваться. Проясните ситуацию с вашей недавней поездкой в Америку.

— Я не взял у государства ни одного инвалютного рубля. Доллары для пребывания в Америке я заработал себе сам, выступая в университетах и научных центрах США. И платили мне не по 25 тысяч, как некоторым, а по 500–700 долларов. Хватило на текущие расходы. Ну и, конечно, сувениры и вещи какие-то привез. Имел интересные встречи,

беседы. Вообще общался с разными категориями американцев — студентами, аспирантами, учеными, конгрессменами, бизнесменами, журналистами. Я не сам туда поехал, меня пригласили. Главным организатором выступал профессор Стивен Коэн, автор известной книги о Бухарине. Почему я согласился? До меня тропу в Америку проторили сотни «демократов», они пели одну и ту же песню, поливали нашу историю, наш строй. А людей со взглядами, как у меня, не знали. Поэтому я поставил перед собой две задачи: своими глазами посмотреть Америку, где я впервые, и второе — донести мнение моих единомышленников о происходящем в нашей стране и в мире. Должен сказать, что залы везде были переполнены, встречи продолжались по три часа. Вопросы сыпались без конца. Никаких провокаций не заметил, хотя и говорил часто непривычные для аудитории вещи.

— *После этой поездки не появилось желание и в других странах отстаивать свои взгляды?*

— Знаете, у меня очень много сил и времени заняла книга, которая в апреле выходит в свет. Отдельные ее отрывки напечатаны тиражом около 35 миллионов экземпляров.

— *Авторские вы уже получили?*

— Когда был членом Политбюро, все гонорары от публикаций отправлял в партийную кассу. Это приличные деньги. Сейчас другое положение. От гонорара из газет и журналов я отказался. Должны заплатить за два отрывка, изданных брошюрами, и, естественно, за всю книгу. Но на миллионы в любом случае я не рассчитываю.

— *Запад интерес к рукописи проявил?*

— Да. Предполагаю, что в сентябре-октябре книга выйдет в США и в других странах.

— *А на какую реакцию вы рассчитываете у нас?*

— Книга называется «Загадка Горбачева». В ней написано о том, что происходило в стране, в руководстве начиная с 85-го года и в предшествующие годы и что произошло... Впервые публикуются мои записки в Политбюро, где я писал о той опасности, которая надвигалась на страну

и привела к развалу государства и экономики. Фактически мои обращения были скрыты от членов ЦК, от актива партии. Вот такая была демократия! Горбачев порою говорил одно, а делал другое.

Думаю, что книга вызовет интерес. Далек от мысли, что все пройдет под аплодисменты. Наверняка кто-то попытается оспаривать сказанное мной. Но пусть оппоненты опровергнут мои слова фактами и данными. А эмоции — не аргумент.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

— Не сомневаюсь, что эта тема уже навязла вам в зубах, но что делать, если для миллионов людей Лигачев ассоциируется в первую очередь с антиалкогольной кампанией...

— Я разъяснял: считаю ту политику правильной, но не все методы и средства для ее проведения оказались пригодные. Хотя результаты ведь положительные имели место. Резко сократилась преступность, увеличилась продолжительность жизни, снизилась детская смертность, повысилась рождаемость. Много было хороших и добрых писем от народа в адрес руководства страны, начавшего антиалкогольную кампанию. Особенно от женщин. Потому что, как говорят, сколько мужьями выпито водки, столько детьми и женами пролито слез. Не я являлся инициатором всей кампании, разработчиком документов и указов, но я активно проводил эту политику. Мне казалось, что каждый нормальный человек может прожить без регулярного, частого принятия спиртного. Лично мне ничто человеческое не чуждо, я готов, если есть возможность, выпить с вами хоть сейчас, например, такого хорошего грузинского вина, как «Киндзмараули» или «Хванчкара»...

Нам показалось, что с алкоголизмом можно быстро справиться. Лозунг «За полную трезвость!» я считаю явной своей ошибкой. Было забегание вперед. Но вместо того, чтобы как-то откорректировать эту работу, критически

осмыслить, ее признали неверной и снова принялись латать дыры в госбюджете с помощью безудержного производства алкогольных напитков. По этой части перекрыты все прежние уровни. Вновь появилась в достатке «бормотуха». И сегодня мы имеем то, что имеем: пьянство опять процветает. Но если мы не хотим окончательно деградировать, нам придется вернуться к борьбе с зеленым змием. Кстати говоря, обществу не удастся справиться с преступностью, хотя бы остановить ее рост и потому, что это сейчас не увязано с искоренением пьянства.

— *То, что вы сперва угодили в опалу, а затем и попросту были выкинуты из активной политической жизни, лишены возможности руководить, вершить чужие судьбы, не отпугнуло ваших друзей?*

— У меня их стало еще больше! Та борьба, которая велась в течение нескольких лет против меня, попытки оклеветать, дискредитировать перед обществом и народом только сплотили моих союзников. Вот даже сейчас шел к вам, меня остановил молодой мужчина, военный, и сказал, что разделяет мои взгляды, что идея социализма жива.

— *Из числа руководства страны у вас были друзья?*

— Я пришел в Политбюро в зрелом возрасте, когда новых друзей не заводят. Если говорить о тех, с кем я больше всего общался, так это Зайков, Лукьянов, Чебриков, Никонов, Рыжков, Строев, Воротников, Власов, Долгих...

— *А сейчас?..*

— Видимся очень редко, на мероприятиях, как говорят. А так, чтобы домами...

— *Телефон у вас часто звонит?*

— Часа не проходит. Звонков много.

— *Возвращаясь к вашим ошибкам прошлого, хочу спросить: если бы у вас была возможность что-то изменить, какие ходы вы сделали бы иначе?*

— Без тактических просчетов не обошлось, но стратегический курс я выбрал верно: общественные преобразования в рамках советской системы. Я ведь не за себя боролся,

а за идею, за партию коммунистов. Меня многие поддерживали тогда, поддерживают и теперь.

— *Какой у вас партстаж?*

— Давайте вместе сосчитаем. С 43-го года. Около полувека. Я ведь остался коммунистом. Убежден, что запрет КПСС — большая политическая ошибка. Как можно говорить о развитии демократии, если главная сила, начавшая перестройку, запрещена? С моей точки зрения, это и антиконституционно, и незаконно. Я верю, что придет то время, когда запрет на деятельность компартии будет отменен.

С устранения КПСС, кстати, и начался развал страны. Была бы партия, это сделать было бы невозможно. Если кто-то из руководителей участвовал в событиях 19–21 августа, надо и решать вопрос о них, но связывать это с КПСС, с миллионами коммунистов нет никаких оснований. Этим просто воспользовались реакционные силы. Партия сейчас возрождается, создано немало организаций коммунистической и социалистической направленности, в том числе среди молодежи. С некоторыми из них я связан. Там нет места политическим карьеристам. Сейчас задача — организационно объединить усилия этих партий и групп, чтобы сплоченными рядами бороться за восстановление целостности нашего государства, подлинного, обновленного социализма.

— *Но, согласитесь, при нынешнем российском руководстве возрождение компартии вряд ли возможно.*

— Им не все подвластно. В стране появляются новые силы. Мы их видим. Они все делают легально, законно.

— *Раз речь зашла о правителях России, уместно спросить о Ельцине. В том вашем крылатом «Борис, ты не прав!» не раскаиваетесь?*

— Я был одним из тех, кто открыл Ельцину дорогу в Москву, в ЦК, потом в МГК. Сейчас мы стоим на разных платформах. С чего мне раскаиваться, если я вижу, что Борис Николаевич и сейчас не прав, его команда всеми силами пытается втянуть потрясенную Россию в новую общественную форму? Прежде всего на это нацелена так называемая

экономическая реформа. Уверен, что на этом пути нас ждет поражение. У людей нет стимулов хорошо работать. Спад производства таков, что уже сейчас мы оказались откинутыми по многим позициям на 15–20 лет. В 1985–90-е годы были достигнуты самые высокие урожайность полей и продуктивность ферм. Мы подошли вплотную к обеспечению населения по сходным ценам хлебобулочными изделиями, молочными продуктами, яйцом, мясом птицы. Сейчас, за два последних года правления господ демократов, душевое потребление ценных продуктов питания сократилось на одну треть. Сколько же сил понадобится на восстановление? Это первое. И второе: реформа переложила все тяготы на плечи трудящихся. Таких свирепых, варварских методов реформирования еще не было за все годы советской власти. Идет обнищание народа. Или, может, вам хорошо живется? Я близок к людям, на собственной шкуре ощущаю все тяготы. Это не путь реформирования общества. Та реформа хороша, которая предполагает не только разрушение, но и прежде всего созидание. Пока преуспели лишь в первом.

— *Очевидно, вы и к Михаилу Сергеевичу не питаете теплых чувств?*

— Безусловно. Особенно после того, как он покинул партию, перешел на позиции социал-демократизма и ревизионизма. До сих пор в моих ушах звучат его слова о том, что за 70 лет у нас не было ни одного даром прожитого дня, что все наши завоевания — результат марксизма-ленинизма в действии... А сегодня речи, будто строй имели прогнивший, что строилось все на насилии, из-под палки... Понимаете, не умею я так перестраиваться, как они! Наверное, это мой серьезный недостаток. Я могу менять взгляды, но не принципы.

— *Когда вы виделись с Михаилом Сергеевичем?*

— Давно. В 90-м, после моей отставки, еще встречались на заседаниях, совещаниях, а потом — все. Знаю, что и с другими он так же поступает. У Горбачева есть немало положительных качеств, но нет такого, как чувство товарищества. Любимый мною Гоголь замечательно сказал: «Нет уз святее

товарищества». У Михаила Сергеевича постоянных товарищей нет. Многих он просто вычеркивает из своей жизни.

— А ведь генсекком Горбачев стал с вашей помощью?

— Что значит с моей? Я просто активно и сознательно содействовал этому.

— И в том, чтобы на решающее заседание Политбюро не успели Щербицкий с Кунаевым?

— Это все слухи. Пленум мы действительно собрали очень оперативно, нельзя же было оставлять страну без руководителя.

— Кто работал вместе с Горбачевым в ночь перед голосованием?

— Чебриков и я. Мы возглавляли работу по созыву Политбюро, пленума и похоронам Черненко.

— Это я и хотел услышать. То, кто был провожатым Михаила Сергеевича в Кремль...

КРЕМЛЬ БЕЗ ТАИН

— Кстати, о Кремле. Вы помните, когда впервые попали туда?

— В 1949 году, шел XI съезд комсомола. А второй раз — после смерти Сталина, когда открыли Кремль, был у Булганина по вопросу создания в Новосибирске первой в Сибири консерватории.

— А став секретарем ЦК?

— Постоянное мое место работы находилось на Старой площади, и в Кремль я шел либо на съезды, либо на совещания, либо на заседания Политбюро. Правда, однажды вместе с семьей я осуществил несколько экскурсий по Кремлю. Обычные маршруты — квартира Владимира Ильича Ленина, Оружейная палата, Алмазный фонд...

— Вы сказали, что ходили в Кремль со Старой площади. Есть подземный тоннель?

— Не знаю, не пользовался им никогда. Обычно, если никуда не спешил, я просто шел по улице. А так — машиной.

— Что, и хода под стеной в Мавзолей нет?

— Откуда? В Мавзолей мы попадали через башню... Сенатскую, кажется? Кстати говоря, все эти домыслы... Нет никакого подогрева на трибуне Мавзолея, не было и буфета внутри.

— Ваш последний визит в Кремль?

— В декабре, на заседание Верховного Совета Союза. С той поры не был, необходимость не возникала.

— Но если понадобится, по депутатскому мандату пропустят?

— По-видимому, надо заказывать пропуск... А вообще с Кремлем у меня многое связано. И съезды, и пленумы, и сессии. Там я награды получал, познакомился с замечательными людьми.

— Вы помните только хорошее?

— У меня нет плохих воспоминаний, связанных с Кремлем. И те схватки, которые происходили на съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета, были политической борьбой — с моей стороны честной, открытой. Это, конечно, отнимало много эмоциональных, интеллектуальных, физических сил, отвлекало от работы. Что ж, такова судьба политического деятеля. Я не считаю себя проигравшим. Не собираюсь и сейчас уходить в кусты.

Пошел проводить Егора Кузьмича до метро. Все как-то не верилось, казалось, вот-вот вынырнет из-за угла черная «Волга». Нет, зашли в вестибюль, Лигачев встал в хвост очереди за жетонами, затем прошел через турникеты и слился с людьми, спускавшимися по эскалатору. Это был Егор Кузьмич?

ЛИГАЧЕВ. POST SCRIPTUM

Реплика насчет «фондов» — камешек в горбачевский огород. Поминаемую книгу о нем Лигачев издал-таки в 1992 году (издательство «Интербук»). В предисловии, озаглавленном «От производителя», написано: «Перестройка,

начавшись с великих народных надежд, закончилась для нашей страны драматически, а для ее лидера Горбачева — бесславно. Правда, на Западе прозвучало немало восторгов по адресу бывшего Президента СССР. Но при сопоставлении с весьма угрюмым отношением к Горбачеву со стороны соотечественников заграничные восторги лишь подчеркивают противоречия его политики: она была обращена лицом к Западу, но оказалась повернутой спиной к высшим интересам Отечества... Почему же цели, столь полезные для Родины и для всего мира, оказались извращенными? Как и на каком этапе перестройки это произошло? Какие методы использовали «архитекторы» и «прорабы» для отхода от первоначального курса? Как случилось, что народ, в том числе рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, оказался выключенным из процесса решения судьбы Отечества, своей судьбы? И наконец, какова во всем этом роль самого Горбачева?.. Размышления в связи с этим, мое понимание событий последних лет изложены в книге. Иметь дело с новейшей историей, писать по горячим, еще не остывшим следам общественной жизни, когда «многое перевернулось, но еще не улеглось», всегда трудно. Понятно, что политические процессы, корнями уходящие в 70-е и 80-е годы, еще не закончены, пребывают в стадии развития, ждут своего разрешения. Я рассказываю, как все было в действительности — и на Старой площади в ЦК, и в Кремле, и вне их. Книга построена на фактах и документах, многие из которых обнародованы впервые... Меня могут упрекнуть в том, что поздно отдаю на суд народа свои размышления о большом обмане, состоявшемся вместо социалистической перестройки. Такие упреки я обязан принять, однако лишь частично. И дело вовсе не в объективных трудностях, препятствовавших обнародованию моих взглядов на извращения перестройки, хотя таких трудностей было предостаточно, в том числе и с публикацией этой книги. Но главное в другом: с уходом Горбачева наша переломная эпоха еще не завершилась. Впереди ждет нас еще много

событий, исход которых будет зависеть от того, насколько полно народ разберется в сути происшедшего и происходящего».

Живет Кузьмич там же, на улице Косыгина, недалеко от туристической площадки, где я летом 2011 года его видел. В этом четырехэтажном здании было шесть квартир (по две на этаже, четырехкомнатные апартаменты с двумя санузлами, первый этаж отведен был под охрану), там и Президент СССР проживал, и министр обороны. Потом весь первый этаж прикупил Игорь Крутой. Горбачев вспоминал: «Когда я был президентом, на Косыгина, где я жил, — кстати, и Язов там был, и Лигачев там жил, и еще кто-то, — я спрашивал, что находится рядом с квартирой, и мне говорили: «Это коммуникации, которые нужны» и так далее. Что же оказалось, когда я перестал быть президентом. Меня пригласила охрана, мои ребята: «Михаил Сергеевич, вот те самые коммуникации». — «А что это?» Вытаскивают как сети из моря, вот, знаешь, с рыбой, подслушивающие аппараты по всей квартире президента».

А в 2010 году композитор Крутой, «убив ценой», выкупил и это горбачевское жилье (утверждается, что только ремонт — с камнями, драгметаллами и авторской мебелью — обошелся народному артисту Украины в десять миллионов долларов). Теперь Игорь Яковлевич соседствует с Егором Кузьмичом. А тот существует на депутатскую пенсию в 20 тысяч рублей. Гонорары за книги и статьи в России по-прежнему жертвует в фонд КПРФ. Ну а за издания зарубежные гонорар опять же, как и 20 лет назад, тратит на себя. Супруга умерла в 1997 году. Живет Лигачев все так же с единственным сыном, Александром Егоровичем, профессором Центра естественно-научных исследований Института общей физики им. А.М. Прохорова РАН. Правнука называли Егором.

Сейчас трудно поверить, но когда-то вот это — «Егор Кузьмич» — было в медийке заклинанием просто. Мой товарищ Андрей (Лукич) Лукьянов подорвался на этом. Ныне

он ресторатор, а в ту пору был журиком. И подался в шоу-биз. Интересно, может ли, скажем, дефицит колбасы стать источником вдохновения для лиры поэта, музыканта, чтобы совершилось таинство творчества — родилась песня? Лукич, создавший группу «Окно», был уверен, что может. Ну а как же доброе, вечное? А ничего страшного, пусть песня сиюминутна, но пусть она бьет, не в бровь, а в глаз. Как газетная передовица... И нет большей радости для этих музыкантов, когда тема песни отмирает, значит, сделан еще один шаг или шажок к светлому будущему, значит, не зря испытывали музыканты муки творчества...

Я в период сотрудничества с легендарной программой Гостелерадио СССР «Взгляд» написал в журнале ЦК КПСС «Смена»: «И все бы слава богу, но одолевают сомнения: уж больно много сейчас смеленьких разоблачителей, отваженьких героев, не конъюнктура ли все это?.. А где же они раньше были? Лукьянов и группа «Окно» отвечают: «Я не спекулирую на теме, я не спекулирую на боли, я просто не хочу быть с теми, кто спокоен, уверен, доволен» — вот кредо группы. А долго ли можно творить в этом ключе? Музыканты считают, что, конечно, нет: «С наступлением коммунизма группа прекратит свое существование». А возникла она совсем недавно — в порывах прошлогодних ветров (то есть в 1988 году — *Е.Д.*). И вот меньше чем за год сумела вклиниться в плотные ряды групп последнего поколения. Но музыканты из «Окна» немолоды: основной костяк старые рокеры: Михаил Соколов (ударник) начинал еще с «Машиной времени» и «Удачным приобретением»; Юрий Иванов (гитара) работал со «Скоморохами»; Владимир Окольздаев сотрудничал с «Цветами»... Из молодых, но очень «подающих» отметим Георгия Малышевского (бас-гитара). Не последнюю роль играет и директор группы Эдуард Львов. Ну, а виновник торжества (ибо по его инициативе возник этот коллектив) Андрей Лукьянов дебютировал на сцене только в 1988 году, хотя раньше много работал с рокерами как поэт. Его перу принадлежат тексты практически всего

первого альбома «Альфы» Сергея Сарычева. Помните, «Я сделан из такого вещества...», «Шторм», «Театр»?.. Писал стихи для Преснякова, Глызина, группы «Аракс», а в прошлом году вместе с Владимиром Кузьминым удостоился звания лауреата Всесоюзного конкурса «Песня-88» с боевиком «Капитан»... Но вот вдруг запел — и не может остановиться. Хотя глагол «запел» плохо отражает суть творчества Андрея Лукьянова, скорее заговорил, задекламировал, заплясал... Да и вообще трудно сказать, что за музыку играет «Окно». Да и музыка ли это? Наверное, «Окно» где-то в нейтральных водах между жанрами... Скажем, шлягер группы «Иван Ильич — участник перестройки» вобрал в себя и элементы площадного театра, и деревенских частушек, и балагана, и сатирических куплетов. Отсюда, думается, и успех...

Публицистичность песен «Окна» налицо, и, видимо, ее истоки нужно искать, помимо всего прочего, еще и в том, что Андрей Лукьянов шесть лет проработал в «Советской культуре» журналистом... Но вот захотел уйти в рокеры во имя свободы самовыражения, потому что «...нет над тобой ни зав. отделом, ни ответственного секретаря, ни редактора с замами, которые все правят, правят, правят. А тут песня льется свободной рекой».

К чему я вспомнил о проекте «Окно»? К Лигачеву, естественно. После того как Лукич выступил со своим музыкальным номером у нас в эфире, разгорелся нелепый скандал. В Кремле кто-то решил, что Иван Ильич = Егор Кузьмич, и узрел крамолу в припеве «Иван Ильич — участник перестройки: он перестроил дачу под Москвой». Ничего подобного не подразумевалось, но многолетняя практика употребления «эЖопова языка» сподвигла бдительных ЦК-цензоров на репрессии. Вот ведь была тогда обстановка, «в поле такого напряжения любое устройство сгорает на раз» (© БГ).

Помню, в одном из выпусков того же «Взгляда» рассказал в студии, что в старину сезон пахоты вычисляли с помощью стариковских задниц: выносили деда в поле, сажали голыми ягодицами на почву, и он ставил диагноз — пора

или нет. Поскольку Лигачева за неделю до этого выпуска «Взгляда» «двинули» на сельское хозяйство, я получил пиздюлей от начальства по самой полной программе. Не то что «обидеть», но даже намекнуть на Лигачева было опасно, можно было схлопотать тотальный запрет на профессию. При этом свобода слова практиковалась, конечно же: в останкинских буфетах и коридорах открыто хихикали: «А у Егора Кузьмича морда просит кирпича».

АНДРЕЕВА НИНА, КРЕАТУРА КУЗЬМИЧА

Именно Лигачев был организатором знаменитой антиперестроечной заявы. Тринадцатого марта 1988 года «Советская Россия» опубликовала письмо преподавательницы Ленинградского технологического института Нины Андреевой. Размером с газетную полосу. Эта публикация получила статус антиперестроечного манифеста. За провокацией стоял Егор Кузьмич и так называемые правые силы. Изжогу статья вызывала знатную. В письме осуждались разоблачизмы гласности и давалась позитивная оценка сталинских инициатив, при этом цитировался внушительный отрывок из просталинского текста, ошибочно приписываемого Черчиллю.

Читалась и полемика с коллективным письмом «По новому кругу?» (К. Лавров, М. Ульянов, Г. Товстоногов, М. Захаров, А. Гончаров, В. Розов, А. Гельман и О. Ефремов), опубликованным незадолго до этого (29 февраля) в «Правде»: «Перестройку и гласность наша страна поистине выстрадала, поэтому любые попытки повернуть процесс вспять, какими бы высокими лозунгами они ни прикрывались, вызывают глубочайшую тревогу. Именно такую тревогу вызвала у нас критическая кампания вокруг новой пьесы М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!»... В отличие от некоторых историков мы полагаем, что в художественном произведении Ленин не только может, но и должен оценивать современный социализм и все, что мы делаем».

Автор упрекала неолибералов в западничестве и космополитизме. Выступая через два дня (15 марта) на Секретариате ЦК, Лигачев сказал, что этот «материал не случайный». И попросил «товарищей главных редакторов обратить на него внимание». Александр Яковлев готов был подать в отставку, но Горбачев решил обсудить письмо Андреевой на заседании Политбюро. Обсуждали два дня, 23 и 24 марта. Пришли к выводу, что надо поставить точки над всеми «i».

В качестве ответки «Правда» 5 апреля 1988 года опубликовала труд Александра Яковлева «Принципы перестройки, революционность мышления и действий»: «И опять мы видим, какова цена печатного слова. Как порой непроверенность фактов, претензии на монопольное владение истиной, порой просто подгонка фактов под заранее выстроенную концепцию автора закономерно оборачиваются против самых лучших побуждений. Консерваторы возводят подобные ошибки в абсолют, только к ним и сводят плоды демократизма и гласности. Что в итоге? Силы, на первый взгляд полярно противостоящие по своим убеждениям, на деле блокируются в торможении перестройки. Сегодня нет запретных тем. Журналы, издательства, студии сами решают, что обнародовать. Но появление статьи «Не могу поступаться принципами» — это попытка исподволь ревизовать партийные решения. На встречах в Центральном комитете партии не раз говорилось, что советская печать не частная лавочка, что коммунисты, выступающие в печати, редакторы должны чувствовать ответственность за статьи и публикации. В данном случае газета «Советская Россия», много сделавшая, прямо скажем, для перестройки, отошла от этого принципа. Споры, дискуссии, полемика, конечно, нужны. Они ждут нас и впереди. Немало впереди и завалов, заминированных прошлым. Разминировать их надо всем вместе. Нам нужны споры, помогающие двигать вперед перестройку, ведущие к консолидации сил, к сплоченности вокруг перестройки, а не к разобщению».

К осени фигура Андреевой мифологизировалась окончательно. Фактически она стала табуизированной фигурой на телевидении, и мы решили, что надо просто показать ее зрителям, дать ей слово.

Костя Эрнст летом 2011 года вспоминал в «Афише» о своем первом «взглядовском» сюжете: «Это было интервью с Ниной Андреевой, которую до этого никто вообще не видел, но все страшно боялись. Она была символом возможного возвращения старых времен. Мы отправились в Питер. Любимов сидел в засаде, потому что он был слишком узнаваем, а мы с Додолевым под видом корреспондентов Би-би-си сняли большое интервью. Был 1988 год. Это теперь говорят о путче 1991-го как о каком-то внезапном событии, а ведь тогда, в 1988 году, перед Днем Победы, было ощущение, что случится военный переворот. Люди говорили об этом между собой. И мы тогда решили снять, как танки ночью возвращаются с Красной площади. Любимов выскакивал из-за остановки, когда мимо проходила колонна, и говорил в камеру: «Ну что? Дождались? На улице Москвы танки. Здравствуйтесь, вы смотрите программу «Взгляд». И это очень точно попадало в общественные фобии и настроения. Вообще, может быть, только Борис Ельцин лично сыграл более важную роль, чем «Взгляд», в разрушении советской власти. Каждую пятницу «Взгляд» вербализовал и визуализировал настроение подавляющей части общества. И в этом его, как писали в советских учебниках, «всемирно-историческое значение».

Мы сидели с Костей Эрнстом на скромной ленинградской кухне, дегустировали стряпню хозяйки, болтали о светском с ней и ее супругом. И я не мог отделаться от чувства неловкости. Мы обманом проникли в ее дом. Обманом. Но иначе не получилось бы, Андреева не готова была общаться со «Взглядом», встретить врага лицом к лицу. Впрочем, мы сразу, еще в Москве, для себя решили: никакого хитрого монтажа, никаких подстав, никаких комментариев. Би-би-си так Би-би-си. Дадим в эфир то, что запишем. И с трудом мы

пробивали этот сюжет. Но страна увидела автора скандальной статьи. И сделала выводы. Свои.

Много позже, в нулевых, Саша Политковский дал слово Андреевой в прямом эфире программы «Было время» (канал «Ностальгия»): Естественно, что позицию свою она не скорректировала. На этом же канале, но в другой передаче — «Рожденные в СССР» я беседовал о «соврасовской» публикации с Владимиром Мамонтовым, который в ту пору работал в газете: он рассказал, что для редакционного коллектива образца 88-го маневр с «письмом учительницы» был на грани приличия. Но сейчас (эфир от 29 апреля 2010 года) медиаменеджер Мамонтов, возглавлявший «Известия», признает: рациональное зерно в словах лигачевской сторонницы все-таки было. Кстати, через три года после публикации «принципиального манифеста» «Советская Россия» напечатала антияковлевскую статью Геннадия Зюганова «Архитектор у развалин» и знаменитое «Слово к народу» (23 июля 1991 года), в котором дюжина подписантов фактически призывали армию к перевороту. Трое из двенадцати авторов «Слова» — Валентин Варенников, Василий Стародубцев и Александр Тизяков — проходили по делу ГКЧП (остальные: Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов, Людмила Зыкина, Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин). Зюганов вспоминал: «Публикация коллективного письма вызвала огромный резонанс... с трибун и экранов Руцкой и Ельцин, говоря об этом документе, то называли его плачем Ярославны, то грозили авторам тюрьмой». Людмила Зыкина в своем интервью «Новому Взгляду» (1993 год) отметила: «Я как раз «Слова» и не подписывала. Мне позвонили по телефону, прочитали несколько абзацев. Мысли мне показались здравыми, я попросила привезти мне полный текст. Никто не приехал, а потом я увидела уже публикацию в газете. Но, кстати, я и сегодня не вижу в «Слове» ничего предосудительного. Какая крамола в призывах к спасению своей страны?»

Спустя еще 10 лет, 14 августа 2001 года, «Советская Россия» опубликовала обращение «Остановить реформы смерти!», в котором «Слово» позиционировано как «пророческое». Здесь уже 43 подписи.

«Обращение сорока трех» было адресовано лидеру страны: «Не питая иллюзий по поводу возможностей и внутренних установок президента Путина, мы тем не менее снова и снова побуждаем его сбросить с себя страшный груз ельцинизма, освободиться от ненавистного народу ельцинского окружения — этих волошиных, фридманов, абрамовичей, которые, как жернова, утягивают его в пучину бед. Призываем вырвать штурвал государства у дилетантов Кудрина, Грефа, загоняющих экономику в штопор. Пусть нанесет решительный удар по теневикам и мафиозным политикам, рассечет олигархический узел, как это удалось ему в случае с Гусинским и Березовским. В этом решительном, достойном национального лидера деянии он сможет опереться на большинство народа, на его дееспособные, нравственные, патриотические силы. На рабочих, для которых невыносимо зрелище дряхлеющих могучих заводов. На крестьян, что не желают отдавать свои нивы под «диснейленды» и «сафари-парки». На ученых, кто из последних сил, как весталки, хранят священный огонь русской науки. На художников, для кого Россия — вместительница Красоты, Добра, Справедливости, а не объект для вечного осквернения и поношения. На военных, которые стреляют в Чечне из разболтанных автоматов и с риском для жизни, охраняя Родину, водят устаревшие танки, самолеты и подводные лодки. На пастырей, верных Божьим заповедям, проповедующих в церквях и мечетях нестяжательство, служение России и Богу. На патриотических предпринимателей, живущих не одним барышом, но радеющих о силе и богатстве России».

Я считаю нужным воспроизвести манифест хардлайнеров образца 1988 года без купюр. И без комментариев. Как мы тогда без всяких прихватов отэфирили монолог

учительницы во «Взгляде», ею люто ненавидимом. Вот, это та самая публикация, из-за которой разгорелся скандал в Кремле.

НЕ МОГУ ПОСТУПАТЬСЯ ПРИНЦИПАМИ

Написать это письмо я решила после долгих раздумий. Я химик, преподаватель в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета. Как многие другие, являюсь куратором студенческой группы. В наши дни студенты после периода общественной апатии и интеллектуального иждивенчества постепенно начинают заряжаться энергией революционных перемен. Естественно, возникают дискуссии — о путях перестройки, ее экономических и идеологических аспектах. Гласность, открытость, исчезновение зон, запретных для критики, эмоциональный накал в массовом сознании, особенно в молодежной среде, нередко проявляются и в постановке таких проблем, которые в той или иной мере «подсказаны» западными радиоголосами или теми из наших соотечественников, кто не тверд в своих понятиях о сути социализма. О чем только не заходит разговор! О многопартийной системе, о свободе религиозной пропаганды, о выезде на жительство за рубеж, о праве на широкое обсуждение сексуальных проблем в печати, о необходимости децентрализованного руководства культурой, об отмене воинской обязанности... Особенно много споров среди студентов возникает о прошлом страны.

Конечно, нам, преподавателям, приходится отвечать на самые острые вопросы, что требует, помимо честности, еще и знаний, убежденности, культурного кругозора, серьезных размышлений, взвешенных оценок. Причем эти качества нужны всем воспитателям молодежи, а не одним лишь сотрудникам кафедр общественных наук.

Любимое место наших со студентами прогулок — парк в Петергофе. Ходим по заснеженным аллеям, любуемся знаменитыми дворцами, статуями — и спорим. Спорим!

Молодые души жаждут разобраться во всех сложностях, определить свой путь в будущее. Смотрю на своих юных разгоряченных собеседников и думаю: как же важно помочь им найти истину, сформировать правильное понимание проблем общества, в котором они живут и которое им предстоит перестраивать, как определить им верное понимание давней и недавней нашей истории.

В чем опасения? Да вот простой пример: казалось бы, о Великой Отечественной войне, героизме ее участников столько написано и сказано. Но недавно в одном из студенческих общежитий нашей «Техноложки» проходила встреча с Героем Советского Союза полковником в отставке В. Ф. Молозевым. Среди прочих ему был задан и вопрос о политических репрессиях в армии. Ветеран ответил, что с репрессиями не сталкивался, что многие из тех, кто вместе с ним начинал войну, пройдя ее до конца, стали крупными военачальниками... Некоторые были разочарованы ответом. Ставшая дежурной тема репрессий гипертрофирована в восприятии части молодежи, заслоняет объективное осмысление прошлого. Примеры такого рода не единичны.

Конечно, очень радуется, что даже «технари» живо интересуются теоретическими обществоведческими проблемами. Но слишком уж много появилось такого, чего я не могу принять, с чем не могу согласиться. Словоотлечение о «терроризме», «политическом раболепии народа», «бескрылом социальном прозябании», «нашем духовном рабстве», «всеобщем страхе», «засилии хамов у власти»... Из этих нитей ткется зачастую история переходного к социализму периода в нашей стране. Потому и не приходится удивляться, что, например, у части студентов усиливаются нигилистические настроения, появляется идейная путаница, смещение политических ориентиров, а то и идеологическая всеядность. Иной раз приходится слышать утверждения, что пора привлечь к ответственности коммунистов, якобы «дегуманизовавших» после 1917 года жизнь страны.

На февральском Пленуме ЦК еще раз подчеркнута настоятельная необходимость того, чтобы «молодежь училась классовому видению мира, пониманию связи общечеловеческих и классовых интересов. В том числе и пониманию классовой сущности перемен, происходящих в нашей стране». Это видение истории и современности несовместимо с политическими анекдотами, низкопробными сплетнями, остросюжетными фантазиями, с которыми можно сегодня нередко встретиться.

Читаю и перечитываю нашумевшие статьи. Что, к примеру, могут дать молодежи, кроме дезориентации, откровения о «контрреволюции в СССР на рубеже 30-х годов», о «вине» Сталина за приход к власти в Германии фашизма и Гитлера? Или публичный «подсчет» числа «сталинистов» в разных поколениях и социальных группах?

Мы — ленинградцы и потому с особым интересом смотрели недавно хороший документальный фильм о С. М. Кирове. Но текст, сопровождавший кадры, в иных местах не только расходился с кинодокументами, но и придавал им какую-то двусмысленность. Скажем, кинокадры демонстрируют взрыв энтузиазма, жизнерадостность, душевный подъем людей, строивших социализм, а дикторский текст — о репрессиях, неинформированности...

Наверное, не одной мне бросилось в глаза, что призывы партийных руководителей повернуть внимание «разоблачителей» еще и к фактам реальных достижений на разных этапах социалистического строительства, словно бы по команде, вызывают новые и новые вспышки «разоблачений». Заметное явление на этой, увы, неплодоносящей ниве — пьесы М. Шатрова. В день открытия XXVI съезда партии мне довелось быть на спектакле «Синие корни на красной траве». Помню взвинченную реакцию молодежи в эпизоде, когда секретарь Ленина пытается поливать из чайника его голову, перепутав с незаконченной глиняной скульптурной моделью. Между прочим, какая-то часть молодых людей пришла с заранее подготовленными транспарантами,

смысл которых сводится к тому, чтобы смешать с грязью наше прошлое и настоящее... В «Брестском мире» Ленин по воле драматурга и постановщика преклоняет перед Троцким колени. Этакое символическое воплощение авторской концепции. Дальнейшее развитие она получает в пьесе «Дальше... дальше... дальше!». Конечно, пьеса — не исторический трактат. Но ведь и в художественном произведении правда обеспечивается не чем иным, как позицией автора. Особенно если речь идет о политическом театре.

Позиция драматурга Шатрова обстоятельно и аргументированно проанализирована в рецензиях ученых-историков, опубликованных в газетах «Правда» и «Советская Россия». Хочу высказать и свое мнение. В частности, нельзя не согласиться с тем, что Шатров существенно отходит от принятых принципов социалистического реализма. Освещая ответственный период в истории нашей страны, он абсолютизирует субъективный фактор общественного развития, явно игнорирует объективные законы истории, проявляющиеся в деятельности классов и масс. Роль пролетарских масс, партии большевиков низведена здесь до «фона», на котором разворачиваются действия безответственных политиканов.

Рецензенты, опираясь на марксистско-ленинскую методологию исследования конкретных исторических процессов, убедительно показали, что Шатров искажает историю социализма в нашей стране. Предмет неприятия — государство диктатуры пролетариата, без исторического вклада которого нам сегодня и перестраивать-то было бы нечего. Далее автор обвиняет Сталина в убийствах Троцкого и Кирова, в «блокировании» больного Ленина. Но разве мыслимо бросаться тенденциозными обвинениями по адресу исторических деятелей, не утруждая себя доказательствами?!

К сожалению, рецензентам не удалось показать, что при всех своих авторских претензиях драматург неоригинален. Мне показалось, что по логике оценок и аргументов он очень близок к мотивам книги Б. Суварича, изданной

в 1935 году в Париже. В пьесе Шатров вложил в уста действующих лиц то, что утверждалось противниками ленинизма относительно хода революции, роли Ленина в ней, взаимоотношений членов ЦК на различных этапах внутрипартийной борьбы... Такова суть «нового прочтения» Ленина Шатровым. Добавлю, что и автор «Детей Арбата» А. Рыбаков откровенно признал, что отдельные сюжеты заимствованы им из эмигрантских публикаций.

Еще не была опубликована пьеса «Дальше... дальше... дальше!», а я уже прочла хвалебные отзывы о ней в некоторых изданиях. Что бы значила такая торопливость? Потом узнаю, что спешно готовится постановка пьесы.

Вскоре после февральского Пленума в «Правде» опубликовано было письмо «По новому кругу?», подписанное восемью нашими ведущими театральными деятелями. Они предостерегают против возможных, по их мнению, задержек в постановке последней пьесы М. Шатрова. Этот вывод делается из появившихся в газетах критических оценок пьесы. Написавшие письмо почему-то выводят авторов критических рецензий за скобки, тех, «кому дорого Отечество». Как же это сочетается с их же желанием «бурно и страстно» обсуждать проблемы нашей давней и недавней истории? Выходит, свое мнение позволительно иметь только им?

В многочисленных дискуссиях, проходящих сегодня буквально по всем вопросам общественнознания, меня, как преподавателя вуза, интересуют прежде всего те вопросы, которые непосредственно влияют на идейно-политическое воспитание молодежи, ее нравственное здоровье, ее социальный оптимизм. Беседуя со студентами, вместе с ними размышляя об острых проблемах, невольно прихожу к выводу, что у нас накопилось немало перекосов и односторонностей, которые явно нуждаются в выправлении. На некоторых из них хочу остановиться особо.

Взять вопрос о месте И. В. Сталина в истории нашей страны. Именно с его именем связана вся одержимость критических атак, которая, по моему мнению, касается не

столько самой исторической личности, сколько всей сложнейшей переходной эпохи. Эпохи, связанной с беспримерным подвигом целого поколения советских людей, которые сегодня постепенно отходят от активной трудовой, политической и общественной деятельности. В формулу «культ личности» насильственно втискиваются индустриализация, коллективизация, культурная революция, которые вывели нашу страну в разряд великих мировых держав. Все это ставится под сомнение. Дело дошло до того, что от «сталинистов» (а в их число можно при желании зачислить кого угодно) стали настойчиво требовать «покаяния»... Вздох расхваливаются романы и фильмы, где линчуются эпоха бури и натиска, подаваемая как «трагедия народов». Иногда, правда, подобные попытки возвести на пьедестал исторический нигилизм не срабатывают. Так, иной, зацелованный критикой фильм, вопреки невиданному рекламному пресингу, бывает весьма прохладно принят большинством населения. Сразу же отмечу, что ни я, ни члены моей семьи не имеем никакого отношения к Сталину, его окружению, приближенным, перевозчикам. Мой отец был рабочим Ленинградского порта, мать — слесарем на Кировском заводе. Там же работал мой старший брат. Он, отец и сестра погибли в боях с гитлеровцами. Один из родственников был репрессирован и после XX съезда партии реабилитирован. Вместе со всеми советскими людьми я разделяю гнев и негодование по поводу массовых репрессий, имевших место в 30–40-х годах по вине тогдашнего партийно-государственного руководства. Но здравый смысл решительно протестует против одноцветной окраски противоречивых событий, начавшей ныне преобладать в некоторых органах печати.

Поддерживаю партийный призыв отстоять честь и достоинство первопроходцев социализма. Думаю, что именно с этих партийно-классовых позиций мы и должны оценивать историческую роль всех руководителей партии и страны, в том числе и Сталина. В этом случае нельзя сводить дело к «придворному» аспекту или к абстрактному

морализаторству со стороны лиц, далеких и от того грозного времени, и от людей, которым пришлось тогда жить и работать. Да еще так работать, что и сегодня это является для нас вдохновляющим примером.

Для меня, как и для многих людей, решающую роль в оценке Сталина играют прямые свидетельства непосредственно сталкивающихся с ним современников как по нашу, так и по ту сторону баррикады. Небезынтересны именно эти последние. Возьмем хотя бы Черчилля, который в 1919 году гордился своим личным вкладом в организацию военной интервенции 14 иностранных государств против молодой советской республики, а ровно через сорок лет вынужден был такими словами характеризовать Сталина — одного из своих грозных политических оппонентов:

«Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в которое протекала его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И странное дело — держали руки по швам. Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял и нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов... Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием».

Притворством или политической конъюнктурой не объяснишь такую оценку-признание со стороны верного стража Британской империи.

Основные моменты этой характеристики можно найти и в мемуарах де Голля, в воспоминаниях и переписке других политических деятелей Европы и Америки, которые имели дело со Сталиным как с военным союзником и классовым противником.

Значительный и серьезный материал для размышлений по данному вопросу дают отечественные документы, которые к тому же доступны для всех желающих. Взять хотя бы двухтомник «Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», выпущенный Политиздатом еще в 1957 году. Эти документы, право же, вызывают гордость за нашу державу, ее место, роль в бурном, изменяющемся мире. Припоминается сборник докладов, речей и приказов Сталина в годы минувшей войны, на которых воспитывалось героическое поколение победителей фашизма. Он вполне может быть переиздан с включением документов, бывших тогда секретными, вроде драматического приказа №227, на чем, кстати, настаивают некоторые историки. Все эти документы неизвестны нашей молодежи. Особенно важны для воспитания исторического сознания мемуары полководцев Жукова, Василевского, Голованова, Штеменко, авиаконструктора Яковлева, которые знали Верховного не понаслышке.

Слов нет, время то было весьма суровым. Но и то верно, что личная скромность, доходящая до аскетизма, еще не стыдилась самой себя, что потенциальные советские миллионеры еще опасались проклевываться в тиши заштатных контор и торговых баз. К тому же мы не были столь деловыми и прагматичными и готовили молодежь не к тонкостям потребления заработанных родителями благ, а к Труд и Обороне, не сокрушая духовный мир молодых чуждыми шедеврами из-за «бугра» и доморощенными поделками масскультуры.

Из долгих откровенных разговоров с молодыми собеседниками выводим мы такие умозаключения, что атаки на

государство диктатуры пролетариата и тогдашних лидеров нашей страны имеют не только политические, идеологические и нравственные причины, но и свою социальную подпочву. Заинтересованных в том, чтобы расширить плацдарм этих атак, немало, и не только по ту сторону наших границ. Наряду с профессиональными антикоммунистами на Западе, давно избравшими якобы демократический лозунг «антисталинизма», живут и здравствуют потомки свергнутых Октябрьской революцией классов, которые далеко не все смогли забыть материальные и социальные утраты своих предков. Сюда же следует отнести духовных наследников Дана и Мартова, других, по ведомству российского социал-демократизма, духовных последователей Троцкого или Ягоды, обиженных социализмом потомков нэпманов, басмачей и кулаков.

Всякий исторический деятель, как известно, формируется конкретными социально-экономическими и идейно-политическими условиями, которые определяюще влияют на субъективно-объективную селекцию претендентов, призванных решать те или иные общественные проблемы. Выдвинувшись на авансцену истории, такой претендент, чтобы «остаться на плаву», должен удовлетворить потребностям эпохи и ведущих социальных и политических структур, реализовать в своей деятельности объективную закономерность, неизбежно оставив «отпечаток» своей личности на исторических событиях. В конечном счете, к примеру, сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы. Время конденсировало результат, лежащий ныне в оценке исторической личности императора Петра. И неизменные цветы на его саркофаге в соборе Петропавловской крепости олицетворяют уважение и признательность наших далеких от самодержавия современников.

Думаю, сколь ни была бы противоречива и сложна та или иная фигура советской истории, ее подлинная роль

в строительстве и защите социализма рано или поздно получит свою объективную и однозначную оценку. Разумеется, однозначную не в смысле одностороннюю, обеляющую или эклектически суммирующую противоречивые явления, что позволяет с оговорочками творить любой субъективизм, «прощать или не прощать», «выбрасывать или оставлять» в истории. Однозначную — значит, прежде всего, конкретно-историческую, внеконъюнктурную оценку, в которой проявится — по историческому результату! — диалектика соответствия деятельности личности основным законам развития общества. В нашей стране эти законы были связаны с решением вопроса «кто — кого?» во внутреннем и международном аспектах. Если следовать марксистско-ленинской методологии исторического исследования, то прежде всего, по словам М. С. Горбачева, надо ярко показать, как жили, как трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс и нарушения социалистической законности, а подчас и преступления.

Недавно одна моя студентка озадачила меня откровением, что-де классовая борьба — устаревшее понятие, как и руководящая роль пролетариата. Ладно бы такое утверждала одна она. Яростный спор, например, вызвало недавнее утверждение уважаемого академика о том, что-де нынешние отношения государств двух различных социально-экономических систем лишены классового содержания. Допускаю, что академик не счел нужным объяснить, почему он несколько десятилетий писал о прямо противоположном — о том, что мирное сосуществование есть не что иное, как форма классовой борьбы на международной арене. Выходит, теперь философ отказался от этого. Что ж, взгляды, бывает, меняются. Однако, как мне представляется, долг ведущего философа все же повелевает ему объяснить хотя бы тем, кто учился и учится по его книгам: что, разве сегодня международный рабочий класс уже не противостоит

мировому капиталу в лице своих государственных и политических органов?

В центре многих нынешних дискуссий, как мне представляется, стоит тот же вопрос — какой класс или слой общества является руководящей и мобилизующей силой перестройки? Об этом, в частности, говорилось в интервью писателя А. Проханова в нашей городской газете «Ленинградский рабочий». Проханов исходит из того, что особенность нынешнего состояния общественного сознания характеризуется наличием двух идеологических потоков, или, как он говорит, «альтернативных башен», которые с разных направлений пытаются преодолеть в нашей стране «построенный в боях социализм». Преувеличивая значение и остроту взаимного противоборства между этими «башнями», писатель тем не менее справедливо подчеркивает, что «сходятся они лишь в избиении социалистических ценностей». Но обе, как уверяют их идеологи, стоят «за перестройку».

Первый, причем наиболее полноводный идеологический поток, уже выявивший себя в ходе перестройки, претендует на модель некоего леволиберального интеллигентского социализма, якобы выразителя самого истинного и «чистого» от классовых наслоений гуманизма. Его сторонники противопоставляют пролетарскому коллективизму «самоценность личности» — с модернистскими исканиями в области культуры, богоискательскими тенденциями, технократическими идолами, проповедью «демократических» прелестей современного капитализма, заискиваниями перед его реальными и мнимыми достижениями. Его представители утверждают, что мы, дескать, построили не тот социализм и что-де только сегодня «впервые в истории сложился союз политического руководства и прогрессивной интеллигенции». В то время, когда миллионы людей на нашей планете гибнут от голода, эпидемий и военных авантур империализма, они требуют разработки «юридического кодекса защиты прав животных», наделяют необыкновенным,

сверхъестественным разумом природу и утверждают, что интеллигентность — не социальное, а биологическое качество, генетически передаваемое от родителей к детям. Объясните мне, что все это значит?

Именно сторонники «леволиберального социализма» формируют тенденцию фальсифицирования истории социализма. Они внушают нам, что в прошлом страны реальны лишь одни ошибки и преступления, замалчивая при этом величайшие достижения прошлого и настоящего. Претендуя на полноту исторической правды, они подменяют социально-политический критерий развития общества схоластикой этических категорий. Очень хочу понять, кому и зачем нужно, чтобы каждый ведущий руководитель ЦК партии и советского правительства после оставления им своего поста был скомпрометирован, дискредитирован в связи со своими действительными и мнимыми ошибками и просчетами, допущенными при решении сложнейших проблем на историческом бездорожье. Откуда взялась у нас такая страсть к расточительству авторитета и достоинства руководителей первой в мире страны социализма?

Другая особенность воззрений «леволибералов» — явная или замаскированная космополитическая тенденция, некий безнациональный «интернационализм». Я где-то читала, что, когда после революции в Петросовет к Троцкому, «как к еврею», пришла делегация купцов и фабрикантов с жалобами на притеснения красногвардейцев, тот заявил, что он «не еврей, а интернационалист», чем весьма озадачил просителей.

Понятие национального у Троцкого означало некую неполноценность и ограниченность в сравнении с интернациональным. И потому он подчеркивал «национальную традицию» Октября, писал о «национальном в Ленине», утверждал, что русский народ «никакого культурного наследия не получил», и т.п. Мы как-то стесняемся говорить, что именно русский пролетариат, который троцкисты третировали как «отсталый и некультурный», совершил,

по словам Ленина, «три русские революции», что в авангарде битв человечества с фашизмом шли славянские народы.

Конечно, сказанное не означает какого-либо умаления исторического вклада других наций и народностей. Это, как говорят сейчас, лишь обеспечивает полноту исторической правды... Когда студенты спрашивают меня, как могло случиться, что опустели тысячи деревушек Нечерноземья и Сибири, я отвечаю, что это тоже дорогая цена за Победу и послевоенное восстановление народного хозяйства, как и безвозвратные утраты массы памятников русской национальной культуры. И еще я убеждена: из умаления значимости исторического сознания проистекает пацифистское размывание оборонного и патриотического сознания, а также стремление малейшие проявления национальной гордости великороссов записывать в графу великодержавного шовинизма.

Тревожит меня и вот что: с воинствующим космополитизмом связана ныне практика «отказничества» от социализма. К сожалению, мы спохватились лишь тогда, когда его неофиты своими бесчинствами мозолят глаза перед Смольным или под стенами Кремля. Более того, нас как-то исподволь приучают видеть в названном явлении некую почти безобидную смену «местожительства», а не классовую и национальную измену лиц, большинство которых на наши же общенародные средства окончили вузы и аспирантуры. Вообще некоторые склонны смотреть на «отказничество» как на некое проявление «демократии» и «прав человека», талантам которого помешал расцвести «застойный социализм». Ну а если и там, в «свободном мире», не оценят кипучую предприимчивость и «гениальность» и торг совестью не представит интереса для спецслужб, можно возвратиться назад...

Как известно, в зависимости от конкретной исторической роли К. Маркс и Ф. Энгельс называли целые нации на определенном этапе их истории контрреволюционными — подчеркиваю, не классы, не сословия, а именно нации. На

фундаменте классового подхода они не стеснялись давать резкие характеристики ряду наций, в том числе русским, полякам, а также и тем национальностям, к которым принадлежали сами. Основоположники научно-пролетарского мировоззрения как бы напоминают нам, что в братском содружестве советских народов каждой нации и народности следует «беречь честь смолоду», не позволять провоцировать себя на националистические и шовинистические настроения. Национальная гордость и национальное достоинство каждого народа должны органически сливаться с интернационализмом единого социалистического общества.

Если «неолибералы» ориентируются на Запад, то другая «альтернативная башня», пользуясь выражением Проханова, «охранители и традиционалисты», стремятся «преодолеть социализм за счет движения вспять». Иначе говоря, возвратиться к общественным формам досоциалистической России. Представители этого своеобразного «крестьянского социализма» заморожены этим образом. По их мнению, сто лет назад произошла утрата нравственных ценностей, накопленных в туманной мгле столетий крестьянской общиной. «Традиционалисты» имеют несомненные заслуги в разоблачении коррупции, в справедливом решении экологических проблем, в борьбе против алкоголизма, в защите исторических памятников, в противоборстве с засильем массовой культуры, которую справедливо оценивают как психоз потребительства...

Вместе с тем во взглядах идеологов «крестьянского социализма» имеет место непонимание исторического значения Октября для судеб Отчизны, односторонняя оценка коллективизации как «страшного произвола по отношению к крестьянству», некритические воззрения на религиозно-мистическую русскую философию, старые царистские концепции в отечественной исторической науке, нежелание видеть послереволюционное расслоение крестьянства, революционную роль рабочего класса.

В классовой борьбе в деревне, например, здесь нередко выпячиваются «деревенские» комиссары, которые «стреляли в спину середняков». В разбуженной революцией огромной стране были, конечно, всякие комиссары. Но основной фарватер нашей жизни все же определяли те комиссары, в которых стреляли. Именно им вырезали звезды на спинах, сжигали живьем. Расплачиваться «атакующему классу» приходилось жизнями не только комиссаров, чекистов, деревенских большевиков, комбедовцев, «двадцатитысячников», но и первых трактористов, селькоров, девчонок-учительниц, сельских комсомольцев, жизнями десятков тысяч других безвестных борцов за социализм.

Сложности воспитания молодежи усугубляются еще и тем, что в русле идей «неолибералов» и «неославянофилов» создаются неформальные организации и объединения. Случается, что верх в их руководстве берут экстремистские, настроенные на провокации элементы. В последнее время наметилась политизация этих самостоятельных организаций на основе далеко не социалистического плюрализма. Нередко лидеры этих организаций говорят о «разделении власти» на основе «парламентского режима», «свободных профсоюзов», «автономных издательств» и т.п. Все это, по моему мнению, позволяет сделать вывод, что главным и кардинальным вопросом проходящих ныне в стране дискуссий является вопрос — признавать или не признавать руководящую роль партии, рабочего класса в социалистическом строительстве, а значит, и в перестройке? Разумеется, со всеми вытекающими отсюда теоретическими и практическими выводами для политики, экономики и идеологии.

Производным от этой ключевой проблемы социально-исторического мирозерцания является вопрос о роли социалистической идеологии в духовном развитии советского общества. К слову сказать, этот вопрос заострил еще в конце 1917 года К. Каутский, заявивший в одной из своих брошюр, посвященных Октябрю, что социализм отличается

железной плановостью и дисциплиной в экономике и анархией в идеологии и духовной жизни. Это вызвало ликование меньшевиков, эсеров и других мелкобуржуазных идеологов, но нашло решительный отпор у Ленина и его соратников, последовательно защищавших, как тогда говорили, «командные высоты» научно-пролетарской идеологии.

Вспомним: когда В.И. Ленин столкнулся с манипуляциями популярного тогда социолога Питирима Сорокина со статистикой разводов среди петроградского населения и религиозно-охранительными писаниями профессора Виппера (которые, кстати, выглядели по сравнению с ныне печатающимися у нас абсолютно невинно), то он, объясняя появление их публикаций неопытностью тогдашних работников средств массовой информации, констатировал, что «рабочий класс в России сумел завоевать власть, пользоваться ею еще не научился». В противном случае, указывал Владимир Ильич, этих профессоров и писателей, которые для воспитания масс «годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста», революционный пролетариат «вежливо выпроводил» бы из страны. Кстати сказать, из 164 высланных в конце 1922 года по списку ВЦИК многие потом вернулись назад и честно служили своему народу, в том числе и профессор Виппер.

Как представляется, сегодня вопрос о роли и месте социалистической идеологии принял весьма острую форму. Авторы конъюнктурных поделок под эгидой нравственного и духовного «очищения» размывают грани и критерии научной идеологии, манипулируя гласностью, насаждают вне-социалистический плюрализм, что объективно тормозит перестройку в общественном сознании. Особенно болезненно это отражается на молодежи, что, повторюсь, отчетливо ощущаем мы, преподаватели вузов, учителя школ и все те, кто занимается молодежными проблемами. Как говорил М.С. Горбачев на февральском Пленуме ЦК КПСС, «мы должны и в духовной сфере, а может быть, именно

КРАСНАЯ ДЮЖИНА

здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предложениями». На этом стоим и будем стоять. Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории Отечества.

КАК БЫ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

О ХРОНИКЕ

Концептуальный текст, характерный для того крайне политизированного периода нашей истории. Но! «Новый Взгляд» старорежимные читатели упрекали, что мы интервьюировали разноотраслевых социально значимых персон по одним и тем же стандартам, что певцов, что политиков, скатываясь, мол, под плинтус пресловутой «светской хроники». Попытаюсь объяснить вещи, на мой взгляд очевидные. Стараясь не сбиться на менторский тон. Светская хроника издавна является не очень изящным выражением естественного интереса рядовых членов социума к своим маститым лидерам. Подразумевается, что человек, упоминаемый в светской хронике, известен большинству читателей/зрителей. И лишь поэтому интересно ознакомиться с интригующими обстоятельствами его личной жизни. Ибо единственное (ну, почти единственное), что может роднить прославленную кинозвезду со скромной дояркой из далекого колхоза «Победный лапоть», — это, например, тот факт, что обеих лупят мужья. Адюльтеры, семейные драмы, громкие ссоры и нежные примирения. Это то, что встречается в жизни каждого. И ведь именно это дает благостную радость отождествления. Дает возможность посочувствовать звезде. Или позлорадствовать. То есть получить

удовольствие не только от размеренного потребления «культуры», но и от легкой, как смог, возможности оценивать знаменитого представителя некой элиты.

Человек, выставляющий себя (и плоды своей деятельности) на всеобщее обозрение (будь то спортсмен, актер, журналист или политический деятель), теряет, конечно же, всякое право на Тайну Своей Биографии. Как только приобретает славу, известность, популярность и тем самым становится интересен. Всякие возражения против самого жанра светской хроники нелепы по сути своей. Если именитый актер не желает, чтобы жалкие шелкоперы пописывали о его любовных похождениях, он может чрезвычайно просто решить эту проблему. Либо завязать с амурными похождениями. Либо... встать к станку завода «Красный тракторист». О нем забудут через год-два. Ведь широким массам неинтересны амурные интриги какого-нибудь слесаря Феофанова, и он не рискует попасть даже на страницы заводской многотиражки (в качестве удалого Дон Жуана, во всяком случае... разве что как передовик или, наоборот прогульщик). Хотеть быть на виду, но лишь своей парадной стороной (то есть громкими творческими успехами) или добрыми делами (благотворительность, туда-сюда) невозможно! По той простой, словно Колумбово яйцо, причине, что личность (тем более узнаваемо-популярная) интересна именно как явление природное, в (неприглядном порой) комплексе со своими бытовыми, повседневными проявлениями. Поэтому и по сей день интересуются, кстати, неоднозначной личностью В.А. Моцарта. Что вызывает, кстати же, весьма противоречивые (зачастую раздраженные) отклики и нервные, словно минное поле, споры на ускользящую тему: не опускает ли, мол, его гений тот, допустим, факт, что он был более чем примитивным (в быту) человеком, ужасающе далеким от грациозных интеллектуальных высот. Да, Моцарт не блистал «культуркой», хотя и наделен был уникальным даром свыше. Талант не спасает его обладателя от липкой пошлости, досадной тупости и прочих недостатков. А «парадный»

образ Личности, как правило, пугающе схематичен. И, что еще хуже, неинтересен.

Словом, про звезду (эстрады, ТВ, политики, etc.) любопытно знать все мелочи, чтобы иметь уютную возможность по-домашнему сравнить ее, звезду-то, с собой, соседом по лестничной клетке... И возможно, вздохнуть с аппетитным облегчением: у тебя самого жизнь складывается вовсе не плохо. Против светской хроники как жанра в основном выступают пострадавшие знаменитости или совинтеллигенты в первом поколении. Последние запальчиво утверждают, что их, де, грязь не интересует. Забывая о том, что именно из грязи (то есть повседневных межличностных коммуникативных удач и неудач, аффективных контактов одной особи с другими) и состоит эмоциональная основа бытия. Скромный человек, которому неприятно внимание чужих, никогда не станет ни актером, ни телерепортером, ни общественным деятелем. Он будет тихо жить своей размеренной жизнью. Само честолюбивое желание удивить мир, покориť кого-либо, уже подставляет его под огонь критики!

Ведь существование критики как таковой тоже не вполне правомерно. Почему спортивный комментатор, не умеющий ставить рекорды, словоохотливо судит о качестве выступлений звезд большого спорта? Казалось бы, не умеешь играть сам, не суди других. «Не судите, да несудимы будете». Однако критика (как жанр) процветает. И светская хроника дружно появляется в ведущих изданиях. Зачастую с рекордным (кстати!) числом ошибок. Примером и того и другого является тиражный чемпион нашей прессы еженедельник «Аргументы и факты», где, как заметила одна моя родственница, аргументы отсутствуют, а с фактами так просто засада! Единственное требование, которое, по-моему, должно предъявляться к «бульвару», — это фотографическая точность фактов. Стилистика же может быть самой разной. Так, фотография может сделать человека сногшибательным красавцем, а может — мерзким уродом. Важно, чтобы одного не сняли вместо другого.

Напомню скандал в западной прессе, когда после ГКЧП-заварухи ряд французских журналов опубликовал портрет писателя Бакланова, спутав его с героем этой книги, шефом отечественного ВПК. А попавшим в придирчивый объектив светской хроники можно посоветовать лишь еще раз перечитать концовку «Ревизора». Гоголь очень хороший писатель. Для тех, кто забыл, напомню: чтение вслух письма Хлестакова позабавило всех и всем досадило. Все хихикают и радостно обрывают телефоны, «обсуждая, насколько прекрасен наш круг», пока дело не дошло до них, и ярятся, лишь только всплывает какой-нибудь хмельной визит в казино, не ведая, что кое-какие социально значимые мужчины уже высказались по этому поводу. По мнению Ларошфуко (La Rochefoucauld), «истинно порядочный человек никогда не чувствует себя уязвленным». А на вопрос «Какова печать достигнутой свободы?» Ницше (Nietzsche) отвечает: «Не стыдиться больше самого себя». Надеюсь, мысль номер один понятна будет всем. Нельзя и рыбку съесть и на шарабанае покататься.

Для «Нового Взгляда» того периода, когда публиковались собранные в этой книжке беседы, главным была Личность, а каково кредо этой самой личности, нас не особенно волнует. Зато читатели могут, допустим, узнать, какие напитки предпочитает мятежный генерал Олег Калугин, или детально познакомиться с меломанскими наклонностями неутомимого борца за коммунизм Егора Лигачева (ведь митинговые амплуа этих персонажей монументальны и никого уже не удивляют). Самая славная, по-моему, наша придумка была — это персональные хит-парады. Очевидно, то, что Гитлер торчал от Вагнера, а Александру Руцкому нравится его тезка Малинин, — вовсе не случайно. На страницах «Нового Взгляда» напечатаны были ленинский и брежневский хит-парады; рассказано (их собственными словами!) о любимых мелодиях Ивана Полозкова и Владимира Жириновского; а Иосиф Кобзон и Александр Градский, наоборот, представлены как политические публицисты — все

это я расценивал как несомненную удачу вверенного мне немзыкального коллектива.

Мы исповедовали культ личностей. Феномен личности состоит как бы из трех аспектов:

— личность как таковая, то есть совокупность характерологических черт плюс система нравственных понятий, в рамках которых данная личность существует;

— результат общественной деятельности данной личности, будь то подметенная улица или написанный роман;

— биография, то есть история жизни данной личности, что есть едва ли не самое интересное; человек рождается с некоторой заданностью будущего, у него родители, которых он не выбирал, определенная социальная среда, в которой он растет, эпоха, в которую он попал; все остальное в его жизни является плодом его собственной интеллектуально-эмоциональной деятельности.

Создание собственной биографии (в которую каждый день ты вносишь какие-то ощущения и события, но ничего не можешь вычеркнуть) и есть в каком-то смысле самый интересный продукт человеческого существования. От того, насколько человеку удастся жить в рамках собственной системы координат, насколько эта система является его личным творчеством, насколько ему удастся быть цельным и последовательным, зависит эстетика, гармония его жизни, если... Если рассматривать биографию как некую историю, которую человек пишет всю свою жизнь. И которую, как произведение, можно будет полностью оценить, лишь учитывая момент и обстоятельства смерти.

Ведь в жизни не бывает случайных обстоятельств. Не каждого убивает маньяк на улице, и не каждый находит счастливый билет. Обстоятельства могут притягиваться или отталкиваться самой личностью. Бывает, что человек не произвел на свет ничего интересного, кроме собственной биографии. К сожалению, такие люди, как правило, не становятся известными другим. В лидеры выбиваются те, у кого есть талант, то есть исключительные способности в науках,

искусстве, спорте. Или умение (что есть отдельный дар) выбиваться в лидеры без перечисленных способностей. Лидер оказывается в центре внимания социума, который начинает интересоваться обстоятельствами его биографии.

Социум (любой) стремится раздавить индивидуальность. Но Страна, пережившая 70 восхитительных лет коммунистической идеологии, самой упрямой и непримиримой к индивидуальности, должна вместе с каждым своим гражданином стремиться к осознанию тезиса: среднего статистического не существует. Все и вся суть отклонения от некой нормы. Которой нет. Любой человек — уникальное явление природы. И интересен сам по себе. Он есть живая информация о том, как устроен мир. Каждый должен быть философом. Нападки на «выпячивание личности» могут исходить лишь от тех, кто, в силу чувства малоценности, себя таковою не считает. Ибо отношение к себе и к миру — зеркально.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреева Н. Не могу поступаться принципами // «Советская Россия» от 13 марта 1988 г.

Додолев Е. (Атропин) Взгляд из окна // «Смена», № 1486, апрель 1989 г.

Додолев Е. Колонка Главного // «Новый Взгляд», № 2 от 22 января 1992 г.

Додолев Е. Еще одна попытка Виталия Коротича // «Новый Взгляд», № 2 от 22 января 1992 г.

Додолев Е. Последняя ошибка генерала Калугина // «Новый Взгляд» № 24 от 18 июля 1992 г.

Ванденко А. О.С. за спиной М.С. // «Новый Взгляд», № 25 от 25 июля 1992 г.

Додолев Е. Культ личностей // «Новый Взгляд», № 27 от 8 августа 1992 г.

Ванденко А. Что-то с «Памятью» моей стало // «Новый Взгляд», № 28 от 15 августа 1992 г.

Додолев Е. Журналюги // «Новый Взгляд», №42 от 30 октября 1992 г.

Радзиховский Л. Я хотел избежать потрясений // «Новый Взгляд», № 7 от 9 февраля 1993 г.

Ванденко А. Калиф Янаев // «Новый Взгляд», №9 от 27 февраля 1993 г.

Ванденко А. Рефлекс Павлова // «Новый Взгляд», № 13 от 27 марта 1993 г.

Чучупал В. Предупреждение полковника Алксниса // «Новый Взгляд», № 40 от 15 октября 1994 г.

Додолев Е. Удачный получился на прошлой неделе спарринг // «Московская комсомолка», № 12 от 5 марта 2001 г.

Додолев Е. Культ личностей // «Однако», №0 (пилот) от 6 июля 2009 г.

Додолев Е. Виртуальные мемуары // «Московский Комсомолец», № 25255 от 18 января 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВА	5
ОТ АВТОРА	7
ГЛАВА 1. ПОРТРЕТ МАКАШОВА НА СЛУЧАЙНОМ ФОНЕ	11
ЛЖЕДМИТРИЙ	11
«ГОЛУБАЯ ТЕМА»	16
ОДИН ГЕНЕРАЛ ЛУЧШЕ ДВУХ	18
ПО КЛИЧКЕ СУХОВИНОВ	21
МАКАШОВ. POST SCRIPTUM	24
ГЛАВА 2. КАЛИФ ЯНАЕВ	29
КОМСОМОЛ — НЕ ПРОСТО ВОЗРАСТ	32
«МИШКА, МИШКА, ГДЕ ТВОЯ УЛЫБКА?»	35
НАС ВЫБИРАЮТ, МЫ ВЫБИРАЕМ	38
«САМАЯ НЕЛЕПАЯ ОШИБКА, МИШКА...»	40
«КОЕ-КОМУ ПОРТРЕТ Я ВСЕ-ТАКИ ПОПОРЧУ»	43
ЯНАЕВ. POST SCRIPTUM	45
ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА ГЕНЕРАЛА КАЛУГИНА	47
О ГЕНЕРАЛЬСКИХ ВКУСАХ	47
ПОКУШЕНИЯ	49
СВАДЬБА РОМАНОВОЙ	50
КАК ФРАНЦУЗСКАЯ МАФИЯ НАШИМ ПОМОГАЛА	50
ТОТ САМЫЙ КАРЛОС	51
КГБ В КРЕМЛЕ	54
КАЛУГИН. POST SCRIPTUM	57
АННАЛЫ ЖЖ	59

ГЛАВА 4. ЧТО-ТО С «ПАМЯТЬЮ» МОЕЙ СТАЛО.....	65
ЕВРЕИ, ЕВРЕИ, КРУГОМ ОДНИ ЕВРЕИ.....	66
ТАЙНА, ПОКРЫТАЯ МРАКОМ.....	69
«Я — ФАШИСТ».....	73
«НА МЕСТЕ ГОЛОВ У НИХ БУДУТ ЗАДНИЦЫ».....	77
ВАСИЛЬЕВ. POST SCRIPTUM.....	81
ГЛАВА 5. САЖИ УМАЛАТОВА. БЛОНДИНКА ЗА УГЛОМ.....	83
«ИЗ КВАРТИРЫ НЕ УЙДУ!».....	84
«МЕНЯ ХОТЕЛИ УБРАТЬ».....	87
«ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА НАМИ!».....	90
«НАМИ РУКОВОДИЛИ ПРЕДАТЕЛИ».....	94
УМАЛАТОВА. POST SCRIPTUM.....	98
ГЛАВА 6. ИНТЕРВЬЮ С НИКОЛАЕМ РЫЖКОВЫМ.....	101
РЫЖКОВ. POST SCRIPTUM.....	110
ГЛАВА 7. О.С. МИНУС М.С.....	111
СОВЕТСКИЙ СУД — САМЫЙ ГУМАННЫЙ СУД.....	112
СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ.....	115
ПАРТИЯ ЛЕНИНА — СИЛА НАРОДНАЯ.....	119
ШЕНИН. POST SCRIPTUM.....	122
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — ЗА РЕШЕТКОЙ.....	124
В АВГУСТЕ 1991 ГОДА.....	127
ОТ ТЮРЬМЫ И ОТ СУМЫ.....	131
ШЕНИН. POST SCRIPTUM.....	135
ГЛАВА 8. АЛКСНИС. ПОЛКОВНИК, О КОТОРОМ ПИШУТ.....	137
МАТРОС ЖЕЛЕЗНЯК ЖДАТЬ НЕ СТАНЕТ.....	138
КОТ, ГУЛЯЮЩИЙ САМ ПО СЕБЕ.....	139
БЕСПЛАТНЫЙ СЫР ИЗ МЫШЕЛОВКИ.....	142
КРЕМЛЕВСКИЕ ИНТРИГИ.....	147
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОЛКОВНИКА АЛКСНИСА.....	150
АЛКСНИС. POST SCRIPTUM.....	155
ГЛАВА 9. ГЭКАЧЕПИСТ БАКЛАНОВ.....	157
ПРЕЛЮДИЯ.....	158
«ГОРБАЧЕВ ВСЕ ЗНАЛ!».....	158
АРЕСТ.....	161
В «ТИШИНЕ».....	163
НА ВОЛЕ.....	165

БАКЛАНОВ. POST SCRIPTUM	167
ГЛАВА 10. ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА ВИТАЛИЯ КОРОТИЧА	169
КОРОТИЧ. POST SCRIPTUM	183
ГЛАВА 11. РЕФЛЕКС ПАВЛОВА	185
БЫЛ ЛИ АВГУСТОМ ИЮНЬ?	186
MONEY, MONEY, MONEY	190
Ё-ХО-ХО! И БУТЫЛКА ВИСКИ	194
НЕ ПО ТЕМЕ	199
ПАВЛОВ. POST SCRIPTUM	199
ГЛАВА 12. ЕГОР КУЗЬМИЧ	203
«НЕБОСКРЕБЫ, НЕБОСКРЕБЫ, А Я МАЛЕНЬКИЙ ТАКОЙ...»	205
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ	207
КРЕМЛЬ БЕЗ ТАЙН	211
ЛИГАЧЕВ. POST SCRIPTUM	212
АНДРЕЕВА НИНА, КРЕАТУРА КУЗЬМИЧА	217
НЕ МОГУ ПОСТУПАТЬСЯ ПРИНЦИПАМИ	222
КАК БЫ ПОСЛЕСЛОВИЕ. О ХРОНИКЕ	239
БИБЛИОГРАФИЯ	245

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

Влад Листьев.

ПРИСТРАСТНЫЙ РЕКВИЕМ

Из предисловия Кирилла Разлогова: «Предлагаемая вниманию читателя книга — явление по-своему уникальное, поскольку она сочетает в себе несколько проекций того (или, следуя объекту описания и анализа, несколько взглядов на то), что происходило, казалось бы, в совсем недавнем прошлом и у всех в памяти, однако представляется каждому со своей позиции, нередко противоречащей другим. Евгений Додолев — непосредственный участник программы «Взгляд», о которой он пишет со страстной заинтересованностью. И все же он строит свою книгу не как поток личных воспоминаний, а скорее как конструктор-аналитик: автор-составитель монтирует разные куски истории, разные фрагменты, мифы, интервью, которые, каждое по-своему, проливает свет на какой-то небольшой фрагмент этой весьма поучительной, хотя и достаточно короткой истории, и стремится найти в этом своеобразном калейдоскопе определенные силовые поля, которые так или иначе представляются ему важными».

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

НАСРАВШИЙ В ВЕЧНОСТЬ,
ИЛИ
НЕИЗВЕСТНЫЙ ГРАДСКИЙ

Заметки основаны на беседах с «отцом советского рок-н-ролла» Александром Градским пристрастного автора, которого певец называет своим другом и вместе с которым путешествовал по Средиземноморью и США в 90-х.

Александр Борисович Градский предстает здесь более ироничным и остроумным персонажем, его книжный образ отличается от привычного имиджа, знакомого лояльным поклонникам. Приводится не вполне хрестоматийная трактовка карьерного взлета композитора («Романс о влюбленных»), публикуются ранее не издававшиеся очерки самого Градского и дается слово его родным и близким: бывшей жене Ольге Семеновне и детям — Даниилу и Марии.

Книга иллюстрирована фотографиями из домашнего архива гения.

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ
СЕМЬ СКАНДАЛОВ
НАШЕГО ТВ

В этой книге рассказано о семи эпизодах отечественной телеиндустрии, которые обсуждались не только в российской прессе, но и зарубежными телевизионщиками.

Самострел Александра Невзорова, автора ленинградской передачи «600 секунд», 1990 год.

Закрытие самой рейтинговой программы СССР «Взгляд», 1991 год.

Убийство генерального директора ОРТ Владислава Листьева, 1995 год.

Показ по федеральным каналам записи сексуальных утех генпрокурора Юрия Скуратова (документальный фильм «Трое в постели») и телекиллерство Сергея Доренко (сюжеты о Юрии Лужкове, Евгении Примакове, etc.), 1999 год.

«Разгром» НТВ Гусинского и захват командой Березовского канала ТВ-6, 2001 год.

Вручение первой «Премии имени Листьева» Леониду Парфенову и его речь на церемонии, 2010 год.

Сергей Доренко vs «Прожекторпэрисхилтон» (разоблачение сценарного хода передачи), 2011 год.

Ко всем описываемым событиям автор — известный журналист Евгений Додолев — имел то или иное отношение. Был ведущим программы «Взгляд», и именно в его сюжете всесоюзный зритель увидел легендарного ведущего областной передачи Александра Невзорова. Вместе с Димой Быковым и Сашей Никоновым делал хулиганский проект «Московская комсомолка», который был заточен Борисом Березовским под экзерсисы Сергея Доренко. Ну и т. д.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

ЛИМОНИАНА,

ИЛИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛИМОНОВ

В книге рассказывается об обстоятельствах возвращения эмигранта-маргинала Эдуарда Лимонова на свою Родину в начале 90-х. Публикуются неизвестные труды «антисоветского» (© Андропов) писателя, статьи и интервью его соратников (Наталии Медведевой, Ярослава Могутина + Александра Дугина), которые они готовили для проекта «Новый Взгляд», придуманного автором книги — известным журналистом Евгением Ю. Додолевым. Здесь же напечатаны и колонки Лимонова, из-за которых власти пытались возбуждать уголовные дела — и в отношении автора книги, и в отношении ее объекта. В книгу включены письма Лимонова автору и материалы, написанные писателем по заказу автора (ранее не издававшиеся).

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ
УЗБЕКСКОЕ ДЕЛО
ГАЛИНЫ БРЕЖНЕВОЙ

В книге рассказывается о Галине Леонидовне Брежневой, ее жизни и смерти, ее друзьях и тайнах, родителях и мужьях. Особенно подробно о втором супруге дочери Генерального секретаря — первом заместителе министра внутренних дел СССР Юрии Михайловиче Чурбанове. И об уголовном деле, которое привело последнего на скамью подсудимых и фигурантом которого была героиня повествования.

Книга основана на материалах закрытого уголовного дела, беседах с персонажами и воспоминаниях автора, который был единственным отечественным журналистом, сумевшим записать телевизионное интервью с Галиной Брежневой. Кроме того, автор провел неделю в спецзоне № 13, снимая документальный фильм для режиссера Марка Авербуха: репортаж об этом визите в «элитную зону», где отбывал наказание Чурбанов, лег в основу одной из глав настоящей книги. В книге развеиваются мифы о масштабе бриллиантовых афер авантюриста-спекулянта Бориса Буряца и якобы незаконных методах спецбригады Генеральной прокуратуры СССР под руководством Тельмана Гдляна и Николая Иванова.

Автор — единственный советский журналист, который взял ТВ-интервью у Галины Брежневой и который был аккредитован при группе Гдляна, вместе с которым в самом начале 90-х написал первые в СССР книги о брежневской коррупции «Пирамида-1» и «Мафия времен беззакония».

Книга иллюстрирована фотографиями из домашних архивов и уголовного дела.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

ПТЕНЦЫ

ГНЕЗДА ЭДУАРДОВА

Автор книги — известный журналист Евгений Ю. Додолев рассказывает о первых литературных опытах самых близких людей писателя-маргинала Эдуарда Лимонова — его жены №2 Наталии Медведевой и экстравагантного журналиста Ярослава Могутина, которого сам Эдичка называл своим сыном. Оба литератора начинали свою карьеру в проекте Додолева «Новый Взгляд», который стал площадкой для целой плеяды лимоновских соратников той поры (Александра Дугина, Александра Проханова и других); из фирменных «нововзглядовских» колонок писателя Савенко, которые назывались «лимонками», как из шинели Гоголя, вырос затем одноименный авторский «боевой листок», табуированный на территории России в 2002 году как орган официально запрещенной и признанной экстремистской (определением Верховного Совета РФ от 7 апреля 2007 года) партии нацболов.

Документально-художественное издание

Додолев Евгений Юрьевич

Красная дюжина
Крах СССР: они были против

Руководитель проекта Юрий Крылов
Заведующая редакцией Татьяна Чурсина
Компьютерная верстка Александр Алейников
Корректор Татьяна Бычкова

Подписано в печать 17.02.2012. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура BookmanC. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 2000 экз. Заказ № 93.

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.org

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru
svirin@zebrae.net

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ:

«Когда говорят, что сионизм – это патриотизм еврейского народа, не верьте. Чушь для безграмотных и серых. Это самая человеконенавистническая идеология в мире. Следствием сионизма явился – да, да, может, это и абсурдно звучит – Третий рейх».

ЕГОР ЛИГАЧЕВ:

«Лично мне ничто человеческое не чуждо, я готов, если есть возможность, выпить с вами хоть сейчас... Лозунг «За полную трезвость!» я считаю явной своей ошибкой».

АЛЬБЕРТ МАКАШОВ:

«Для меня не новость, что все делается согласованно, по указке из-за океана. Безусловно, все назначения в нашем командовании согласовываются и утверждаются в Белом доме, Лэнгли и Пентагоне».

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВ:

«Были случаи, когда скромный заведующий сельмагом из Узбекистана, получавший 80 рублей, сдавал несколько десятков миллионов сторублевками. Самое любопытное, что люди эти, сдав деньги, за ними больше даже не обращались».

Все персонажи, представленные в этом сборнике, были повелителями дум, вождями (пусть и разномасштабными), лидерами, ньюсмейкерами 1991 года, теми, кто был в фокусе общественного внимания в момент распада СССР. На словах они все, занимая разные, порой полярные, позиции, были против распада страны, но по факту вели державу к неминуемому краху. Автор книги Евгений Ю. Додолев в то время был известен как репортер-первопроходец и ведущий легендарной программы «Взгляд», и некоторые из героев «Красной дюжины» стали всеобщими известны именно после додоловских ТВ-сюжетов.

9 785470 001733

Евгений Ю. Додолев, 1992 г.

